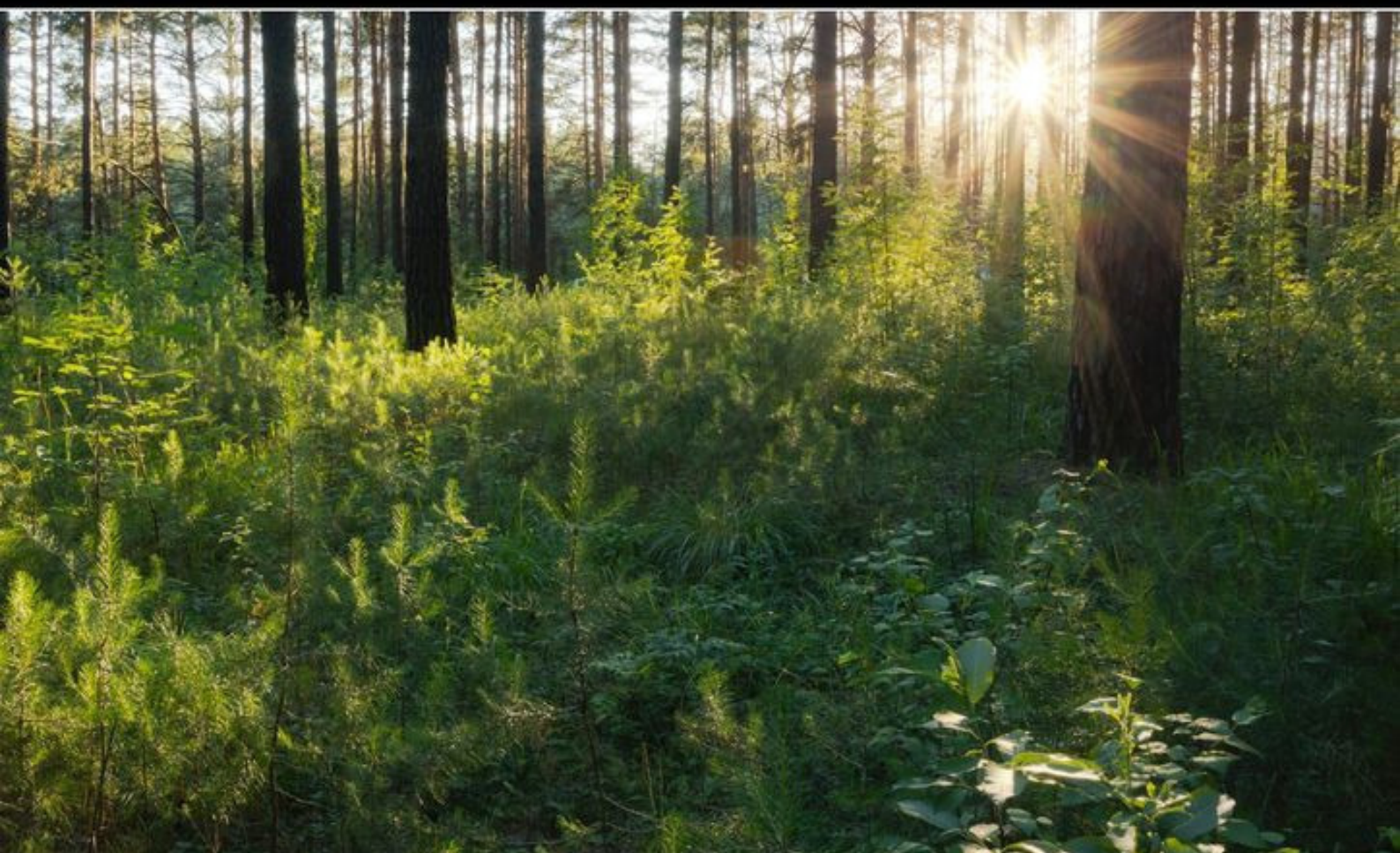

18+ Дарья Быстрицкая

Теория выбора и случайностей

Часть 3. «Перед рассветом, или И снова
здравствуй, нечисть!»

Дарья Быстрицкая

**Теория выбора и случайностей.
Часть 3. «Перед рассветом, или
И снова здравствуй, нечисть!»**

«Издательские решения»

Быстрицкая Д.

Теория выбора и случайностей. Часть 3. «Перед рассветом, или И снова здравствуй, нечисть!» / Д. Быстрицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590759-2

Мир не стоит на месте. Жизнь продолжается. Анжелике приходится возвращаться в реальность и заново строить отношения со старыми друзьями. Пророчество о силе её ярости обретает для девушки чёткие очертания. Она вынуждена сдерживать свою ненависть, чтобы не потерять саму себя. Тем временем в их мире наступает глубокая ночь...

ISBN 978-5-00-590759-2

© Быстрицкая Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	45
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	74
Глава 8	90
Глава 9	95
Глава 10	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Теория выбора и случайностей

Часть 3. «Перед рассветом, или И снова здравствуй, нечисть!»

Дарья Быстрицкая

Корректор Мария Сергеевна Миронова

© Дарья Быстрицкая, 2022

ISBN 978-5-0059-0759-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0056-8892-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события, персонажи, имена и фамилии вымышлены, любые совпадения являются случайными.

Глава 1

Обломок луны чётко выделялся на чёрном небе. Небо это было чистое, без единого облачка, и рассыпавшиеся по нему звёзды сверкали, словно драгоценные камни.

На окраине города Сибирска было тихо, как и в его центре. Редко-редко проезжала машина, да перелаивались собаки. В окнах домов не горел свет: все спали. Такое же безмолвие опустилось и на близлежащий лес, именуемый Тёмным.

Белый туман, окутавший этот лес, постепенно рассеивался. Ночь Посвящения для членов Общества Дьявола закончилась примерно полчаса назад. И ведьмы, и волки, участвовавшие в нынешней Ночи, уже разбредались из резиденции Дьявола по домам.

Теперь уже ничто не нарушало тишину древнего леса: ни вой волков, ни крики посвящаемых. Никто ныне не тревожил покой его жителей: все волки стаи Общества покинули его, как и ведьмы, – магия Дьявола по обычаю охраняла Тёмный лес до самого утра.

Если не брать в расчёт белый туман, то лес был таким же, каким в сотни других ночей. Величественный и неприступный, он стоял чуть в стороне от автомобильной дороги, наблюдая за всем со стороны, созерцая открывавшиеся ему картины и бережно храня свои и чужие тайны. Он видел и слышал многое: красивое и ужасное, радостное и трагичное, светлое и тёмное. Он ничему не давал оценки, ничего не осуждал, ни о чём не жалел – для этого он был слишком мудр. Судить кого бы то ни было он не брался, однако всё же тяжело вздыхал иногда. О чём? То ведомо лишь ему одному.

Горожане, живущие рядом с Тёмным лесом, считали его самым обыкновенным, учитывая, что первый участок, прилегавший к городу, действительно ничем не отличался от множества других лесов: большое количество молодых и стройных берёзок, да ели, тополя и сосны. Всё как и везде. Ничто не намекало на возраст этого леса, который можно было обнаружить, лишь пройдя глубже, нелегко было угадать в этой части леса ту величественность, что становилась явной далее, хотя её тень можно было заметить и здесь. Впрочем, любой лес, молодой или старый, заслуживает уважения и восхищения.

Практически всё живое ночью отходит ко сну, отдыхает, набирается сил перед новым днём, и Тёмный лес – не исключение. Он тоже затих, задремал как будто. Еле ощутимый ветер изредка пробегал по лесу, шевелил ветви деревьев. Сосны и ели на первом участке поскрипывали тихонько, а берёзы и тополя шелестели листвой. Кроме этого редко какой звук нарушал ночную тишину. Всё в лесу словно замерло, застыло.

Вдруг по окраине Тёмного леса прошла незримая тревога. Зайцы и птицы забеспокоились, напряглись, почуяв опасность. Всё живое притихло ещё сильнее, однако покоя и сонной расслабленности теперь в тишине не было. Предчувствие беды как будто зависло над первым участком.

Никого постороннего не должно было быть здесь в такой час, а всё-таки ветки елей отодвигались в сторону невидимой рукой, трава приминалась под чьими-то ногами, шуршала, и хрустело что-то на земле, как будто наступил кто-то, и шелестела листва на кустарниках и деревьях, чьи ветки всё раздвигались и раздвигались, словно оказывались на пути кого-то и мешали ему. И не беспорядочны были эти явления: траектория определённая имелась у движения незримого гостя и вела она к концу первого участка, к городу Сибирску.

Зверьки и птицы вздрагивали, когда рядом пригибалась к земле трава под ногами того, невидимого, и замирали в страхе, а «он» всё шёл и шёл. Вот уже и кончился участок, лес, а трава по-прежнему приминалась, шурша, то там, то здесь. Один шаг, второй, третий, и внезапно из ниоткуда возникла фигура. Только недавно начавшая расти луна осветила высокого мужчину, его широкие плечи, кудрявую голову. Лицо его всё ещё находилось в тени, но вскоре он поднял голову к небу, и стало хорошо видно, какие бездонно чёрные у него глаза...

* * *

Пожилой мужчина с абсолютно седой головой и морщинистым лицом смотрел добрым взглядом на молоденькую библиотекаршу, записывающую в его карточку книги. Он был постоянным посетителем библиотеки города Сибирска и хорошо знал всех, кто здесь работал. Эту молодую и красивую блондинку он тоже знал и любил. Симпатизировал ей мужчина, потому что она была доброй, вежливой и улыбчивой. По крайней мере, такой она была до недавнего времени.

Примерно с месяц назад жизнерадостный блеск из голубых глаз девушки испарился. Она стала бледненькой, худенькой и несчастной. Тоска теперь застыла в её глазах. Всё это сильно огорчало немолодого посетителя, его сердце кровью обливалось за эту грустную красавицу. Он хотел бы ей помочь, развеселить как-нибудь или хотя бы заставить улыбнуться. Но он не имел совершенно никакого представления о том, как это сделать.

Молодая библиотекарша в это время дозаписывала все книги в карточку, составила их на стойку и протянула карточку с ручкой мужчине. Он принял из её рук и то, и другое, однако расписываться не стал. Вместо этого поглядел ей в лицо и осторожно сказал:

– Милочка, что-то вы в последнее время совсем грустная стали. Случилось чего?

Розовенькие губки блондинки чуть дрогнули в улыбке.

– Нет, Василий Захарович. Ничего не случилось. Всё нормально.

– Лукавите, дорогая. Разве молодые девушки бывают такими грустными, если ничего не произошло. Любовь несчастливая, наверное, случилась?

– Любовь была, да только несчастливой я бы её не назвала.

– Расстались, значит?

Улыбка девушки стала горькой.

– Можно сказать и так, – уклончиво ответила она.

– Сойдётесь ещё, раз любите друг друга.

– Нет, Василий Захарович, не сойдемся. Уже никак не сойдемся. Слишком далеко мы теперь друг от друга находимся.

Посетитель наклонился к библиотекарше.

– Милая моя, вы такая хорошая и красивая девушка, что одна ни за что не останетесь. Всё ещё у вас будет. Ничего страшного: другого найдёте и лучше прежнего. Уж поверьте мне.

Ей хотелось сказать, что лучше того, который был, просто нет и не будет, но промолчала. Зато в другом не сдержалась: весело рассмеялась, а потом и широко улыбнулась мужчине.

– Спасибо, Василий Захарович. Спасибо вам большое.

Пожилой посетитель просиял.

– Не за что, милочка. Совсем не за что. Я был рад увидеть, наконец, вашу улыбку. У вас такая светлая улыбка. Улыбайтесь почаще.

– Я постараюсь, – пообещала блондинка, будучи не в силах сдержать улыбку.

– До свидания.

– И вам всего доброго.

Почему-то его сочувствие совсем не тяготило её. Этот дедушка сочувствовал так искренне, что не откликнуться было невозможно. Она улыбалась и провожала его взглядом.

Как только Василий Захарович исчез за дверью, улыбка Ангелы потускнела. Она повернулась, чтобы поставить его карточку на место, и ощутила на себе взгляд Надежды Семёновны. Для того чтобы игнорировать этот взгляд, нужны крепкие нервы, а с нервами у ведьмы в последнее время было как-то не очень. Однако она всё же мужественно терпела.

Пожилая библиотекарша презрительно фыркнула. Внутренне Нестерова вздрогнула и мгновенно начала закипать, но сумела взять себя в руки и спокойно отвернуться от коллеги.

К сожалению, девушка имела свойство работать слишком быстро, и теперь делать ей было нечего. А работа была бы сейчас так кстати!

– Совсем никакой гордости не осталось у современных девушек, – громко произнесла Надежда Семёновна, якобы обращаясь к Наталье Фёдоровне, возившейся неподалёку. – Как это глупо: страдать по мужчине, который тебя бросил как ненужную вещь.

– А кто вам сказал, что он меня бросил? – вырвалось у Анжелики, прежде чем она успела остановить себя.

– Но ты же...

– Сказала, что мы расстались, и только. Из этого вовсе не следует, что он меня бросил.

– Ещё как следует...

– Нет, не следует! – с нажимом повторила Лика. – Уверяю вас, не следует.

– Деточка, – презрительно изогнув губы, начала женщина, – кому ты рассказываешь...

– Для вас, Надежда Семёновна, меня зовут Анжелика Николаевна! – перебила собеседницу девушка.

– Что-о-о?! Ему ты, значит, позволяешь себя называть и милочкой, и дорогой, и всяко разное, а я должна обращаться к тебе по имени-отчеству?!

– Да. Потому что это моё право разрешать или не разрешать кому-то каким-либо образом обращаться ко мне. Вам я даже никогда не давала позволения обращаться ко мне на «ты».

– Да ты мне в дочери годишься, если не во внучки!

– Что не даёт вам никакого права унижать меня или оскорблять. Сколько бы лет ни прошло, а я всегда буду годиться вам в дочери или внучки, но это вовсе не значит, что я не имею права на элементарное уважение. Наша с вами разница в возрасте не даёт вам права принижать моё достоинство или относиться ко мне с пренебрежением. Я не виновата в том, что родилась намного позже вас! Неужели я не заслуживаю нормального человеческого – а главное – уважительного! – отношения только потому, что младше вас? И, кстати, я работаю здесь почти четыре года и ни разу не упрекнула вас в том, что вы обращаетесь ко мне на «ты». И не упрекнула бы никогда, если бы вы не посчитали, что это даёт вам право вести себя по отношению ко мне, как вздумается. – Девушка старалась говорить спокойно, но внутренне балансировала между истерикой и яростью, что в последнее время стало для неё обычным делом. – И ещё, Надежда Семёновна: я не нуждаюсь в ваших поучениях и советах, поэтому, пожалуйста, избавьте меня от выслушивания оных. Когда они мне понадобятся, я сама к вам обращусь.

– А ты всё-таки послушай, – не отступила пожилая библиотечарша.

– Не хочу. Спасибо, Надежда Семёновна, но не хочу.

Ангела встала из-за стола, собираясь отойти куда-нибудь, чтобы успокоиться, однако сделать этого не успела.

– Да ни один мужчина не стоит того, чтобы по нему страдали! – воскликнула Надежда Семёновна.

Ведьма подняла руку ладонью к собеседнице в жесте, призывающем к молчанию, и взмолилась:

– Хватит!

– Нет, не хватит! Послушай совет того, кто видел в этой жизни больше твоего: ни один мужчина не стоит ничьих слёз...

– Ни к чему обобщать! – вскричала Нестерова. – Вы с моим мужчиной знакомы не были...

– Мне ни к чему быть с ним знакомой: я знала многих мужчин – уж поверь мне...

– Что вовсе не означает, что вы знаете всех мужчин! – перебила её Анжелика. – Я тоже знакома со многими мужчинами и – да: большинство из них не стоит ничьих страданий, однако это не имеет никакого отношения к моему мужчине. По части мужчин нельзя делать вывод обо всех, Надежда Семёновна.

– Господи, да какая же ты влюблённая дурочка! – насмешливо фыркнула женщина. – Это надо же быть такой помешанной на каком-то мужике! Ты ему ещё памятник поставь! Тьфу!.. Смотреть жалко. Наивностью за километр разит от тебя. Он наверняка тебе изменял направо и налево – конечно, как такую не дурить!..

В какой-то момент Лике пришла в голову мысль: «А и вправду: откуда мне знать? Как я могу быть в ком-то уверена?», но тут же она одёрнула себя и от этой мысли отмахнулась. Наивность – это её слабое место, несомненно, и Надежда Семёновна, похоже, это поняла. Однако наивна она не до такой степени!

В следующий миг девушка поняла, что коллега очерняет Волка, оскорбляет его память, и разозлилась. Кто-кто, а он этого не заслужил!

– Замолчите! – выкрикнула блондинка. – Не смейте! Вы никакого права не имеете так говорить о нём! Я не желаю это слушать!

– Ну и не слушай! Нежная какая. – Пожилая библиотечарша опять пофыркала. – Я-то думала, горе у неё какое-то случилось, а её всего лишь парень бросил! Надо же, царевна! Не бросали поди никогда, на блюдечке всю жизнь всё подносили. Ничего: теперь попробуешь, как это. Не переломишься...

– Не переломлюсь, – подтвердила ведьма ледяным тоном. – Если раньше не сломалась, то теперь уж тем более. Переживу – не сомневайтесь. – Она улыбнулась как истинная представительница нечисти. – Как только вам-то не стыдно, Надежда Семёновна?

– Мне стыдно? – удивилась та. – А за что?

– За своё столь явное злорадство по поводу моего несчастья. Вы даже не знаете, какое оно, моё несчастье, но так счастливы, я смотрю. Не стоит это так открыто демонстрировать, Надежда Семёновна. Не пойму только одного: что я вам плохого сделала? Что вас так во мне раздражает?

– Я не злорадствую вовсе, – возразила Надежда Семёновна, – но кое-что меня в тебе раздражает действительно: нос больно высоко задираешь.

Ангела растерянно улыбнулась.

– А что же мне: в землю им утыкаться, как будто стыжусь чего-то?

– То, что твой отец – большой вор, не даёт тебе права смотреть на всех людей свысока.

Девушка мягко рассмеялась:

– Если я и высокомерна, Надежда Семёновна, то вовсе не из-за отца. И не говорите так о нём, пожалуйста: даже если я согласна с вами «про себя», мне это всё равно неприятно.

– Ах, какая чувствительность!.. А из-за чего же ты тогда мнишь о себе так много, если не из-за отца? Ах, да! Как я забыла? Ты же внешностью у нас удалась. Только вот внешность у тебя развратная какая-то, пошлая.

– Пошлая? – удивлённо переспросила Нестерова. Андрей ей как-то говорил, что красота у неё нежная, мягкая – не агрессивная, и дерзкой и напористой она выглядит, только когда делает «специальное лицо». – Несерьёзное обвинение какое-то у вас получилось: во-первых, моя внешность дана мне от природы, и тут я ни в чём не виновата, а во-вторых, она не может быть ни пошлой, ни развратной, потому что я не одеваюсь вульгарно и косметикой не пользуюсь совсем. Всё это глупости надуманные, Надежда Семёновна. Думаю, разговор лучше закончить.

Анжелика всё-таки ушла от греха подальше. С одной стороны, ей было смешно от их разговора, а с другой – внутри трясло от бешенства, дрожало там что-то мелко и напряжённо. А ещё было обидно и, в основном, за Волка.

До конца рабочего дня они с Надеждой Семёновной так ни разу больше и не заговорили.

Ближе к восьми часам вечера Лика сидела за туалетным столиком и заканчивала сооружать на голове причёску. Одета она была в серебристое платье, в котором впервые танцевала с Волком на балу Полнолуния. С любой вещью, которая имелаась у девушки в гардеробе, были

связаны те или иные воспоминания, касавшиеся Волка. «Безопасных» вещей в этом плане у неё просто не было.

Ангела вставляла шпильки в волосы одну за другой, смотрела на свои руки через зеркало, но мыслями от всего этого была далека. Конечно, она думала об Андрее.

На одном из балов Полнолуния, когда они с Волком уже были парой, Наташа подошла к ней и спросила: не скучно ли ей с Андреем? Ведьма, разумеется, удивилась. Каким-каким, а скучным Волка она не считала. Наташа же придерживалась иного мнения: ей казалось, что Туманов слишком помешан на своей работе, слишком правильный, положительный, приземлённый и – вот уж действительно смешно! – простой. Ей не импонировала его любовь к природе и Тёмному лесу в особенности, его любовь к книгам и равнодушие к кино. Она находила его недостаточно творческим и сокрушалась по поводу того, что он не способен на какое-нибудь «безумство».

По мере перечисления всех этих «недостатков» у Анжелики медленно отвисала челюсть. А Наташа продолжала говорить дальше: она расстраивалась, что Андрей совсем не умеет развлекаться, хотя и старался всегда, что он слишком серьёзный, и при этом никогда не поймёшь, что у него на уме. Единственное, чего не коснулась Наталья, – это была постель, и всё потому, что она, видите ли, считала его хорошим любовником, как и, естественно, безумно красивым парнем. Она не произнесла этого вслух, но подумала, а Нестерова её мысль услышала.

На тираду бывшей девушки Андрея блондинка тогда ответила:

– Мне никогда не бывает с Волком скучно. Мы столько времени с ним дружили, и я всегда считала его интересной личностью. Думаю, ты бы нашла очень скучной и меня. Я кое в чём с тобой не согласна в отношении Волка и особенно в том, что он – простой. Прости, Наташа, а в каком месте он – простой? По моему мнению, он напротив очень сложная личность. И как ты можешь называть нетворческим того, кто изготавливает такие потрясающие кованые изделия? У Волка – талант!

– Причём здесь талант? – чуть насмешливо улыбнулась Наташа. – Это всего лишь какие-то железяки!

– А, по-твоему, талант – это только картины, музыка и писательство? Если бы ты видела хоть одну из этих «железяк», то так бы не говорила. Талантов на свете уйма, и относятся они к различным сферам жизни.

На том их разговор и закончился.

Лика была согласна с тем, что вожак стаи помешан на своей работе – на обеих работах – но не осуждала его за это, хотя с трудоголизмом всё-таки немного боролась. Андрей был очень деятельным мужчиной, он чувствовал себя виноватым, если не занимался делом, у которого есть какой-нибудь результат, и считал тогда, что тратит время впустую. Даже за прогулки в лесу он порой корил себя, но во время прогулок они хотя бы двигались, и это, пожалуй, единственное, что его с ними мирило.

Ангела очень старалась уменьшить трудоголизм Волка, и в некоторой степени ей это удалось. Она приучила-таки его не строить слишком грандиозные планы, потому что труд всегда должен чередоваться с отдыхом. Она научила его немного бездельничать, и он мог потом даже некоторое время просто полежать на траве или на диване, пристроив свою голову ей на колени и позволив гладить его по голове. Просто так. Без цели. Без результата.

Чего не поняла ведьма, так это в чём выражается приземлённость Волка? Что Наташа имела в виду? Может, она перепутала это слово с каким-то другим? Андрея можно было назвать мужчиной домашним. Он был создан для дома, для семьи. Он должен был стать хорошим отцом, прекрасным мужем – настоящим семьянином. Возможно, кому-то это казалось скучным, но он таким родился. Общепринятые развлечения, как и «безумства», были не для него. У него была иная натура, хотя чересчур серьёзным Анжелика его назвать не могла: он умел посмеяться и подучаться. И на «безумства» он не был способен вовсе не из-за отсут-

ствия смелости или храбрости – трусом он не был ни в коей мере – просто они казались ему бессмысленными, ненужными. И его девушка в этом была с ним солидарна.

Лика догадывалась о том, что многие женщины находят Волка скучным. Дело было в том, что он совершенно не умел флиртовать и заигрывать. Он общался с представительницами противоположного пола, мог поулыбаться им и посмеяться, но делал это всё чисто по-дружески, и чувствовалось, что делает только по-дружески. Он никогда не разглядывал женщин, не смотрел им вслед, чтобы, например, полюбоваться красивыми ножками. Он мог оценить внешность девушки или наряд, но ни в его взгляде, ни в его словах относительно данного предмета не наблюдалось никакого сексуального подтекста. В этом был весь Волк. Он не лгал, когда говорил, что ему не нужно нравиться всем женщинам, – точно так же его не интересовали все женщины. Его интересовала лишь одна, и тогда он как всегда оставался безразличным ко всем остальным, кроме неё.

Когда слеза капнула на поверхность туалетного столика, Ангела очнулась. Торопливо она стёрла рукой мокрую кляксу и заставила себя встряхнуться. Вот-вот должна была начаться ежегодная вечеринка в честь Ивана Купалы, и явиться на неё зарёванной было бы нежелательно.

Поспешно ведьма принялась искать, на что можно отвлечься. Взгляд её коснулся кованой розы, лежавшей на краю столика, и отвести его от неё блондинка уже не смогла. Медленно она протянула руку к цветку и взяла его. Пальцы её осторожно погладили железные лепестки, листья. Губами она коснулась холодного полураспустившегося бутона...

Через 5 минут Анжелика уже находилась в зале, полном гостей. Равнодушно она здоровалась с теми, кого знала, но не стремилась с кем-либо завести беседу и держалась в стороне. Ей думалось о том, что сегодня должно было бы исполниться 4 года, как они с Волком познакомились. К сожалению, уже не исполнится.

Девушка отошла к одному из окон и стала скользить взглядом по собравшейся толпе. Как ни удивительно, в зале оказалось много незнакомых лиц. Однако удивлялась блондинка этому недолго: скоро ей стало неинтересно, и она опять начала думать о том единственном лице, которое хотела бы увидеть в этой толпе.

В зал вошёл Максимилиан Ахмедов. Лика заметила его сразу и в ту же секунду поспешно отвернулась к окну. Она была не готова ни разговаривать с ним, ни даже смотреть ему в глаза.

Ещё недавно она отвергала сочувствие друзей, потому что ей было стыдно, что именно она стала причиной убийства Волка. Теперь же ей было стыдно за своё поведение. Чувство вины, подмявшее её под себя, наконец, немного ослабило свою хватку, и девушка поняла, что друзья никогда не обвинили бы её в смерти Андрея и ни в чём бы не упрекнули. Она должна была быть с ними, она не имела права отгораживаться – они нуждались в ней. А она взяла и спряталась ото всех, выключила телефон и сама никому не выразила сочувствие по поводу смерти Андрея. Да, он был её парнем, но им-то приходился другом, а это ничуть не меньше!

Ангела понятия не имела, как теперь станет извиняться перед друзьями, боялась и не знала, простят ли они её за то, что бросила их в такое время. И за то, что ушла из Общества Дьявола. Причин-то ведь она им не объяснила.

Мероприятие началось. Николай Нестеров дал знак приблизиться младшей дочери. Она подчинилась и подошла. Вся семья – в том числе и поженившиеся пару лет назад Антон и Таня – уже была в сборе. На этот раз отец подозвал их, чтобы познакомить с Максимом Грозовым.

Ведьма заметила этого молодого человека, когда оглядывала зал. Он был одним из тех неожиданных незнакомцев, что она приметилла к собственному удивлению. Он стоял рядом с пожилыми Грозовыми, но она почему-то не догадалась, что он и есть тот самый внук из Англии, о котором она замучилась слушать в своё время.

Максим оказался не слишком высоким, но достаточно симпатичным парнем. У него были волосы шоколадного цвета и карие глаза, оттенок которых был чем-то средним между гла-

зами Волка и глазами Максимилиана: они были не такие светлые как у Андрея, но и не такие тёмные как у Макса. Молодой Громов обладал широкими плечами, но вся его фигура всё-таки не выглядела внушительно: было в ней что-то тонкое, хотя вроде бы и мышцы имелись. В общем, он был сухощавым и не слишком крупным.

Одет парень был, наверное, модно: какие-то обтягивающие брюки, зауженные книзу, и более привычная взгляду белая рубашка. Низ этого наряда не пришёлся Анжелике по вкусу, однако она признавала, что Максиму такие брюки носить позволено: его ноги были ровными и не такими уж худыми.

Рассмотрев Громова и пожав ему руку, девушка тут же потеряла к нему всякий интерес. Все её силы уходили на то, чтобы не наткнуться на взгляд Ахмедова. А Максим поглядывал на неё, несмотря на то обстоятельство, что его вниманием отчаянно пытались завладеть Кристина и её подружки, Марина и Юля.

Отец, рядом с которым Лика осталась стоять, говорил Станиславу Сергеевичу и ещё несколькими мужчинам о Громе-младшем.

Максим год назад получил степень магистра философии и после этого остался жить и работать в Англии, однако по прошествии года его намерения изменились, и он вернулся в Россию. Молодой человек планировал заняться преподавательской деятельностью и принял решение поступить на работу в один из вузов Москвы. В том учебном заведении, на которое Громов «положил глаз», всё уже было обговорено и решено, и теперь ему предстояло лишь подождать годик, пока освободится место, которое он желал занять. Человек, работавший на той должности, должен был следующим летом уйти на пенсию, а пока отец Максима, чтобы тот не скучал этот год, отправил его в Сибирск к родителям. Дело было в том, что Громов-старший открывал в городах данного региона – в том числе Сибирске – сеть гипермаркетов, и его единственный сын должен был за этим одним глазком присмотреть. Несомненно, Максим имел образование совсем иного рода, но он также был сыном своего отца и с возложенной на него миссией вполне был способен справиться.

Ангела выслушала всю эту историю вполуха и лишь сделала вывод, что Максим не относится к типу прожигателей жизни, а как раз наоборот: является достаточно целеустремлённым парнем. Всё это было, конечно, в пользу молодого Громова, однако желания продолжать с ним знакомство ведьма всё равно не испытывала.

Она стояла, задумчиво опустив глаза, когда ощутила на себе настойчивый взгляд. Чей это взгляд, блондинка знала прекрасно и невольно съежилась под ним. Она пыталась игнорировать Максимилиана, но надолго её не хватило: всё-таки сдалась и подняла глаза.

Макс находился в компании бизнесменов неподалёку и, не мигая, смотрел на подругу. В его тёмно-шоколадных глазах отражался укор. Волна стыда захлестнула Нестерову, и она густо покраснела под этим осуждающим взглядом.

Ахмедова отвлекли, и он неохотно переключил своё внимание на собеседников. Анжелика же уставилась в пол, подмятая под себя жгучим стыдом.

Кто-то посторонний мог бы подумать, что между этими двумя было что-то вроде романа или совместно проведённой ночи. Именно так подумал заметивший их обмен взглядами Горлов и зло посмотрел на блондинку. Она этого не почувствовала: слишком была занята своими эмоциями. Все её мысли были о том, как оправдаться перед другом.

– Жаль, что от Чернова опять никто не пришёл, – сказал Николай Нестеров. – Я надеялся, что тот парень вновь посетит нас. Почему-то он мне нравится.

– Ах, ты о Туманове?... – вздохнул Станислав Сергеевич. – Он никак не мог прийти.

– Почему? – удивилась Марина Сергеевна.

– Я забыл вам сказать...

– Что? – осведомился растерянный Николай.

– Он пропал без вести.

– Как?! – ахнули в один голос супруги.

Ангела впилась взглядом в бывшего приятеля. Он же продолжал:

– А вот так. Алексей Чернов ещё в начале июня подал заявление о том, что его сотрудник, Туманов Андрей Юрьевич, не вышел на работу.

– Алексей? – переспросил Нестеров-старший. – Это сын Владимира?

– Именно.

– Я никогда его не видел.

– Я тоже до этого времени не видел его никогда – в тот день я был ответственный. Он на отца не похож совсем, да и замученный какой-то, хотя всё равно смазливый. У них с Владимиром там разделение обязанностей, и получалось, что Туманов был непосредственно его подчинённым.

– По-моему, то, что человек один раз не вышел на работу, вовсе не повод подавать заявление, – высказалась Марина Нестерова.

– Возможно, – кивнул Горлов, – но заявление Чернов подал через трое суток, как полагается. И, по его словам, Туманов – парень весьма обязательный, который даже на больничный никогда не ходил, не говоря уже о пропусках без причины. Для него невыход на работу – это очень необычно.

– Вот как?.. И его не нашли?

– Не нашли. До сих пор нет никаких известий. Ни друзья, ни коллеги не имеют никакого понятия о том, куда он подевался.

– А родственники? – встрял Николай.

– К родственникам, как нам сказали, обращаться смысла нет: он с семьёй связь не поддерживал. С родителями редко виделся, с братом они вообще конфликтовали, и только с сестрой он немного общался. Их опросили, конечно, но ни один из них не смог сказать, куда он исчез.

– А девушка у него была? Он же парень-то очень красивый.

– Была, но никто из друзей, по их словам, не был с ней знаком. Врут, похоже, хотя смысла в этом нет никакого.

– Да уж... – протянул Нестеров. – Жаль, если с ним что-то плохое случилось... Неожиданно всё это, конечно. Очень неожиданно.

Станислав Сергеевич отвёл глаза от приятеля и пристально поглядел на его дочь. Она тоже смотрела на него какое-то время, а потом резко отвернулась. Ей было неприятно это отстранённое обсуждение Волка.

Пропал без вести... Вот как пришлось представить людям убийство Андрея. Пожалуй, других вариантов просто не было: ведь тела-то нет. Да и людей втравлять в это всё было бы неэтично: что они могут против Дьявола и его слуг?

Анжелика подумала о Лёше. Даже Станислав Сергеевич заметил, что он замученный. Бедный Лёша... Ему пришлось подавать заявление об исчезновении того, кто, как он достоверно знал, был убит. Того, кто был ему хорошим другом почти 10 лет. И Федя с ребятами... ведь тоже врать пришлось: и о смерти Волка, и о ней, Ангеле. Зачем? Уберечь хотели? Чем бы волки и сын Дьявола ни руководствовались, она им была безмерно благодарна. Не чувствовала она себя готовой к общению с правоохранительными органами, да и притвориться, что не знает о смерти вожака стаи, она бы просто не смогла. Та сцена в Тёмном лесу ещё была слишком жива в её сознании.

Лица поёжилась и обхватила себя руками, словно ей холодно, хотя от холода внутреннего это не спасало ничуть. Горло стиснуло спазмом. Девушка почувствовала, что сейчас попросту рухнет на пол, и поэтому быстрым шагом пошла прочь. Хотя отлично знала, что от воспоминаний таким способом не убежишь...

Она почти достигла выхода из зала, когда кто-то с силой схватил её за локоть и резко развернул. Её сердце стукнуло один раз, а потом замерло совсем. Замерло, потому что она увидела того, кто остановил её, – Максимилиан. Он, зло прищурившись, смотрел на неё в упор. Анжелика тоже смотрела на него, сумев подавить первоначальное желание бежать, куда глаза глядят.

– Какого чёрта ты бегаешь от нас и прячешься? – сердито, но тихо, заговорил Ахмедов. – И как долго ты собираешься это делать?

– Макс... – беспомощно произнесла Нестерова.

– Что «Макс»? Что «Макс»? Ты спряталась в этом доме ото всех и выключила телефон. И даже не оставила мне шанса позвонить тебе и сказать, что мне жаль! А мне – жаль! Жаль, подруга, и я хотел сказать тебе об этом месяц назад!

Девушка ёжилась под взглядом вампира, полным гнева, а он продолжал:

– Ребята подходят ко мне и спрашивают: как к тебе подойти? А я не знаю, как к тебе подойти! Я уже ничего о тебе не знаю! Мы столько времени близко общались, а всё равно получилось, что мы толком тебя не знаем! И сидим и гадаем, как на ромашке: подойти – не подойти, пошлешь – не пошлешь! Что это такое, в конце концов?! Почему ты сбежала? Почему ты бросила нас всех, когда так была нам нужна? Ты нужна нам, а мы – тебе! Зачем всё это? Зачем вот так, подруга? Мы даже до сих пор не знаем, что там толком случилось и как! В чём вообще было дело?! Ты ведь ничего не объяснила! Ушла и закрылась ото всех, словно нас всё это не касается!

Люди, стоявшие рядом, стали на них оглядываться.

– Макс, отпусти меня, – взмолилась Ангела и добавила, когда он попытался проигнорировать её просьбу: – Макс, на нас смотрят!

Мефистофель огляделся по сторонам и выпустил-таки её руку, убедившись в том, что так и есть: на них посматривали все, кто находился поблизости, а также Нестеров, Горлов и остальные, располагавшиеся чуть ли не в другом конце зала.

– Ну, вот опять, – прошипел мужчина. – Здесь нам даже не поговорить толком! Удобно для тебя.

– Макс, не надо так, – прошептала блондинка. – Я не в состоянии...

– Все не в состоянии, но лучше быть всем вместе не в состоянии, чем по отдельности.

– Возможно, но я... – Она вздохнула, не зная, что сказать. – Ты знаешь, почему убили его? Максимилиан улыбнулся обманчиво ласковой улыбкой и с издёвкой ответил:

– Не знаю. Понятия не имею.

– Ваш папочка хотел, чтобы я ушла, – сообщила ему ведьма. – Это он так надавил на меня. Сказал, что я бы не ушла, пока Он был жив. Понимаешь? Его убили из-за меня.

– Вот убудок, – пробормотал Ахмедов своим обычным голосом. – А зачем ему это? Зачем от тебя избавляться?

– Затем, что одним фактом своего существования я посягаю на его власть. Власть, до которой мне дела нет!..

Вампир молчал, глядя на неё, а потом вдруг признался:

– Не могу поверить, что он – мёртв. Он был такой... живой. Очень живой. Живее просто некуда. Он казался мне чем-то постоянным, неизменным. Тем, что было и будет всегда.

– Мне – тоже, – приглушённо сказала Анжелика.

Окружающие всё ещё поглядывали на них. Макс покосился на ближайших, и они тут же поспешно отвели от них глаза. Он повернулся к девушке.

– Значит так: ты либо выбираешься из своей конуры, либо я обижаюсь на тебя до конца жизни. И учти: прощать я не умею. Я хочу знать, как всё произошло, и ты нужна мне. Сильно нужна. И хоть я не умею утешать, я хотел бы хоть попробовать, а ты мне даже возможности не дала!.. Ты всё поняла, подруга?

– Макс...

– Мне недостаточно перешёптываний длительностью в две минуты в толпе. Поняла? Выбор за тобой. Думай. – Ахмедов повернулся было уйти, однако передумал и вместо этого твёрдо взял подругу за плечи. – Я знаю, что тебе плохо и, наверное, даже хуже всех, но это не повод бросать нас. Так не пойдёт. Как ты знаешь, я – жуткий эгоист, и ты сильно обидела меня тем, что отвернулась от нас. Теперь твоя очередь делать шаг...

С этими словами Максимилиан ушёл, оставив Лику одну. Обиды она на него не почувствовала. Скорее, наоборот – он её развеселил. Девушка тихо улыбнулась себе под нос и тут же отправилась «делать шаг».

Многие косились на блондинку, но ей всё было безразлично, кроме друга, который собирался обидеться на неё до конца жизни.

Ахмедов только и успел подойти к мужчинам, с которыми до этого вёл беседу, как приблизилась Нестерова, положила ладонь ему на плечо, встала на цыпочки и прошептала на ухо:

– Если хочешь, я расскажу тебе всё прямо сейчас. На крыльце дома. Через пять минут. Тебя устроит?

Тёмно-шоколадные глаза обратили на неё свой взор, но ни гнева, ни обиды в них больше не наблюдалось. Губы же его чуть заметно улыбнулись. Он кивнул:

– Хорошо.

Хранительница Сердца тоже от улыбки удержаться не смогла. Добившись же своего, она вновь направилась к выходу из зала. Только теперь у неё была походка не забитой Анжелы Нестеровой, а ведьмы по прозвищу Ангела.

Когда Анжелика оказалась в коридоре, её обожгло воспоминание: ровно год назад она также покинула зал, а потом, вслед за ней, вышел Волк, и они сидели тогда на полу и болтали обо всём подряд. Он уже был влюблён в неё в то время, а она не знала.

Чтобы не пасть духом и не расклеиться, девушка поспешила выйти на улицу. Вдохнув прохладный вечерний воздух, она немного пришла в себя. Теперь надо было сосредоточиться на предстоящем разговоре. Как только блондинка подумала о нём, сразу же почувствовала, что не совсем готова говорить о смерти Андрея.

«Рано или поздно всё равно придётся, – сказала она себе мысленно. – Соberись. Ты пообещала».

К тому времени, когда Макс появился на крыльце, Лика уже более или менее настроилась. Улыбки на её лице больше не наблюдалось, да и Мефистофель был очень серьёзен. Они посмотрели друг другу в глаза, а затем девушка тяжело вздохнула и начала повествование.

Друг слушал очень внимательно, не задавал вопросов, не перебивал. Его лицо было напряжённым, как и лицо рассказчицы, которая старалась сдержать свои эмоции. И ей это удалось: ни единой слезинки не сорвалось с ресниц. Она не позволила себе слишком уж углубиться в воспоминания, хотя под конец повествования всё-таки горло стиснуло спазмом, и дышать стало нечем.

Ахмедов заметил её состояние и потянулся было к ней, но она замотала отрицательно головой и отступила.

– Не надо, Макс, – кое-как выдавила из себя Ангела. – Я в порядке.

– Но я хотел...

– Если ты начнёшь меня утешать, я не смогу потом остановиться. Поэтому не стоит, пожалуй. У меня... сейчас пройдёт.

– Ладно, – растерянно произнёс мужчина. – Но... что ты теперь делать собираешься?

Со слабой улыбкой на губах ведьма пожала плечами.

– Я не знаю. Просто понятия не имею. Наверное, ничего.

– Оставишь всё вот так?! – вскричал Максимилиан.

– А что делать, Макс? Что я могу сделать? В милицию заявление подать? И о чём?! Тела-то ведь нет, как и доказательств! Да и кто к ответственности их привлечёт? Они же все из списка. Да и смысл людей в это впутывать?..

– А сами?

– А что мы можем сделать сами? Что, Макс? Есть какие-то предложения?

– Я бы его убил, – пробормотал Брюнет.

– Дьявола? Ну, убей. Я не могу: я слово дала. И если ты соберёшься, то говорю тебе сразу: Волк бы этого не хотел. Ему это не нужно. Он сам так сказал. Да и что это изменит? Волка всё равно не вернуть...

– А так хотелось бы... Какая подлость Жизни: всякие ублюдки живут себе припеваючи, а его нет. Лучшие всегда умирают рано почему-то. Меня это бесит больше всего. Мир многое потерял с его смертью.

– Согласна, – тихо сказала Анжелика. – Однако ты не прав: ублюдки тоже умирают. Я о Рихтере.

– И только. Он один. Убиты девять вампиров, одна ведьма и Волк. Равно между ними не поставишь. Рихтер сдох, а Васька, этот ваш Никита и его шестёрки – все живы.

– Да, живы. Предлагаешь их убить? Волк убил Рихтера, защищаясь, и всё равно жалел об этом. Где гарантия, что и мы потом не пожалеем? И ведь между убийством в бою и простым убийством есть большая разница. Если мы начнём их отслеживать и убивать, то окажемся ничуть не лучше.

– Да, – со вздохом согласился Макс. – Тут ты права. Но что же делать?

Девушка горько рассмеялась:

– Я уже месяц спрашиваю себя об этом, но ответа так и не нашла. Попробуй теперь и ты. Может, получится.

Друзья замолчали и задумались каждый о своём. С вокзала доносился шум поездов, и они слушали его, когда сил думать не осталось. У обоих на душе было тяжело.

Первым нарушил молчание Ахмедов. Он задал вопрос:

– А Дьявола можно как-нибудь убить?

– Думаю, можно, – нехотя ответила Нестерова. – С помощью оружия любой из представителей наших видов может его убить. Но мне кажется, что такой способ весьма ненадёжен: он ведь магией владеет и может как-нибудь... отвести от себя удар что ли. Наверное, лучшего способа, чем магия, нет. – Девушка посмотрела на вампира. – Насколько я помню, ты как-то говорил, что с магией не очень дружишь. Так что это не для тебя.

– Да. Зато ты с магией дружишь.

– И связана обещанием, – напомнила она. – Это была последняя воля Волка, поэтому я ни за что не нарушу данное обещание. К тому же, он прав. Это не по мне: слишком Владимир Петрович когда-то был мне дорог.

– А... Лёша? – не совсем уверенно осведомился Макс.

– Тем более нет. Способности к магии он потерял, да и в любом случае он отца не тронет.

– Почему?

– Он его любит.

– После всего?! И Куликовых, и Сезовых, и... да всех убили по его приказу! И ведьму эту рыжую. Лизу то есть.

– Лёша во всём винит себя, а не отца. И Лёша – не убийца, Макс. Нет смысла даже рассуждать: даже пожелай он отцу смерти, убить не сможет. Без магии он ничего не сделает.

– А я и забыл про магию. Оля ведь говорила, что он теперь... ноль. В плане магии я имею в виду, – поспешно добавил мужчина.

Лица мягко улыбнулась.

– Я поняла и так.

Мефистофель поёжился от неловкости и торопливо отвёл взгляд от лица подруги. Она догадалась, что ему неудобно говорить о Лёше, и опустила глаза, чтобы не смущать. Они снова замолчали.

– Ангела, ты прости, что я на тебя наехал, – произнёс смущённо старший сын Дьявола.

– Я не обиделась. Ты прав кое в чём. Но мне стыдно, что всё это из-за меня. Не будь меня, Волк сейчас был бы жив.

– Ну, подруга! – громко усмехнулся Максимилиан. – Если так рассуждать, то нам всем можно пойти и повеситься. Этих «бы» можно придумать массу.

– Да: например, если бы Волк не попал в Общество...

– ... то Тёмный лес давно сгорел бы дотла, – закончил за неё мужчина.

– Верно, – улыбнулась девушка. – Без него бы точно сгорел. Хотя... нет. Лёша бы этого не допустил: у него с Тёмным лесом особая связь. – Тут она смутилась и поспешила отвернуться, но скоро заговорила опять: – Чертова сила! Всё из-за неё. Погубила единственного, кто её не боялся. Он один и не боялся.

– Ну почему один? А ты сама?

Нестерова поглядела брюнету в глаза.

– Нет, Макс. Он один.

– Почему?! Ты боишься?

– Пожалуй, да, – тихо ответила блондинка. – Всё вроде бы ничего, но... какой-то страх на задворках сознания есть. Одно предсказание Венеры чего стоит: я могу разнести всю Сибирь. Как мило! Это так вдохновляет! – Собеседник расхохотался, и она заулыбалась, но потом опять стала серьёзной и продолжила: – И ещё я раньше была спокойной по натуре, из себя не выведешь практически, а если и выведешь, то нестрашно. Теперь же... завожусь так же с трудом, но... уже страшно: могу разрушить что-то и даже убить. Это пугает. Вдруг я однажды потеряю над собой контроль? Что тогда? Думать об этом даже не хочется.

– Не потеряешь, а если и потеряешь, то справишься с этим. Я уверен.

Друзья поговорили потом ещё немного, после чего попрощались. Ангела вернулась в зал первая. Присутствующие косились в её сторону, но её это интересовало едва ли. Мысли девушки были о состоявшемся примирении с другом и о том, что после разговора с ним стало значительно легче.

Когда ведьма подошла к отцу, на губах её расцвела улыбка, и эта улыбка была чуть менее равнодушной и отстранённой, чем получилась бы у неё ещё несколько часов назад. Большинство людей отнесло эту улыбку на счёт только что произошедшего свидания «любовников», и Анжелика мысли эти слышала. Однако сегодня уже ничто не могло ей испортить настроение.

Глава 2

Солнце светило во всю силу. По синему небу проплывали пушистые лёгкие облака. Ангела сидела во дворе на лавочке и, запрокинув голову, смотрела на эти облака.

На улице было душно, и влажный воздух был каким-то тяжёлым, однако периодически дул лёгкий ветерок и приятно освежал разгорячённое тело. Только этот ветерок примирял ведьму с погодой и позволял оставаться на месте. Иначе бы она уже давно спряталась в тень.

Поправляя тёмные очки, норовившие съехать с вспотевшего носа, Анжелика думала о том, как же она любит лето. Каждый год она ждала именно лета, а оно так часто не оправдывало ожиданий! До Ночи Посвящения, например, целых две недели лил дождь, и стоял холод. Казалось, это затянется, но в один момент погода изменилась. Воздух быстро нагрелся, и теперь уже хотелось, чтобы жара была не такой сильной. Эта резкая смена погоды в Сибири могла свести с ума кого угодно. Бывало, зимой вдруг выдастся тёплая погода, даже снег таять начнёт. Люди сначала порадуются, конечно, а потом почуют подвох. И как по заказу: неожиданно задуют сильные холодные ветра, а на следующий день ударит такой мороз, что мало не покажется. Только и успевай тут адаптироваться!

Девушка улыбнулась своим мыслям. Несмотря на то, что погода здесь людей не баловала, она бы свою Сибирь на тёплые южные края ни за что не променяла бы. А как же Новый год без крепкого мороза? А как же зима без метели? Выходить на улицу в такую погоду, разумеется, приятного мало – зато из окна полюбоваться в самый раз. Да и где, кроме Сибири, выпадает столько снега? Нет, в этих местах, определённо, есть свои прелести.

Вздыхнув, Нестерова оторвалась от созерцания неба и опустила голову. Здесь, внизу, её тоже окружала красота: аккуратно подстриженный газон и много-много всевозможных цветов на клумбах. Стараниями Юрия Ивановича двор этого дома был раем в миниатюре.

Блондинка встала с лавочки, с трудом оторвав себя от неё, и приблизилась к клумбе, на которой росли розы. Зажав между двумя пальцами стебель под самым цветком, она потянула его к себе и понюхала розу. Забавно, но раньше она считала, что все розы пахнут одинаково. Благодаря Юрию Ивановичу она узнала, что это не так: у одних аромат тонкий, у других – насыщенный, у третьих – изысканный, а у четвертых его почти нет, потому что все силы ушли на размер цветка. Все они разные. Нет в этом мире ничего абсолютно идентичного другому.

Внезапно Лике вспомнился аромат иных роз, которых здесь не было, – малиновых. Боль ударила как током, девушка резко выпрямилась и пошла к дому. Позволить себе думать об этом она не могла.

У главного крыльца ведьма немного притормозила и даже остановилась: по ступеням поднималась компания молодёжи, вернувшаяся с какого-то развлечения. Столкнуться с ними ей не хотелось, но и возвращаться на лавочку – тоже. Для светлой кожи Анжелики солнце могло быть опасным, а на улице она находилась уже давно и успела вполне неплохо прожариться. Поэтому пришлось идти в дом, хотя она всё-таки помедлила, дожидаясь, когда все войдут внутрь.

В сравнении с улицей дома было прохладно. Ангела чуть остановилась, наслаждаясь этой прохладой, а потом двинулась к центральной лестнице. Со второго этажа доносились оживлённые голоса, а когда она оказалась наверху, ещё и послышалось, как зазвонил телефон.

Многие оглянулись на ведьму и в первую очередь – Максим Громов. Она поздоровалась со всеми. Девушки ответили ей с неохотой, а парни, кроме Ильи и парочки его приятелей, – с воодушевлением.

Анжелика скользнула по всем присутствующим взглядом и повернулась, чтобы подняться на третий этаж. Она не успела ногу даже оторвать от пола, как её окликнула мачеха:

– Ангела!

Девушка обернулась. В руках у Марины Сергеевны находилась телефонная трубка.
– Тебе звонят. Мужчина какой-то.

Блондинка напряглась: вдруг кто-то из волков?

– Молодой или старый? – поинтересовалась она.

– Немолодой, хотя и не слишком старый, судя по голосу. Поклонник?

Нестерова выдохнула с облегчением и помедлила пару секунд, после чего подошла и взяла трубку из рук женщины, проигнорировав её издевательский вопрос. Прежде чем она успела поднести устройство к уху, ей вдруг подумалось: не Владимир ли Петрович беспокоит? От этой мысли она похолодела, однако решила зря не мучиться неизвестностью и просто ответила:

– Да?

– Анжелика Николаевна?

Голос оказался совершенно незнакомым. Лика тихонько выдохнула с облегчением ещё раз и перевела дыхание.

– Да, я слушаю.

– Добрый день, – сказал собеседник и, получив от неё ответное приветствие, представился: – Меня зовут Герман Альбертович Розенфельд. Вам о чём-нибудь говорит моё имя?

Девушка задумчиво нахмурилась.

– Боюсь, что нет. Оно мне смутно знакомо, но я не помню, где слышала его.

– Что ж, я так и думал. По роду деятельности я – нотариус. Беспокою вас по одному конфиденциальному делу.

Хранительница Сердца Змеи растерялась вконец.

– По какому делу?

– Видите ли, Анжелика Николаевна, один мой клиент пропал без вести. По крайней мере, так мне сообщил молодой человек, приходящийся моему клиенту близким другом и действующий по его просьбе.

– Как зовут вашего клиента? – осведомилась Ангела, понемногу начинавшая понимать, что к чему.

– Туманов Андрей Юрьевич. Это имя вам знакомо?

Это имя ударило по нервам ведьмы и заставило её вздрогнуть от нахлынувшей боли. Непроизвольно она обхватила себя за живот.

– Да, – судорожно вздохнув, ответила она, – знакомо. А... простите... Герман Альбертович, да?... в каком смысле он – ваш клиент?

– Андрей Юрьевич составил завещание, которое имеет к вам непосредственное отношение.

– Завещание?... – выдохнула Анжелика. – Он написал завещание?..

Колени у неё подогнулись, и она рухнула на диван. Схватившись за лоб, девушка лихорадочно размышляла и, в конце концов, полюбопытствовала:

– А... когда он его написал, если не секрет?

– В апреле этого года.

– В апреле, – повторила она за собеседником. – В апреле. Почему? – Последний вопрос блондинка пробормотала себе под нос и погрузилась в воспоминания. Она хотела понять, что могло заставить Волка написать завещание. В какой-то момент она осознала, что по её вине в разговоре затянулась пауза. – Простите... я... не знала. Зачем ему писать завещание?

– Это обыкновенная процедура, Анжелика Николаевна! – бодро воскликнул Герман Альбертович. – В этом нет ничего удивительного. Андрей Юрьевич показался мне очень ответственным молодым человеком, и с его стороны это было разумно. Завещание – хорошая вещь, которая всем упрощает жизнь.

– Да-да, вы, разумеется, правы, – поспешно произнесла Лика, – но... Господи! Ничего не понимаю... – прошептала она.

– Анжелика Николаевна, дело деликатное, и его обсудить бы надо. Кстати, должен сообщить вам, что господин Туманов написал письмо и убедительно просил передать его вам. Предполагаю, это письмо сможет повлиять на ваше решение относительно имущества моего клиента.

– Письмо? – приглушённо сказала девушка, ощущая, как внутри что-то разгорается. Радость – вот что это было. О чём бы ни говорилось в письме – пусть даже только о его имуществе, а не о любви – это был её шанс ещё раз почувствовать присутствие Волка.

– Так вы согласны встретиться, чтобы обсудить наше деликатное дело? – полюбопытствовал Розенфельд. – Я вас убедил?

– Да, но... – Нестерова прерывисто вздохнула. – Вы звоните мне в воскресенье, и всё-таки я предполагаю, что по выходным вы не работаете.

– Совершенно верно. Видите ли, я звонил вам и в будние дни, но ни разу вас не застал, а друг господина Туманова уверял меня, что на ваших родственников надеяться не стоит и лучше переговорить непосредственно с вами. Я решил не пренебрегать советом и координат своих оставлять не стал. Хотя, разумеется, я хорошо знаком с вашим отцом, госпожа Нестерова, и мог бы к нему обратиться, однако ведь может случиться так, что вы не желаете, чтобы кто-то из ваших родных знал о том, что кое-кто упомянул вас в своём завещании.

– Да, вы правы, – подтвердила Ангела. – Я действительно этого не желаю. И насчёт встречи... я работаю, и никаких отгулов у меня на данный момент не имеется, поэтому мне нужно поговорить со своим начальством.

– Когда мне вам позвонить?

– Давайте я лучше сама вам позвоню. Переговорю со своим начальством, позвоню вам, и мы всё согласуем. Устроит такой вариант?

– Вполне.

Ведьма быстро отыскала ручку и листочек и записала телефон нотариуса.

– Ждите моего звонка, Герман Альбертович. Всего доброго, – попрощалась с мужчиной Анжелика и положила трубку.

– Герман Альбертович? – воскликнул удивлённо Николай Нестеров, обнимая сзади дочь за плечо и наклоняя к ней своё лицо. – Есть ли в этом городе ещё один Герман Альбертович кроме Розенфельда?.. Ты, случайно, не с ним говорила?

– С ним, – не сумела солгать девушка.

– Завещание решила написать? – заговорщицким шёпотом осведомился отец.

– Думаешь, следует?

Мужчина расхохотался:

– Я шучу, Ангела! Ты что?.. Ты ещё молода – о смерти тебе пока рано думать, – и, похлопав её по плечу, отошёл.

Лика проводила его спину глазами и вновь поглядела перед собой. Вертя в руке бумажку с номером телефона, она пробормотала:

– Да нет... По-моему, самое время...

Девушка задумчиво нахмурилась и подняла глаза, дабы, наконец, встретиться взглядом с тем, кто в течение всего телефонного разговора не сводил с неё глаз. И по взгляду Максима Громова она сразу поняла, что её последнюю реплику он слышал.

Блондинка отвела глаза от Максима, встала и стремительным шагом пошла прочь.

«Почему Волк написал завещание? – думала она, поднимаясь по лестнице. – Что такого случилось в апреле? И почему мне он о завещании ничего не сказал?..».

* * *

В результате встреча была назначена на среду, на три часа дня. Ангела явилась за 5 минут до назначенного часа и приблизилась к секретарше.

– Здравствуйте. Меня зовут Анжелика Николаевна Нестерова. У нас с Германом Альбертовичем назначена встреча на три часа.

Совсем не киношная секретарша – немолодая, без идеального маникюра и с умными глазами – оглядела посетительницу с ног до головы, а затем кивнула и сказала:

– Секунду.

Набрав номер телефона шефа, женщина опять осмотрела блондинку и как будто бы и в этот раз осталась недовольна её видом. На самом деле, так и было: её беспокоило то, что посетительница, на её взгляд, слишком стройная, ухоженная, красивая. Такие девушки не вызвали у неё доверия.

– Герман Альбертович, к вам пришла Нестерова Анжелика Николаевна. – Она положила трубку и кивком указала на дверь. – Входите.

– Благодарю, – тихо произнесла ведьма, приблизилась к двери, постучала и вошла, получив разрешение. – Здравствуйте.

Нотариус оказался мужчиной опрятным, держащим себя в форме, очень коротко стриженным и не слишком морщинистым. По возрасту он явно приходился ровесником Горлову и Нестерову. Его не совсем новый костюм ему шёл и хорошо скрывал изъяны фигуры. Красавцем мужчина не был, однако определённое обаяние в нём имелось, и это чувствовалось.

– Здравствуйте, Анжелика Николаевна, – ответил на приветствие Герман Альбертович. – Проходите, садитесь – не стесняйтесь.

– Спасибо.

Анжелика пересекла комнату и села в кресло под пристальным взглядом хозяина кабинета. Он рассматривал её, видимо, удовлетворяя своё любопытство. Однако всяких таких разглядываний девушка не любила и встретила с ним взглядом, чтобы лишить его возможности безнаказанно глазеть на неё. Если он не желает показаться наглым, ему придётся закончить «осмотр», что, собственно говоря, господин нотариус и сделал.

– Хм. А вы совсем не похожи на отца. – Тут мужчина широко улыбнулся и заметил: – Впрочем, вам же лучше.

Лица вопросительно приподняла брови, а Розенфельд смущённо улыбнулся и пояснил:

– Николай Павлович может гордиться своей предприимчивостью, но никак не красотой.

Блондинка всё-таки мягко рассмеялась, понимая, что он пытается ей помочь расслабиться. Герман Альбертович удовлетворённо кивнул и спросил:

– Желаете чего-нибудь? Может быть, кофе или...

– Нет-нет, – перебила его девушка. – Переходите к делу.

– Хорошо. Как скажете. – Он вздохнул, прислонился поясницей к столу и сцепил руки на животе. – Итак, Андрей Юрьевич по завещанию оставил вам всё своё имущество. В чём оно состоит, вы знаете?

Ангела пожала плечом.

– Дом, машина.

– Верно. Машина только, насколько я понял, пропала вместе с хозяином. Ну, и помимо того, что мы с вами уже называли, у господина Туманова имелись определённые накопления на сберегательной книжке, а также некоторая сумма на банковской карте. Сумму не помню, но сейчас посмотрю...

Мужчина повернулся к столу, но ведьма твёрдо сказала:

– Не надо. Это ни к чему. Лучше... вы упоминали о письме.

Нотариус обернулся.

– Значит, вас гораздо больше интересует письмо, чем имущество, завещанное вам?

– Совершенно верно.

– Ладно.

Герман Альбертович обошёл свой стол и, наклонившись, стал открывать ключом один из ящиков: по крайней мере, так это поняла по звуку Нестерова. Когда мужчина выпрямился, в его руке находился бумажный конверт.

– Это письмо, – говорил он, идя к посетительнице, – можно скорее назвать личной просьбой, чем официальной услугой. Андрей Юрьевич мне понравился, и отказать я ему не смог. К тому же, он уверял меня, что хранить письмо мне придётся недолго.

Анжелика нахмурилась, а собеседник понимающе покивал и сообщил:

– Я спросил, что он имеет в виду, но он не объяснил – лишь попросил поверить ему, что я и вынужден был сделать. Очень любопытный молодой человек – ничего не скажешь. И письмо я не читал, если вас это беспокоит.

Девушка рассмеялась негромко и призналась:

– Мне это даже в голову не приходило, честно говоря. Я вижу, что вы – честный человек.

– Благодарю.

Письмо очутилось в руках у блондинки. Непонятное волнение и трепет охватили её. Она осторожно погладила пальцами белую бумагу. Внутри у неё что-то мелко дрожало.

– Я могу забрать его с собой? – срывающимся голосом осведомилась Лика, не отрывая взгляда от конверта.

– Конечно. Письмо ваше, Анжелика Николаевна, но мне бы всё-таки хотелось, чтобы вы прочитали его здесь и сейчас. После этого мы смогли бы продолжить наш разговор. Я вижу, что вы не слишком интересуетесь имуществом, оставленным вам Андреем Юрьевичем, и очень надеюсь, что это изменится после того, как вы прочтёте письмо. Мне хотелось бы, чтобы ваше решение было твёрдым.

– Хорошо, – неуверенно сказала девушка, не представляя, как будет читать письмо в присутствии Розенфельда.

– Разумеется, я вас оставлю, – с проницательной улыбкой произнёс он. – Думаю, моё присутствие будет лишним. Читайте, а я пойду, покурю.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила его Нестерова.

Нотариус улыбнулся и покинул кабинет. Дверь за ним мягко притворилась. Ангела оторвала взгляд от этой двери и посмотрела на конверт. Прерывисто вздохнув, она дрожащими руками вскрыла его, почувствовав легкое дуновение магии – по ощущениям, Лёшиной, – и вытащила аккуратно сложенные листы формата А4.

Её совсем не удивляло, что Волк не стал писать на тетрадных листочках: он принадлежал к тому типу людей – нелюдей то есть, конечно – которые способны без труда провести прямую линию. Он мог писать на неразлинованном листе, словно для него там существовали строки.

Ведьма сразу узнала почерк Андрея, и при виде этого почерка у неё сладко заныло сердце. Разволновавшись, она на миг прикрыла глаза и только после этого приступила к чтению.

«Дорогая моя Лика!

Как говорится, если ты сейчас читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Боюсь, в нашем с тобой случае эта фраза звучит более чем уместно. И, предполагая, убили меня поздней весной или ранним летом.

Ты, наверное, сейчас в недоумении. Но я объясню.

Помнишь, мы с тобой пару раз спорили о том, могут ли волки видеть будущее? Я настаивал, что только ведьмы на это способны, а ты утверждала, что и такие как я тоже могут. Так вот: ты была права, и я это признаю. Я видел это чёртово будущее дважды.

Мне тоже снились сны, как и тебе. Но, насколько я помню, тот твой сон был достаточно чётким, а мои же оказались не совсем понятными. Картинка была ясной только местами, и отдельные куски как будто вырваны. Так сразу и не поймёшь ничего. Большие на загадку смахивает.

Мой первый сон был о том, что произошло в лесу с той девушкой, Ириной. Я тогда ещё проснулся среди ночи, и ты меня успокаивала. Я сказал, что мне приснилась какая-то глупость, а ты потом наглаживала меня как кота. Помнишь такое?

Второй сон приснился мне среди недели, и я был один дома. Там я тоже захожу на первый участок и при этом точно знаю, что меня ждёт смерть. Кажется, я там слышал человеческие голоса, и опять были волки, много волков, а под конец меня даже кто-то укусил в шею. Так, наверное, кусают вампиры, но ведь вампиры никогда не кусают таких как я? Не знаю, кто это был. Но я хорошо помню, что в этом сне истекал кровью.

Я уже начал забывать про эти сны, хотя они и отличались сильно от обычных, пока первый из них не сбылся. Тогда я понял, что случится и второй, и решил написать заветное.

Ты спросишь, конечно, почему я тебе ничего не рассказал? Наверное, я не хотел тебя пугать. Хотя нет: это враньё. Отчасти я промолчал из трусости. Я не знал, как сказать тебе об этом. Ещё я не хотел, чтобы ты вмешалась в это будущее и что-нибудь изменила. Лёха сказал, что может выйти хуже, а я не хочу, чтобы пострадала ты или Федя, Миша, Лёва. Вы мне слишком дороги. Рисковать я не хочу. Но главным образом я не сказал тебе ничего, чтобы не продлевать твои мучения. Мне не хочется, чтобы ты ждала моей смерти и боялась. По моему мнению, оставить тебя в неведении гораздо гуманнее. Пусть ты будешь переживать только после моей смерти, а не до неё. Возможно, я не прав. В любом случае я прошу у тебя прощения.

А теперь немного о заветном. Догадываюсь, что всё моё имущество тебе без надобности, но всё-таки прошу не отказываться от него. Видишь ли, родная моя, ближе тебя и ребят у меня никого нет, но ребятам всё это действительно не нужно, а тебе может пригодиться. К тому же, мы оба знаем, что этот дом твой как и мой. Ты можешь сделать с ним всё, что хочешь: продать или подарить кому-нибудь. Не представляю, что ты станешь жить в нём одна: ты ведь и печку-то топить не умеешь, но если у тебя появится муж, то почему бы нет? Или оставь его в наследство своим детям. Поступай так, как считаешь нужным. Всё, что угодно, но только не отдавай его и остальное моим родственникам. Очень тебя об этом прошу.

Ты, возможно, подумала, что я – жадный? Это не так. Просто моя семейка очень привыкла к халяве и никогда не относилась к чужим вещам и чужому труду хотя бы уважительно. Мне всегда это в них сильно не нравилось.

Лиля, девица моя, ты как никто другой знаешь, сколько я копил эти деньги и сколько работал для этого. Ты одна знаешь, сколько сил, душевных и физических, я вложил в этот дом, и как он мне дорог. И я очень хочу, чтобы он достался тому, кто сможет оценить и его, и тот труд, которого он мне стоил. И я очень не хочу, чтобы его получили мои родственники, которые не в силах ничего этого оценить и которых волнуют только квадратные метры и деньги, деньги и ещё раз деньги.

Возможно, моя привязанность к материальным вещам низменна, но я ничего не могу с этим поделать. Мне дорого всё, что я нажил, и особенно – мой дом. Этот дом – моя мечта. Много лет я засыпал с этой мечтой и просыпался с ней. Впрочем, не буду углубляться в размышления на эту тему: думаю, ты и так меня поймёшь.

Пожалуйста, не отказывайся ни от чего и оставь себе. Надеюсь, что когда-нибудь это тебе пригодится. Как поступить со всем – дело твоё, и советов, пожалуй, я давать не вправе. Ты у меня умная, и я знаю, что распорядишься всем, как надо.

А ещё у меня есть к тебе одна просьба. Когда я умру, освободится моя должность. За место водителя я не волнуюсь: тут мне замену, думаю, быстро найдут, но за цех я беспокоюсь. Когда в цеху некому организовать работу, то идёт она плохо. Так вот если бы Лёха спросил моего совета относительно того, кого поставить на моё место, то я бы ответил: Федьку. Разумеется, Федьку. Подозреваю, что он станет упираться рогами и копытами, но я

уверен, что поставить следует его. Я знаю, что Федя справится и что это для него будет не слишком обременительно. Поначалу он, конечно, попытается, но потом разгонится и ещё как. Если бы это был непосильный труд для Федьки, то я советовать не стал бы. Я знаю, что эта ответственность его не сломает, и очень скоро он к ней привыкнет так, что и замечать перестанет. Это его место. Лучшее него никто не справится. Передай это, пожалуйста, Лёхе, если тебе несложно. Заранее спасибо.

Что-то я всё о деньгах, да о работе. Пожалуй, пора уже переходить к тому, ради чего, собственно говоря, я, наверное, и начал писать это письмо: я люблю тебя, Лика. Я очень сильно тебя люблю. Не существует в мире слов, способных выразить в полной мере то, что я испытываю к тебе.

Ты – самый прекрасный эпизод в моей жизни. Лучшие тебя в ней ничего не было. Всё самое лучшее связано именно с тобой. Ты – моя мечта, на осуществление которой я уже было потерял всякую надежду. Я уже думал, что не встречу тебя, что хочу слишком многого. Может, и многого, но получил я ещё больше. Ты в миллион раз лучше того образа, что рисовало мне воображение в мечтах. И мне так хотелось бы, чтобы всё сложилось иначе! Но, к сожалению, изменить ничего у меня уже, похоже, не получится. Наверное, так надо. Наверное, в этом есть какой-то смысл.

Прости меня, Лика. Прости меня, пожалуйста. Прости, что оставляю тебя и именно в такое время, когда вокруг как будто бы становится совсем темно. Я боюсь за тебя. Я чертовски боюсь за тебя. Я бы хотел всю жизнь быть рядом с тобой и оберегать тебя, но моему желанию, видимо, не суждено сбыться. Пожалуйста, береги себя. И будь счастлива.

Не оглядывайся ни на кого и не полагайся ни на чьи убеждения. Если тебе не кажется, что для тебя счастье заключается в том, чтобы выйти замуж и завести детей, то не выходи и не заводи, что бы тебе ни говорили окружающие. Ты и только ты знаешь, что хорошо для тебя. Не слушай никого и особенно – Марину Нестерову. Не знаю, зачем пишу всё это: наверное, боюсь, что ты опять можешь попасть под их влияние и решить, что в тебе что-то не так. Но в тебе всё так! На мой взгляд, в тебе всё самое лучшее. Возможно, я чуть-чуть необъективен, потому что влюблён в тебя без памяти, но я так считаю, и когда тебе говорят что-то противоположное, не верь. Никому не верь! Никто и никогда не заботился обо мне и не любил меня так, как ты. А всё остальное, мне кажется, по сравнению с этим неважно.

Это глупо, наверное, но я уже заранее по тебе скучаю. Я ещё пока жив и впереди есть время, которое я постараюсь не потратить зря и провести с тобой.

Я хочу, чтобы ты не забывала, что часть меня всегда будет с тобой. Наверное, когда я умру, тебе покажется, что от тебя оторвали кусок, и я прошу прощения, потому что этот кусок оторву именно я. Но я надеюсь, что кусок моей души, который останется у тебя, хоть как-то возместит то, что я у тебя отниму. Прости меня за это и помни, что в какой-то мере я всегда буду рядом с тобой. К сожалению или к счастью, но поделить нас на то, чем мы были с тобой раньше, уже не получится. Я уже сейчас порой чувствую то, что чувствуешь ты, как будто ты – это я. Может быть, мне это только кажется?

Однако пора закругляться. Читаю то, что написал, и остаюсь недоволен: похоже, как бы я ни старался, а всё равно будет недостаточно. Боюсь показаться тебе надоедливым, но повторю: я очень тебя люблю, Лика.

Твой Волк».

Очередное судорожное всхлипывание вырвалось у Ангелы из горла, но она дрожащими руками аккуратно отложила письмо, а затем поспешно зажала себе рот, чтобы не рыдать во весь голос.

«Как ты посмела? – спрашивала она себя мысленно с гневом. – Как ты посмела даже на миг подумать о том, чтобы отказаться от всего в пользу его родственников? Разве ты

не знала, что для Волка значит его дом? Разве было непонятно, что завещание он написал именно потому, что не хотел, чтобы всё досталось его семье?..».

Ведьма отчитывала себя саму ещё с минуту, после чего встала с кресла, приблизилась к окну и принялась активно обмахивать лицо руками. Из всех сил она пыталась сдержаться и больше не рыдать, чтобы все её усилия привести себя в надлежащий вид не пропали даром. Предстать перед Германом Альбертовичем зарёванной ей совсем не хотелось.

Что она чувствовала, пока читала письмо? Блондинка самой себе не смогла бы дать чёткий ответ. Эмоции сменяли одна другую. В какой-то части письма она улыбалась, в другой – смеялась, в третьей – рыдала, в четвёртой – даже обиделась немного: как он мог предположить, что она сочтёт его жадным? Кто-кто, а уж она знала, какая у него щедрая натура, да и его отношение к семье понимала очень хорошо. Ей бы даже в голову не пришло обвинить его в жадности...

Пожалуй, только одно ощущение не покидало Лику на протяжении чтения всего письма – это ощущение, что Волк рядом. Ей казалось, что она слышит его голос, чувствует на себе его взгляд и даже видит, как меняются выражения на его лице.

Когда девушка почувствовала, что ей уже не грозит впасть в истерику, она подошла к креслу, села, взяла письмо и, осторожно свернув, вложила в конверт. Тут она собиралась убрать письмо в сумку, но не удержалась и прижалась губами к конверту, после чего всё-таки его убрала и расправила юбку на коленях.

Анжелика замерла. Она сидела крайне неподвижно, но в голове мысли мелькали, быстро сменяя друг друга. В памяти всплывали отдельные фразы из его письма и заставляли состояние её души меняться, бросаться из крайности в крайность. На душе у неё стало тепло, да и – к чему отрицать это? – чувство уюта, надежности и защищённости вновь обволакивало её. Пусть оно скоро испарится, пусть это ненадолго, но ей хотелось ещё хоть раз окунуться с головой в это чувство, успевшее позабыться. Ей было сейчас хорошо, насколько это вообще возможно в её положении.

Вскоре вернулся Герман Альбертович. Сначала он удостоил девушку лишь беглого взгляда и, удостоверившись, что с чтением письма она покончила, прошёл к своему месту. Усевшись же за стол, мужчина внимательно изучил лицо своей посетительницы. Конечно, он заметил, что она плакала, но о силе чувств, испытанных ею всего несколько минут назад, по её виду судить было сложно: всё-таки старалась она не зря, и хоть как-то скрыть своё состояние ей удалось.

– Прочитали? – задал Розенфельд бессмысленный вопрос.

Нестерова кивнула.

– Хорошо. Итак, мне есть смысл говорить о том, в каком порядке вы сможете получить оставленное вам имущество, или же вам это безразлично и вы намерены от всего отказаться?

– Есть смысл говорить. Я вас слушаю.

– Прекрасно, – бодро произнёс мужчина. – Анжелика Николаевна, так как официально Андрей Юрьевич ещё пока считается живым человеком, получить его имущество вы не сможете. Однако если он не объявится по прошествии года, вы имеете право подать заявление в суд и в установленном порядке признать его безвестно отсутствующим. Безвестно отсутствующий, Анжелика Николаевна, – это практически то же самое, что и мёртвый. После этого мы будем действовать по обыкновенной процедуре. Мне озвучить подробности?

– Я думаю, это лишнее: год-то ведь не прошёл.

– Не прошёл, верно. Вы считаете, что господин Туманов ещё может найтись? После разговора с Фёдором Жуковым у меня сложилось впечатление, что это маловероятно.

– У вас сложилось верное впечатление, – ответила Ангела и совершенно неожиданно засмеялась.

– Вы находите это забавным? – прищурившись, поинтересовался холодно нотариус.

Блондинка помотала головой, продолжая смеяться. Кое-как она справилась с крайне неуместным приступом веселья и объяснила:

– Я думаю, что Вол... то есть Андрей... долго бы смеялся, если бы услышал, что вы зовёте его господином Тумановым. Да к тому же, видите ли, Герман Альбертович, по фамилии его обычно звали враги.

Розенфельд смягчился.

– Вот как? – уже более тёплым голосом спросил он. – А как его звали друзья?

– По имени или прозвищу.

– А вы?

Ведьма помедлила, пережидая приступ острой боли, и ответила:

– По прозвищу, которое ему я и дала.

– А что за прозвище? – не сумел сдержать любопытство Герман Альбертович.

Лица помотала головой.

– Это неважно. Герман Альбертович, лучше скажите: его обязательно через год признавать безвестно отсутствующим?

– Нет. Можете не признавать, если хотите. Но если его родственники подадут это заявление, а вы не объявитесь, то всё имущество господина Туманова... хм... получают его родные.

– Понятно. Значит, мне следует побеспокоиться, чтобы всё не решилось без меня. Что ж, я постараюсь. А вы не могли бы... впрочем, вам эта морока ни к чему...

– Оповестить вас, если родные пожелают получить его имущество? – догадался мужчина. – Могу и, пожалуй, сделаю. Андрей Юрьевич воскресил мою веру в молодое поколение, которую я было потерял. Очень приятный молодой человек. Мне было в удовольствие иметь с ним дело. Жаль, что он пропал. Я буду надеяться, что его найдут и найдут целым и невредимым.

Девушка грустно улыбнулась, но не нашла в себе сил лишить надежды нотариуса. В его словах было столько чувства, что она посчитала, что сказать правду будет жестоко, да и неумно, к тому же.

– Он действительно был лучше всех, кого я знала, – сказала вместо этого Анжелика. – Мне он тоже вернул веру: в дружбу и любовь, в людей и особенно – в мужчин. Мне повезло быть знакомой с ним.

Глава 3

К вечеру на улице стало прохладнее. Теперь можно было выйти из дома и прогуляться, что Лика и сделала.

Воздух посвежел и дышать было уже гораздо легче. В городском парке, к тому же, воздух был чище, чем на центральных улицах, как заметила девушка, когда туда вошла.

Несомненно, парк не шёл ни в какое сравнение с Тёмным лесом. Здесь не было вековых деревьев, и величественность в облике парка отсутствовала. Тёмный лес можно было сравнить с морщинистым стариком, чуть сгорбленным и с длинной седой бородой до пояса, а парк скорее напоминал молодую девушку, игривую, лёгкую и немного застенчивую. И в этой девушке было своё очарование, которое Нестерова видела и признавала. Да и пришла она сюда именно потому, что, несмотря на несходство во внешности и характерах, парк позволял ей почувствовать себя ближе к Тёмному лесу.

Ангела раньше не догадывалась как сильно за четыре года привязалась к Тёмному лесу. Она не посещала его уже больше месяца и теперь ощущала, что безумно скучает. Часть её души принадлежала ему и, наверное, это от того, что душа Волка наполовину принадлежала лесу, а они с Волком...

С одной стороны было мучительным это месячное расставание с лесом, а с другой – убивала мысль, что месяцем расставание не ограничится, и пытка не закончится.

Ведьма так давно не видела необъятных стволов вековых деревьев, не слышала, как они поскрипывают от ветра, не ощущала запаха древнего леса, не наблюдала за тем, с какой звериной грацией двигаются волки, что иногда ей начинало казаться, что всё это было в прошлой жизни. И даже как будто не совсем с ней.

Идя по траве, Анжелика вздохнула. Её сердце сжалось от тоски. Ей хотелось бы вернуться в прежнюю, такую счастливую жизнь, но та теперь ушла и вряд ли вернётся.

Девушка приблизилась к ели и остановилась. В траве она увидела шишечку и, наклонившись, подняла её. Большим пальцем блондинка провела вдоль шишки, а затем поднесла её к лицу и понюхала, однако запаха никакого не почувствовала и вернула ту на место.

Мысли Лики было очень далеки от того, что происходило с ней в данный момент – они были о письме Волка. За трое суток, прошедших со встречи с нотариусом, девушка не позволила себе перечитать письмо ни разу. Она собиралась «экономить» его. Она ощущала себя наркоманкой и намеревалась обходиться без чтения письма столько, сколько сможет. Это письмо давало ей энергию жить дальше, и она боялась растратить её всю раньше времени.

Письмо Волка стало сокровищем для Ангелы, и она защитила его с помощью магии, чтобы с ним – не дай Бог! – что-нибудь не случилось. Она спрятала его так, чтобы никто не нашёл. Находясь в своей комнате, она каждую минуту помнила о письме и о том, где оно лежит.

Ведьма заставила себя вернуться в реальность и оттолкнула мысли о письме: так и с ума сойти недолго. Вместо этого она постаралась сосредоточиться на том, что происходит с ней сейчас, и осознала себя стоящей перед елью. Ель эта была красивая, пушистая и чуть мрачноватая, как и все представительницы её вида. Анжелика улыбнулась ели и потрогала её мохнатую лапу, погладила ласково и двинулась по парку дальше.

Мысли девушки теперь были заняты друзьями, по которым она скучала ещё больше, чем по Тёмному лесу.

Мобильный телефон она так и не включила и прекрасно знала сама, что с её стороны это обыкновенная трусость. Нужно было уже решаться и что-то делать, потому что её вина перед друзьями с каждым днём становилась всё больше. Но решиться никак не получалось,

хотя внутренне она всё-таки постепенно становилась ближе к правильному шагу, и ныне это уже было лишь вопросом времени.

Ли́ка ушла в ту часть парка, где не было никаких аттракционов. Люди эту часть практически не посещали, а потому здесь было неухожено: множество сорняков и трава по пояс. Среди прочих тут росло много ковыля, а ковыль девушка любила с детства, хотя полезным его не назовёшь.

Блондинка присела на корточки, коснулась мягкого и пушистого колоска и улыбнулась своим воспоминаниям.

В детстве она любила отрывать у ковыля колосок и водить им по лицу. Его прикосновение было приятным. А ещё она тогда всё мечтала однажды упасть на целое поле ковыля. Ей в то время это представлялось райским наслаждением.

Нестерова тихо рассмеялась сама над собой. Ей доставляли радость воспоминания о детстве, но тут всплыло ещё одно воспоминание и совсем не о детстве: рядом с той поляной, где они с волками обычно стреляли, тоже рос ковыль. И именно Волк в один из их приездов туда сказал ей, что ковыль считается вредной травой, что он якобы портит почву, и другому растению в почве, где прежде рос ковыль, прижиться очень сложно. То ли ковыль делает почву кислой, то ли ещё что-то... И, кажется, в советское время от него целенаправленно избавлялись.

Мысли девушки тут же переместились на Андрея. Ей вспоминались его красивые насыщенно-карие глаза – самые красивые глаза в мире! – его широкая улыбка, кудрявая голова, высокая фигура, могучие плечи... И руки. Его широкие, всегда горячие и чуть шершавые ладони.

Все внутренности у Ангелы скрутило. Она хотела бы ещё хоть раз в жизни подержаться за его руку. Прижать её к лицу, поцеловать в ладонь, уткнуться в неё носом...

– Девушка, вам плохо? – внезапно раздалось рядом.

Ведьма подняла голову и увидела перед собой женщину. Незнакомке было лет за пятьдесят, но на пенсионерку она не походила. И на её лице читались беспокойство и при этом лёгкая настороженность.

– Нет, – выдавила из себя Ангела. – Нет, спасибо. Всё нормально.

– Уверены?

– Да, благодарю вас.

– Ну ладно, – кивнула женщина и пошла прочь.

Как оказалось, Ли́ка уже умудрилась покинуть парк. Теперь она сидела почти на коленях и рукой держалась за железный прутик кованого забора, идущего вдоль городского парка. Её лицо было мокрым от слёз.

Девушка поднялась на ноги, держась рукой за забор для надёжности, и вытерла лицо. Она была потрясена: в беспамятство она, кажется, ещё ни разу не впадала.

«Сколько можно нюни распускать? – спросила Нестерова себя. – Что же я: мямля что ли? Хватит расклеиваться!».

Расправив плечи, она уже более твёрдым шагом двинулась вперёд.

На улице ещё было светло, однако солнце практически зашло за горизонт, а это означало, что время близится к десяти часам. Так как на дворе была суббота, Ангела, разумеется, могла себе позволить погулять подольше, но ходить по улицам в одиночестве в такое время она всё же не привыкла, да и считала это поступком неумным. Хотя защитить себя она вроде бы была в состоянии, судьбу испытывать не хотелось, особенно учитывая тот факт, что проблемы так к ней и липли: похоже, хулиганов она привлекала.

Забор, вдоль которого шла ведьма, кончился, и парк остался позади. Она на него не оглянулась и, чуть ускорив шаг, продолжила путь, периодически отмахиваясь от пристающих комаров – комарих, точнее – выбравшихся из своего логова, чтобы начать кровавую охоту. Мошки

тоже пытались докучать идущей, но она, к счастью, была одета в джинсы и длинную рубашку, а потому большая часть её тела была защищена от домогательств с их стороны.

С неудобствами в виде комарих и мошек Анжелика успешно справлялась, но тут впереди показалась группка молодых парней, подкреплявшихся пивом или чем-то вроде того, и она сбавила скорость, неуверенная, что следует идти мимо них. Однако перейти на другую сторону улицы сейчас возможности не представлялось: справа от тротуара, по которому двигалась девушка, располагался совершенно незнакомый частный сектор, а слева и гораздо выше тротуара – автомобильная дорога, между тротуаром и которой находилась канава, на сегодняшний день сухая и при этом заросшая травой. Пересечь канаву и взобраться по крутому склону, заканчивающемуся автомобильной дорогой, наверное, всё-таки можно было, но не в пользу этого решения имелось два довода: в траве наверняка было мокро и таилось множество кровососущих. Более пологий склон, по которому съезжали автомобили и поднимались к дороге люди, находился чуть дальше парней.

Все доводы «за» и «против» промелькнули в голове блондинки, и она, вздохнув тихонько себе под нос, была вынуждена продолжить движение вперёд. При этом она вновь ускорила шаг и постаралась в сторону парней не смотреть.

– Эй, красавица! – выкрикнули из той толпы. – Может, познакомимся?

– Выпить с нами не хочешь?

На оба вопроса Лика отрицательно помотала головой, не глядя на них, но миновать эту толпу ей всё же не удалось: двое из них встали у неё на пути и помешали, когда она предприняла попытку обойти их.

– Что это ты неласковая такая? – спросил один из них. – И не смотришь даже на нас. Невежливо как-то получается.

Девушка подняла глаза от земли и посмотрела на говорящего. Он был поддатым, излишне самоуверенным и держался развязно.

– Так-то лучше, – подытожил этот парень. – Может, всё-таки познакомимся? Такая девушка шикарная и одна – нехорошо это.

– Нормально, – осторожно произнесла Нестерова, не чувствуя себя сегодня готовой к дракам и стычкам. – Меня устраивает.

– Не-а, не нормально. Исправить бы надо: присоединяйся к нам. Выпьем и расслабимся. Тебе понравится.

Мысленно девушка громко вздохнула. Ну почему практически каждый мужчина считает себя неотразимым и мнит, будто каждая женщина мечтает именно о таком, как он? Откуда в них это берётся? Или они рождаются с этой мыслью? Неужели же они не в состоянии объективно себя оценить?

Лично Ангела знала не так уж много мужчин, которые вызывали бы у неё уважение и восхищение, а до Общества Дьявола это количество вообще было равно нулю. И конкретно этот тип ну никак не смог бы ей понравиться.

– Боюсь, мне нравятся другого рода развлечения, – спокойно сказала она. – Спасибо за предложение.

И ещё раз попробовала их обойти, но и эта её попытка не увенчалась успехом. Теперь заговорил второй:

– Ты прямо-таки убиваешь во мне мечту. Может быть, тогда в качестве утешения подкинешь нам чуток денюжат на пивко? Сотня есть?

– Нет, – солгала ведьма. Через голову на неё была надета тканевая сумка, в которую она обычно собирала травы. В ней, конечно же, находился кошелек с деньгами, и было их там больше сотни.

– Врать нехорошо, лапуля, – с наглой ухмылочкой произнёс первый. – Открой-ка сумочку.

Приятели этих двоих с наслаждением наблюдали за происходящим, своими улыбочками и смешками подначивая товарищей. Они им не помогали, но и не мешали.

– О! – холодно воскликнула Анжелика. – Это грабёж?

– Закрой рот и гони деньги.

– Да пошли вы, – легко ответила девушка и оттолкнула самого наглого из двоих, после чего попробовала продолжить путь, но это удалось ей едва ли: её грубо обхватили руками сзади и резко развернули. Не тратя времени на раздумья, блондинка ударила в пах того, что оказался перед ней, затем хорошенько размахнулась головой и ударила затылком в лоб другого, что держал её. Здесь она предприняла ещё одну попытку уйти, как кто-то вцепился в её плечо. Она как раз собиралась воспользоваться ещё одним приёмом и развернулась, но в этот момент позади взвизгнула и зашуршала шинами машина. И Лика, и парни уставились на автомобиль.

Страх окатил девушку волной: она сразу же узнала машину. Лев вышел из неё и достаточно агрессивно рявкнул:

– Руки от неё уберите!

Основная часть парней – в том числе и двое самых активных – находились в оцепенении и не пошевелились. Другая же как раз намеревалась проявить свою «храбрость», однако Курганов их лишил подобной возможности и направил на них пистолет, каким-то чудом оказавшийся в его руке.

– Я сказал: руки от неё уберите!!

Первый парень повиновался и отпустил плечо Нестеровой. Остальные заметно подались назад. Один из них даже тихо попросил:

– Успокойся, парень. Забирай свою девушку на здоровье.

Желваки заходили по лицу оборотня. Кое-как он сумел перевести взгляд на подругу.

– Они обидели тебя? – осведомился мужчина.

Глаза Ангелы расширились.

– Лёва! – в ужасе воскликнула она. – Нет.

– Садись в машину.

Ведьма подчинилась и подошла к автомобилю, не оглянувшись на парней, собиравшихся ограбить её. Когда она очутилась в салоне, Лёва опустил пистолет и тоже сел в машину. Разгневанный, он бросил оружие пассажирке на колени и завёл своего «коня». Через 5 минут они уже ехали по дороге, до которой мечтала добраться Анжелика.

В салоне автомобиля повисло гнетущее молчание. Девушка даже смотреть на друга боялась, однако через полминуты не выдержала и осторожно скосила глаза в его сторону.

Лицо Курганова не предвещало ничего хорошего. Он тоже в сторону подруги не смотрел, но в его глазах определенно полыхала ярость, как догадывалась блондинка. Она чувствовала, как эта ярость волнами исходит от него. Правда, существовала вероятность, что ярость направлена на неудавшихся грабителей, а не на неё.

Лика отвела взгляд от Лёвы и снова уставилась прямо перед собой. Её сердце грохотало внутри, причиняя почти физическую боль, а не простое неудобство.

Автомобиль съехал с дороги и припарковался у дерева, отбрасывающего от себя огромную тень. Людей поблизости почти не было, а если и были, то ходили где-то далеко позади. Сердце девушки забилося ещё быстрее, и оказалось, что оно уже находится не в груди, а застряло в глотке. Ангела почувствовала взгляд друга, но не нашла в себе храбрости посмотреть ему в глаза и продолжала глядеть в лобовое стекло. Однако молчание становилось всё более угнетающим, и ей пришлось заставить себя посмотреть в тёмно-рыжие львиные глаза.

Взгляд этих глаз был недобрым и прохладным, даже чуть равнодушным. Лицо казалось очень замкнутым.

– Ну, привет, подруга, – с проскальзывающим в голосе презрением бросил Лев.

– Привет, – выдохнула ведьма, немного поёрзывая, словно сидит на раскалённых углях.

Мужчина поглядел на неё несколько секунд, а потом отвернулся к боковому окну и заговорил:

– Может, объяснишься, а то у меня не слишком богатое воображение. Хотя я и пытался сам найти объяснение твоему поведению. Поначалу ещё можно было подумать, что ты находишься... в шоке что ли. Но время-то шло, и любой шок должен был бы пройти, если он вообще имел место быть. А ты так и не объявилась. Я, конечно, не ждал, что ты прибежишь нас утешать, однако и мы утешить тебя возможности не имели. Видишь ли, живи ты в своей квартире, я бы пришёл, но к Нестеровым домой я в жизни не пойду. Кто я такой, чтобы являться туда? Да и где гарантия, что ты попросту не выкинешь меня из дома? Раз уж мобильный ты выключила, ожидать от тебя тёплого приёма было бы глупо, да? Это ведь значит, что ты ни с кем не хочешь разговаривать? Я правильно тебя понял? Может быть, ты скажешь, что я мог бы позвонить Нестеровым на домашний телефон, но это не лучше, чем заявиться туда в гости без приглашения. Идея звонить на домашний Нестеровых и представляться нравится мне не больше, чем идти туда, и ты могла бы об этом догадаться. Я ведь не сын какого-нибудь бизнесмена и даже просто не хороший и приличный парень! Куда мне до Нестеровых и их приятелей?

Анжелика открыла рот, чтобы возмутиться тем, что он принижает себя, но мужчина повернулся и опередил её:

– Но я всё-таки звонил тебе домой! Я звонил, как самый последний дурак! Но каждый раз нарывался на какую-то тварь, которая говорила, что тебя нет дома, в какой бы час дня или ночи я ни позвонил. Предполагаю, что эту тварь зовут Марина Сергеевна Нестерова, и она либо не звала тебя к телефону, либо ты не хотела брать трубку. Я склоняюсь ко второму варианту. – Взгляд Лёвы прожигал потрясённую и побледневшую девушку насквозь. – Я не мог подкараулить тебя после работы, потому что мой рабочий день кончается позже, чем твой, а отгулы за дежурства в лесу нам больше не предоставляют. Короче говоря, всё целиком и полностью зависело от тебя. А ты, я так понимаю, решила, что мы даже не заслуживаем получить элементарного объяснения по поводу случившегося! Мы так до сих пор и не знаем, кто убил Андрея, и почему Дьявол приказал это сделать. Не знаем, почему тебе нельзя лечить людей, посещать балы и резиденцию Дьявола. Не знаем, из-за чего вообще весь сыр-бор! Ты могла хотя бы это объяснить перед тем, как отказаться от нас и сделать вид, что нас для тебя не существует вовсе. Обычно друзья как-то поддерживают друг друга в трудное время и пытаются пережить всё вместе. Если ты, конечно, вообще считала нас своими друзьями! Или тебе совсем на нас плевать? Мы, выходит, для тебя всегда были приложением к Андрею, которое без него тебе без надобности?

– Лёва! – воскликнула Лика. – Как ты можешь?!

– А что я должен думать?! Я теперь уже не понимаю, что мы значим для тебя, раз ты так легко про нас забыла! Создаётся впечатление, что ничего! И как ты могла уйти из Общества? Как могла всё бросить? Это как-то даже на предательство смахивает. Ты стала как будто кем-то другим со смертью Андрея, совсем чужой и незнакомой. И плюнула на всё, что нас связывало раньше. А я ждал, что ты придёшь. Просто появишься. Сообщишь хотя бы, где ты и что с тобой. Но, получается, мы тебе уже не нужны. Развлекли тебя на какое-то время, а теперь надоели.

– Лёва!

– Ненавижу чувствовать себя собакой, которая ждёт хозяина, в то время как хозяин о ней и забыл. Наплевал, проще говоря. Не думал я, что ты вот так исчезнешь. Из твоего поведения я могу сделать только один вывод: когда ты – не член Общества, тебе такие друзья, как мы, не нужны.

– Ошибочный вывод, – сумела-таки более или менее твёрдо произнести Ангела. – Я просто струсил. Я думала, вы возненавидите меня за то, что я погубила вашего друга. Дьявол хотел, чтобы я ушла, и таким вот образом решил меня убедить сделать это.

– И ты послушно исполнила его прихоть! – возмутился Курганов.

– Он собирался продолжить «убеждать» меня. А это значит, что он бы принялся за вас. Этого я не допущу. Да и... не смогу даже спокойно смотреть на их рожи. Я про Владимира Петровича, Никиту и остальных. Мне на это сил не хватит.

– Глупости, – не слишком убеждённо возразил мужчина. – Никого бы он больше не тронул.

– Тронул бы! Он – безумен. Ты бы видел его улыбочку, Лёва! Я... мне даже смотреть на него страшно было. И я не сомневаюсь, что его угрозы серьёзны. – Ведьма разволновалась, пытаюсь хоть как-то оправдать своё поведение. – Мне было стыдно, что Волка убили из-за меня.

– Да не из-за тебя его убили! – отмахнулся Лев. – Андрей рассказывал Феде об их с Дьяволом разговоре, и у нас сложилось впечатление, что Андрей мог привести Владимира Петровича в чувство. Тот его слышал, воспринимал. И избавился, чтобы не приходиться в себя и не отвечать за содеянное. Испугался, что Андрею удастся добиться своего. Андрей умел достучаться до других. Ты тут ни при чём. Так и так убил бы его. А про тебя это всё отмазка просто.

– Думаешь? – с надеждой осведомилась Анжелика.

– Уверен.

Друзья смотрели друг другу в глаза и молчали.

– Простите меня, – прошептала девушка. – Мне сначала было стыдно, что всё это из-за меня, а потом – что повела себя глупо. Я не знала, как поступить, как всё исправить. Кажется, я – последняя трусиха на этой планете. Но простишь ты меня или нет, я хочу, чтобы ты знал: я никогда не считала вас приложением к Волку. Я всегда любила каждого из вас по отдельности.

Лицо оборотня смягчилось. Он слегка обмяк, растратив весь свой пыл, а потом резко наклонился к блондинке. Она тоже устремилась ему навстречу, угадав его намерение. Они крепко обнялись.

В этом был весь Лёва: вспыльчивый, но отходчивый. Ему требовалось выпустить пар, после чего он легко прощал и забывал обо всём.

Курганов вздохнул, обнимая подругу, и признался:

– Я скучал по тебе, Ангела. Мне тебя сильно не хватало.

– И я скучала по тебе. По всем вам.

Мужчина отстранил Лику и посмотрел ей в глаза. Там он увидел слёзы.

– Не плачь, подруга, – попросил он. – Я... бываю грубым – знаю. Прости.

– Вовсе ты не грубый! – возразила девушка. – И ты прав, но не во всём. Вы мне нужны, я вас люблю. А конкретно тебя следует побить за то, что принижаешь себя! До Нестеровых тебе и вправду далеко: куда тебе до таких моральных уродов?..

Лев засмеялся. Нестерова поцеловала его в щёчку и снова обняла. Она и не осознавала даже, как ей не доставало объятий. И как соскучилась по запаху Лёвы. Оказывается, она помнила его запах, и теперь начинала припоминать и запахи других своих друзей. У каждого из них был свой, и она помнила их на бессознательном уровне.

– Ты действительно мне звонил? – отстранившись, поинтересовалась Ангела.

– Звонил. И я звонил, и Миша, и Федя, и Лёня. Мы все нарывались на одну и ту же стерву, которая утверждала, что тебя нет дома. Она меня, в конце концов, забесила, и я стал звонить каждые пять минут, но на шестой раз она выключила телефон... Она не звала тебя к телефону? – скорее констатировал, чем спросил, оборотень мрачно.

– Не звала, – с лёгкой улыбкой подтвердила та. – Не сомневаюсь, что это была Марина. Вот только не понимаю, что ей за радость от этой пакости. А я так ждала, что вы позвоните! Это бы означало, что вы не возненавидели меня, что не обиделись. Я надеялась. А она не сказала. Впрочем, чему я удивляюсь? Она всегда была такой.

– Ты рассказывала о ней, но я... не думал, что всё настолько... Ну и тварь же она!

– Ага. А вот с нотариусом она мне поговорить дала...

– Это насчёт завещания Андрея?

– Да.

– А почему ему не сказала, что тебя нет? В чём причина?

Ведьма призадумалась и почти сразу нашла ответ на вопрос. Догадка заставила её засмеяться.

– Всё очень просто, Лёва: у вас голоса молодые. Нотариус – мужчина немолодой, поэтому ей было всё равно. Но когда Марина давала мне трубку, она спросила вроде как в шутку: «Поклонник?». Видимо, решила, что вы – поклонники.

– И приревновала. Так, выходит?

– Выходит, что так.

Лев фыркнул зло.

– Нет, ну какова...

– Успокойся, – ласково попросила Анжелика. – Забудь о ней.

– Хорошо. – Он послушно отвлёкся. – А насчёт завещания... странно, да? Андрей дал Федьке телефон нотариуса и просил сообщить тому, если с ним что-то случится. Федя тогда удивился сильно, но Андрей ничего не объяснил. Он был странный в последнее время, не находишь?

– Да, был. Он знал, что умрёт.

– Думаешь?

– Не думаю – знаю. Вместе со своим имуществом Волк оставил мне письмо. Он, оказывается, видел будущее.

– Видел будущее? – удивился Лёва.

Девушка кивнула и рассказала о том, что говорится в письме, исключая признания в любви.

– Вот же гад! – беззлобно воскликнул мужчина. – Знал и молчал.

– Он объяснил, почему молчал.

– Ну, да. А... в лесу... кто его убил?

Нестерова вздохнула тяжело, но сумела передать то, что поведал ей Волк, а также и то, что видела сама.

Повисло молчание. Друзья по-прежнему сидели в обнимку. Через минуту они одновременно вышли из задумчивости, их взгляды встретились.

– Лёва, а вы как из резиденции в тот день выбирались? – осторожно поинтересовалась Ли́ка.

– Мы? – вздёрнул волк стая брови. – А-а... ты об этом. – Он нахмурился, вспоминая. – Ольга с Кирой были у вампиров в гостях, и им Макс про Андрея сказал. Саня повёз девочек в резиденцию: они знали, что мы там. По пути ещё Ксюху подобрали. Вот... Оля схватила Федю и повезла домой: сама за руль села. Нас с Мишкой Кира вывела. Она со мной поехала: мы с Мишей на моей машине приехали. А Мишу с Ксюшей Саня отвёз, потом за Кирой вернулся. Они дождались, пока я усну, и только после этого уехали.

Девушка кивнула, удовлетворённая рассказом.

– Ты как? – вырвалось у неё.

Курганов усмехнулся.

– Не думаю, что хуже тебя. Нормально, подруга. Стало чуть-чуть легче. А ты?

– Пожалуй, тоже стало чуть-чуть легче. Из-за письма и после разговора с Максом.

Мужчина вопросительно поднял бровь, и Ангеле пришлось ему всё рассказать. Он хохотал над поведением Ахмедова. Рассказчица улыбалась, но недолго.

– А ребята как? – тихо спросила она.

Улыбка Льва немного увяла.

– Тоже приходят в себя помаленьку. Они, к тому же, теперь не одни живут, а с девушками.

Ведьма с непониманием посмотрела на друга, и он объяснил:

– Оля к Федьке переехала. Он её не просил: всё как-то само собой получилось. Так что они теперь вместе живут. Федя рад, а то у него самого смелости предложить это ей не хватило бы. Вот так... Ольга поддерживает Жукова, как может. Не утешает его громко вслух – я так понял, что они больше молчат, но как-то друг друга они при этом понимают. В общем, подход к Феде Оля знает. С ней он не пропадёт. А вот Ксюха с психотерапией не дружит, но Мишка от неё и не ждал: он знает, что это не по её части. Не умеет она – что тут поделаешь? Но зато Ксюша пытается Мишу отвлекать, и ей это удаётся, а с остальным он и сам справится.

– Забавно, – улыбнулась Анжелика. – А как она его отвлекать умудряется?

Лёва смущённо рассмеялся.

– Я боялся, что ты спросишь. Не знаю, как тебе и сказать. Она... его практически не выпускает из постели. Виснет на нём целыми днями почти.

У блондинки округлились глаза.

– Да-да, метод не из лучших – я понимаю. Но книгой или фильмом его сейчас вряд ли отвлечь получится. На самом деле, лучшего способа – по крайней мере, в случае с Мишей – не придумаешь. Ксюша правильно делает. Я знаю, он внешне кажется флегматичным и порой даже холодноватым, но он не такой. Мишка не слишком хорошо умеет выражать то, что чувствует. И его неэмоциональность не имеет никакого отношения к постели. Уж если он влюбится, то крепко и надолго. Как говорится, от девушки его тогда за уши не оттащишь. Он без ума от Ксюши. Хорошо, что она его отвлекает: ему лучше не давать много думать, а то он себя доконает.

– Ясно, – неуверенно произнесла девушка. – А ты? Как ты спасаешься?

– Никак толком, – пожал плечами Курганов. – Но мне Кира часто звонит. И мы с парнями втроём теперь чаще видимся, а то как-то нагло всё на плечи девочек перекладывать: им ведь Андрей тоже другом был, и они тоже переживают. А ещё я в огороде много времени провожу: меня это успокаивает. Так всегда, пожалуй, было, сколько себя помню.

– А остальные? Лёня, Рома, Петя, Игорь, Ярослав.

– Тоже ничего. Плохо им, конечно, как и всем, но переживают. Мы все переживём как-нибудь.

Лица открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но мужчина замотал головой и возмутился:

– Хватит! Ты уже про всех спросила, а теперь скажи: как ты сама-то спасаешься?

– Никак, – слабо улыбнулась девушка. – У меня есть куча воспоминаний, его фотографии и роза, которую он подарил. Но я не могу смириться с тем, что его не вернуть. Это так... несправедливо. Всё как-то... безоговорочно, окончательно. У меня никак не получается это осознать.

Друг кивнул.

– У меня – тоже.

Нестерова почувствовала, как подступает истерика, и поспешила возобновить разговор.

– А как дела в Обществе? Ты говорил, вам больше не дают отгулы за дежурства.

– Да, не дают. Мы так поняли, что Владимир Петрович пытается нас достать. Работать так, как это всегда делал Андрей, тяжело, но мы из Общества ни ногой. Не дождётся.

– А Лёша? Он что-нибудь с этим пытался сделать?

– Да он даже не заметил, что что-то изменилось! – фыркнул Лев. – Он по-прежнему в себя не пришёл и ничего вокруг не замечает. А мы не говорим: ему и так плохо. Да и что бы он мог сделать?

– Верно. Он уже давно не в силах как-то повлиять на своего отца.

– Ага. И, кстати, про то, что Виктор убил Лизу, я уже знаю. Мне только почему никто не сказал?

– Это было неточно, Лёва!

– Да ну? А в резиденции некоторые видели, как Лёха напрямую Виктора в убийстве обвинял.

– Вот как? – удивилась Ангела. – Я не знала.

Курганов присмотрелся к ней и понял, что она говорит правду. Он вздохнул.

– Надеюсь, ты Виктору ничего не сделал?

– А что все так за него беспокоятся, не пойму? Он – убийца, так или иначе! Нашли невинную овечку. Заказал, конечно, Дьявол, но Виктор же пошёл и выполнил без разговоров.

– Лёва!

– Да ничего я ему не сделал! Хотел, да... злости почти не осталось, пока узнал, что это он. К тому же, Виктор совсем притих после смерти Андрея. Мне даже трогать его теперь запаadlo.

Ведьма чуть-чуть расслабилась, а потом тихо призналась:

– Я надеялась, что это будет не Виктор. Он, конечно, редким козлом бывает, но убийцей... я никогда его не считала.

– Пожалуй, я – тоже. Но я всё равно его всегда ненавидел!

– За что?

– За многое. Причин полно.

– Не назовёшь их?

– Не хватало ещё на это время тратить! – усмехнулся мужчина.

– Ладно. Тогда расскажи про Общество. И особенно – про стаю.

– В Обществе вроде как траур. По Лизе и Андрею. На балу Полнолуния все молчали. Вообще никто не веселился. Так и ушли из резиденции молча. То есть... Никита со своими шестёрками довольный был, но продемонстрировать это они побоялись: вся стая была, и их бы просто убили.

– Вожака стаи уже назначили?

– Нет. Мы думаем, что в бал в честь Посвящения всё решится. А пока стая существует так же, как и при Андрее. Никита и его приятели по-прежнему на первом участке, а мы – на остальных. Работаем по графику Андрея: он его как раз до девятнадцатого июля составил. Но уже не чувствуется, что лес поделён на две части. Скоро опять объединят, наверное. После-завтра всё будет ясно.

– Послезавтра... – задумчиво протянула Лика. – Как быстро время идёт. – Она вздохнула. – А посвящаемых всех поймали?

– Конечно, Ангела, – криво улыбнулся Лёва. – Это только один раз не поймали – тебя.

– Они – нормальные? Как думаешь? Или такие же, как Никита да Жора?

– Ой, не знаю, подруга. Так сразу не угадаешь. Посмотрим... Слушай, Ангела, я ведь на аллею ехал. Там Мишка с Ксюшей ждут: мы договаривались по городу немного прогуляться, а то совсем засиделись что-то по домам. Поехали? Ребята тебе обрадуются.

Девушка чуть улыбнулась, мягко рассмеялась, а потом кивнула.

– Поехали.

Курганов несказанно обрадовался и завёл автомобиль. Анжелика сбоку смотрела на него.

– А ты, кстати, что на улице в такой час делала? – спросил мужчина.

– Я в парк ходила погулять. И немного задержалась.

– И опять вляпалась в историю, – заметил Лев. – Чего они от тебя хотели?

– Сначала познакомиться, потом ограбить.

Оборотень расхохотался.

– Я вполне справлялась, – поспешно вставила блондинка.

– Ну, да. Я заметил.

Нестерова не выдержала и тоже улыбнулась. Получилось всё и вправду глупо, даже абсурдно.

У Лёвы зазвонил телефон. Это был Миша. Они с Ксюшей друга уже заждались и спрашивали, где он и как скоро будет. Он им ответил, что подъедет через минуту, не упомянув о том, что будет не один.

– Мишка тоже по тебе соскучился, – сообщил Курганов, когда положил трубку.

Девушка почувствовала, как к горлу подкатывает комок.

Скоро друзья уже шли вместе по аллее. Миша и Ксюша увидели их издалека и встали с лавочки, на которой до этого сидели. Взгляды их были непонятными, и Ангела невольно напряглась, не зная, чего ожидать.

Наконец, ведьма и оборотень приблизились к паре. Лев поздоровался.

– Привет, – тихо произнесла Лика, глядя на Мишу.

Самойлов тоже смотрел ей в глаза. Его губы чуть дрогнули в слабой улыбке.

– Привет, подруга, – ответил он и, подойдя вплотную, обнял её.

Девушка испытала огромное облегчение. Закрыв глаза, она тоже крепко обняла своего тёплого друга.

Шли секунды, и пора уже было заканчивать обниматься, но ни оборотень не выпускал ведьму из своих объятий, ни она не пыталась освободиться.

– Эй, ребята! – окликнул их Курганов. – Закругляйтесь давайте!

Анжелика почувствовала, как Михаил отрицательно мотает головой и крепче стискивает её в руках. Впервые за всё их знакомство она так явственно ощущала, что он действительно её любит. Раньше она была в этом не слишком уверена.

У Самойлова в самом деле имелась манера держаться чуть отстранённо, равнодушно даже как будто. Поначалу Нестерова не могла понять, как он к ней относится, но постепенно догадалась, что нужно обращать внимание на поступки, а не на лицо и эмоции, что оно отражает. А поступками и словами темноглазый Миша демонстрировал своё расположение к ней. От неё он не бежал, как от других девушек.

Ангела старалась вести себя с ним, как и с Федей или Лёвой, могла обнять или по голове погладить, и он ей это позволял. Однако каждый раз она всё-таки немного опасалась, что он воспротивится, отвергнет. Его манера держаться провоцировала в ответ вести себя с ним так же.

Михаил, наконец, разжал руки и позволил ведьме чуть отстраниться. Она заметила, что его глаза как-то необычно блестят, и не сразу поняла, что это слёзы. Мужчина отводил глаза, стараясь скрыть свою слабость, и Лика не стала пялиться на него и смущать. Он же секунд через пять справился с эмоциями и улыбнулся так широко, как научился улыбаться только после знакомства с Ксюшей.

– Я так рад тебя видеть! – приглушённо воскликнул он.

Девушка улыбнулась в ответ.

– Я тоже рада тебя видеть.

Самойлов взял её лицо в руки и повертел туда-сюда.

– Ты – бледная какая-то, – озвучил он свои наблюдения. – И похудела. Надо с этим что-то делать.

Ведьма, оборотни и вампирша дружно рассмеялись. Ксения оторвала руки своего мужчины от блондинки.

– Дай и мне с ней поздороваться, – шутливо потребовала она и обняла Анжелику. Потом посмотрела ей в глаза и сочувственно улыбнулась. – Давно не виделись, Ангела. Как у тебя дела?

– Бывало и лучше, – с лёгкой улыбкой ответила девушка. – Но это, пожалуй, лучший день за прошедший месяц. Мне вас не хватало.

– И нам – тебя, – хором сказали Миша и Ксюша.

– Пойдём гулять? – осведомился Лёва.

Парочка кивнула, и они дружным квартетом двинулись по аллее. Люди на них оглядывались почему-то.

Ангела по очереди посмотрела на Самойлова и его вампиршу.

– А у вас как дела, ребята? – неуверенно спросила она.

Они переглянулись странно, а потом Михаил ответил:

– Нормально, подруга. Уже гораздо лучше.

* * *

В ночь на субботу с той пятницы, когда убили Андрея, Миша практически не спал. Периодически он задрёмывал, но потом опять просыпался и тупо смотрел в потолок. И думал о случившемся. И не мог в это поверить.

Ксюша рядом с ним тоже не спала, о чём он даже не подозревал. Она чувствовала, что ему плохо, и не могла спать. Однако и как помочь, не знала, поэтому просто лежала рядом и мучилась вместе с ним.

Днём Самойлов без движения сидел на диване и думал о чём-то, глядя в пустоту. Есть и пить он отказывался, и с очень большим трудом вампириша всё же умудрилась впихнуть в него немного супа. Эта порция была, разумеется, смехотворной для такого взрослого и здорового мужчины.

Ксения смотрела на оборотня и мучилась от собственной беспомощности. Она не знала, что ей делать. Она чувствовала себя совершенно бесполезной. Никогда в жизни она ещё не была в такой растерянности, не ощущала такой робости. Её мужчина потерял давнего и хорошего друга – знакомы они были с Андреем почти 9 лет – а его девушка в это время просто сидела рядом и боялась сделать лишнее движение, чтобы не потревожить его. Она осторожно пыталась с ним заговорить, но он почти не слышал её и отвечал невпопад.

К вечеру Ксюша злилась на себя. Злилась, что ходит на цыпочках вокруг Миши и позволяет ему сидеть как статуя. Её стали раздражать собственные неуверенные попытки накормить его или напоить, заставить выйти подышать воздухом или поговорить. В конце концов, она решила, что не может допустить, чтобы он всё время сидел вот так, даже пусть он посчитает её из-за этого подлой эгоисткой.

Сбросив сковавшую её неуверенность, вампириша уселась к Самойлову на колени. Он этого, похоже, даже не заметил, а она наклонилась и поцеловала его. Ответил мужчина на поцелуй вяло, не так, как всегда, но девушка не сдавалась. Она намеревалась затащить его в постель, что оказалось не так уж и легко, когда Михаил не в настроении. Обычно инициатива была его, однако на этот раз он был против. Ксении пришлось проигнорировать его протест и то, с каким укором он произнёс её имя, и припомнить весь приобретенный с ним опыт. Она тоже была девушкой не промах и успела заметить, где и как к нему следует прикоснуться, чтобы ему понравилось, чтобы было приятно, и он не остался равнодушным.

Возможно, это было нечестно: воздействовать на него через тело, но Ксюше не оставалось ничего другого. И своего она добилась: Самойлов не смог противиться ни своему телу, ни привязанности, которую питал к ней. Его тело, оказавшееся непривычно холодным, погорячело и глаза заблестели, и вялость ушла.

В конце концов, девушка всю ночь почти не давала ему спать. Она будила его и начинала всё по новой. Оставила его в покое лишь под утро. Уставший Михаил вырубился и проспал практически до обеда. На этот раз он спал крепко, не так, как предыдущей ночью.

Проснувшись, оборотень почувствовал вкусные ароматы, доносившиеся до него с кухни. Сил встать с постели он в себе не нашёл и просто лежал и наслаждался покоем и усталостью, овладевшими им после бурной ночи и крепкого сна. А через несколько минут в спальню вошла Ксения с подносом, на котором дымился шикарный завтрак. Пыхтела она над ним всё утро.

Миша при виде неё растерянно улыбнулся. Её же улыбка была широкой и даже чуть озорной.

– Доброе утро, Михаил Константинович, – сказала вампирша, вызвав у него приступ веселья, и села на край кровати.

– Доброе утро, – ответил он, глядя ей в глаза.

Она снова улыбнулась и, наклонившись, нежно поцеловала его. После этого Ксюша взялась мужчину кормить. У него этим утром проснулся аппетит, и он съел всё, что она ему так старательно готовила.

Покончив с завтраком, Самойлов отправился в туалетную комнату, чтобы привести себя в порядок. Он всегда был правильным мальчиком и гигиеническими процедурами никогда не пренебрегал, потому что к этому его приучили с детства.

Девушка, к его несказанному удивлению, через некоторое время последовала за ним и даже залезла к нему в душ. Она тёрла ему спину, водила мочалкой по плечам, рукам, груди, мылила голову. При этом у неё был такой вид, словно ничего необычного не происходит. Оборотень же изо всех сил старался не показать своё смущение по поводу её неожиданного вторжения в такой интимный процесс как мытьё.

Потом Ксения помогала ему вытираться. Она ласково и осторожно вытирала ему голову, плечи, спину, лицо, грудь... Иногда она целовала его в те места, по которым прошла полотенцем. Внутренне Миша сгорал от смущения, но не находил в себе сил прогнать её.

Обмотав полотенце вокруг бёдер, он чистил зубы, умывался, брился. Вампирша всё это время стояла, прислонившись спиной к стене, и наблюдала за ним, словно контролировала. Он терпел.

Когда со всеми процедурами было покончено, Ксюша приблизилась к мужчине и обняла его сзади. Он напрягся, чувствуя подвох, но она только развернула его и, поднявшись на цыпочки, поцеловала в губы. Он ответил и немного расслабился, но совершенно зря: девушка сделала ловкое движение рукой и заставила его полотенце свалиться на пол.

Михаил раздражённо вздохнул и, отстранившись, посмотрел на её весёлое лицо. Он был возмущён тем, что она всё утро испытывает его терпение и порой как будто издевается над ним. Как и все, он не любил оказываться в неловком положении, а она всё утро заставляла его маяться от неловкости.

Ксения заметила разгорающееся в его глазах возмущение и попятилась, а потом и вовсе бросилась наутёк. Оборотень подхватил полотенце с пола и побежал за ней, легонько нахлёстывая её этим полотенцем по попе.

Влетев в спальню, вампирша остановилась и развернулась. Самойлов тоже замер и вдруг осознал, что Андрея убили, а он, голый, бежит за Ксюшей по дому и лупит полотенцем. Ему стало стыдно. Он отчаянно покраснел – а краснел мужчина не чаще двух раз в год – и замотал полотенце вокруг бёдер, избегая смотреть девушке в глаза. Она же с изумлением глядела на своего красного как помидор мужчину. О его редкой невозмутимости она была осведомлена.

Свирепо поглядев на вампиршу, Миша схватил её за плечи, швырнул на постель и навалился на неё сверху.

– Ты что, не можешь меня хоть на какое-то время оставить в покое?! – вскричал он.

– Чтобы ты целыми днями сидел как зомби и смотрел в одну точку?! – заорала Ксения в ответ. – Чтобы не ел и не пил? Чтобы так и подох?! Не могу! Извини, но не могу! Я не позволю тебе сидеть и страдать! Ругайся, ори, плачь, но только не сиди вот так!

Мужчина удивлённо моргнул. Только теперь он с кристальной ясностью осознал, зачем она всё это делала. Неловкость и стыд улетучились мгновенно. Мысли вернулись к Андрею или даже больше к Феде, который был привязан к Андрею больше всех них.

Неожиданно и для Ксюши, и для себя самого Михаил вдруг заплакал. За это ему стало стыднее в миллион раз: плакал он ещё реже, чем краснел. Он и в детстве плакал-то редко, а уж при свидетелях – практически никогда. Тем более было стыдно плакать на глазах у собственной девушки.

– Мишенька, бедный мой... – простонала вампирша и прижала его голову к своей груди.

Её пугало его стремление сдерживать свои эмоции, чего бы это ни стоило, заталкивать их так глубоко, как только возможно. Она боялась, что это сгубит его. Знала, что такие чересчур сдержанные мужчины умирают обычно рано и от какого-нибудь инфаркта. Она не хотела, чтобы и его постигла та же участь.

Плечи Миши тряслись. Он плакал беззвучно. Ксения продолжала прижимать его голову к своей груди и поглаживать ласково по волосам.

Оборотень справился с собой через 5 минут и тут же набросился на девушку. Ему казалось, что лучше заниматься с ней любовью, чем плакать у неё на глазах. Это он счёл более приемлемым. Он не хотел больше поддаваться слабости.

В итоге воскресенье они большей частью провели в постели. Иногда они оттуда выбирались, чтобы поесть то, что вампирша готовила всё утро, или возвращались туда и просто лежали, обнимаясь или целуясь.

С одной стороны они провели день бессмысленно, а с другой – очень плодотворно: Михаила чуть-чуть отпустило, он почувствовал поддержку от своей девушки.

Ночью они тоже лежали в обнимку. Заснул Миша, прижавшись к груди Ксюши головой, слушая биение её сердца и чувствуя, как она перебирает волосы у него на голове. Утром он попросил её переехать к нему совсем. Не раздумывая ни мгновения, вампирша согласилась и тем же вечером переехала к нему жить.

* * *

Пока Ангела шла к воротам, у неё в коленях появилась дрожь. Никогда раньше она не страдала трясущимися коленями, а вот теперь, похоже, начала.

Ворота оказались открыты, и про себя ведьма порадовалась, что пришла пешком: ей не хотелось привлекать к себе внимание раньше времени. Она тихонько вошла во двор и направилась к входной двери.

Вчера вечером они гуляли вчетвером с час. Успели обсудить всё, что произошло с тех пор, как погиб Волк. И ещё мужчины убедили Анжелику, что Федя будет рад её видеть. Она была в этом не слишком уверена, но всё же пришла.

После вечера, проведённого с друзьями, девушке стало легче. Она соскучилась по ним и была счастлива их видеть, с ними говорить. Она полюбовалась Мишей и Ксюшей и тем, как они влюблены друг в друга. Ей пришлось признать правоту слов Лёвы: Миша действительно был без ума от своей вампирши. Это отражалось в его глазах каждый раз, когда он смотрел на неё. И, как заметила блондинка, за последний месяц они стали друг другу ещё ближе, чем раньше. Хотя понять это было не так уж легко, учитывая манеру Самойлова вести себя.

Прерывисто вздохнув, Анжелика подняла руку, постучала и чуть отступила назад. Не прошло и пяти секунд, как дверь перед ней распахнулась, и на пороге появился Федя. Увидев же её, он застыл. Их взгляды встретились.

Зная обидчивую натуру Жукова, девушка опасалась, что он не простит её. С бешено бьющимся сердцем она смотрела в его глаза спокойного коричневого цвета и не знала, что и думать. Выдавить из себя приветствие она так и не смогла. Его же брови в это время нахмурились, и выражение лица стало мрачным. Лица приготовилась к худшему, но вопреки её ожиданиям Фёдор сделал к ней шаг и заключил в крепкие объятия. Она с облегчением выдохнула, но получился у неё вместо выдоха какой-то всхлип. Её руки тоже изо всех сил стиснули его.

Они прямо-таки душили друг друга в объятиях, но именно такое объятие отражало то, что они чувствовали друг к другу сейчас.

– Федя, ты что там так... – начала было говорить Ольга, но достигла коридора и замолчала, увидев Нестерова.

Оборотень немного ослабил хватку и заглянул подруге в лицо. На его губах застыла неуверенная улыбка. Он наклонился вперёд и застенчиво чмокнул блондинку в щёку. Она мученически рассмеялась и, поднявшись на цыпочки, основательно поцеловала его в щёку сама, после чего опять обвила его шею руками и прикрыла глаза. Они стали наклоняться влево-вправо, обнявшись, и рассмеялись. Расцепив руки, они с улыбками поглядели друг на друга.

– Привет, подруга.

– Привет, Федя. – Ведьма перевела взгляд на стоявшую позади девушку. – Здравствуй, Оля.

– Привет, Ангела, – с доброй улыбкой произнесла та. – Ты вовремя пришла: мы как раз обедать садимся.

– Ой, я не хочу, – испуганно пробормотала Ангела. – Ешьте, я рядом посижу.

– Никаких «рядом», – твёрдо возразил Федя. – Будешь есть с нами.

– Я, правда, не хочу!

– А придётся! – весело воскликнул мужчина. – Разувайся, проходи.

Анжелика была вынуждена подчиниться. Разувшись, она последовала за ними на кухню и присоединилась за столом. Обедая, они поговорили о работе, о погоде, о друзьях, об Алексее, не касаясь пока той темы, которая их всех огорчала.

Когда трапеза закончилась, Оля осталась помыть посуду, а их выгнала в гостиную. Федя и Лика сели на диван. Девушка чуть-чуть послушала шум воды, доносившийся из кухни, а потом наклонилась к другу и шёпотом спросила:

– Оля к тебе на время переехала или насовсем?

– Сам не знаю, – тоже шёпотом ответил оборотень. – Мы не обсуждали этот вопрос. Но если переехала она сюда добровольно, то уехать сама вряд ли сможет.

Улыбка Жукова была откровенно хитрой, и блондинка расхохоталась от души.

– Я свой шанс не упущу, – подмигнул он подруге.

Они улыбались как заговорщики в тот момент, когда в гостиной появилась зеленоглазая ведьма. После этого Нестерова заговорила:

– Вчера я спрашивала ребят про ваш цех, Федя, и они мне сказали, что вы так без главного и работаете. Я так поняла, что Лёша хотел бы видеть тебя на этом месте, но ты сопротивляешься.

– Это место Андрея, – хмуро сказал Фёдор. – Я мог замещать его какое-то время, но долго я там не справлюсь. Мы вполне можем обойтись без главного, раз уж так вышло.

– Хочешь знать, что об этом думает Волк? – тихо спросила девушка.

Мужчина в недоумении уставился на неё. Она вынула из сумки письмо.

– Волк передал мне письмо через нотариуса. Там есть и о тебе. Я хочу, чтобы ты прочитал. Ангела извлекла письмо из конверта и развернула.

– Закрой руками то, что читать нельзя, – попросил Жуков.

– Я покажу тебе, где читать.

– Нет, – упрямо возразил тот. – Закрой руками, а то я могу нечаянно прочитать. Это личное. Я не хочу.

То, как трепетно Федя относится к чувствам и тайнам друга, заставило сердце ведьмы сжаться. Она кивнула, разложила второй лист на полу и закрыла ладонями, что надо, оставив абзац между ними. Оборотень наклонился вперёд, и его взгляд заскользил по строчкам.

– А мне можно? – робко осведомилась Оля.

И Фёдор, и Анжелика ей кивнули. Она тоже наклонилась вперёд, опершись рукой о плечо своего мужчины.

Абзац был коротенький, и парочка вскоре выпрямилась. Ольга обняла Жукова, смотревшего прямо перед собой. Он был выведен из равновесия, над которым работал целый месяц. Ему явно хотелось плакать, но он старался сдержаться.

– Я передам этот совет Люциферу, – сворачивая письмо, сообщила блондинка. – Или ты сам?

Друг Андрея отрицательно помотал головой.

– Ты всё ещё против?

Федя опять помотал головой. Лица улыбнулась, убрав конверт в сумку, и снова села на диван. Она видела, что друг не в состоянии сейчас вести беседу, и пересказала первую часть письма, касающуюся видений будущего. Оборотень за это время немного пришёл в себя.

– Ангела, – осторожно заговорил он, – в тот вечер, когда убили Андрея, ты прибежала к Владимиру Петровичу и сказала, что он приказал убить «его» этим ублюдком. Я так понял, что ты знаешь, кто «эти ублюдки»?

– Да, Волк назвал мне их по именам, – подтвердила девушка.

– Волк? – удивилась Ольга. – Ты застала его живым?

– Конечно!

– Ну да, у тебя одежда была в крови, – пробормотал себе под нос Фёдор. – А как... как ты оказалась в Тёмном лесу? – спросил он уже громче.

Нестерова рассказала про голос леса и поведала о том, что там произошло в лесу, кто это устроил и по каким причинам.

– Подожди... – негромко попросил растерянный мужчина. – Когда ты пришла в лес, Андрей ещё был жив?

– Да, – прошелестела Анжелика. – Он был жив, а я не смогла ему помочь. Простите меня, но сил в тот вечер у меня совсем не было...

– Я знаю! – воскликнул Жуков. – Андрей рассказывал мне. Он говорил, что ты – никакая после сеанса, и что давно с тобой такого не случалось. Тебя никто не обвиняет. Я не для того спросил. Просто... ты получается...

– ... была с ним до последнего, – закончила девушка за него. – Да. Это так. До последней секунды. Я практически держала его на руках.

– Ангела... – с сочувствием выдохнула Оля и взяла её за руку.

Та почувствовала, что сейчас разревется, и начала говорить снова, гонимая отчаянием:

– Он предлагал мне уйти, но я осталась. Я не могла бросить его, я хотела быть с ним рядом... В него стреляли, и ему, наверное, было больно, но он ни разу не пожаловался. Вместо этого взял с меня слово, что я не стану мстить Дьяволу, дал кучу наставлений на тему того, как мне дальше без него жить... Это так типично для него! Он весь в этом. Беспокоился, как я проживу без него, а о себе вообще не думал!..

Лица зажала себе рот, чтобы не зарыдать. Её трясло. Зеленоглазая ведьма обняла блондинку и погладила по голове.

– Бедная Ангела... Как ты это пережила?..

– Так лучше, – возразила Нестерова. – Если бы я с ним не попрощалась, мне было бы хуже в миллион раз. Мне повезло.

Федя тоже глядел на неё с сочувствием, но обнять отчего-то не осмелился. Вместо этого попробовал отвлечь:

– А что нотариус сказал? Андрей оставил всё тебе?

– Оставил. Решил, что вам троим его имущество без надобности.

– Это верно, – улыбнулся мужчина.

– А вы... как поживаете?

– Нормально, Ангела, – ответила Ольга. – Федя вон на два огорода работает.

– Почему на два? – не поняла Анжелика и посмотрела на друга.

– Ну... Андрей тоже свой огород сажал, а он, как известно, не любит, когда дело остаётся незаконченным. Вот я за него и закончу, а потом уж твоё дело, как с ним поступать.

Оборотень и его ведьма переглянулись, и по тому, как одобрительно посмотрела Оля на Жукова, Ангела догадалась, что эта идея с огородом была её. Теперь блондинка поняла, как именно девушка привела Фёдора в норму. Идея была хорошая – это Лика про себя признала. Похоже, Ольга и вправду нашла подход к своему мужчине.

– Мы с Олей вместе туда ездим, – уточнил Федя. – Она помогает мне хорошо.

– Молодцы, – похвалила их Нестерова. – Думаю, Волку бы это понравилось.

Троица замолчала. Внезапно мужчина встрепенулся.

– О! – воскликнул он. – Сергей Васильевич идёт. Я вас оставлю ненадолго. Ладно, девочки?

Девушки кивнули, и оборотень поспешил к выходу. Оля и Лика переглянулись.

– Федя обижен на меня? – с опаской поинтересовалась блондинка.

– За что? – растерялась собеседница.

– За то, что пропала. И не объяснила ничего сразу. И из Общества ушла.

– Нет, конечно! Глупость какая! Федя понимает, что тебе было тяжело. Он только соскучился, и я – тоже. А так мы всё понимаем. Если тебе легче справиться со всем этим одной, то пожалуйста. Мы даже не представляем, что ты чувствуешь. А уж теперь, когда выясняется, что ты присутствовала при его смерти... неудивительно, что тебе понадобилось столько времени.

– Его убили из-за меня.

– Нет, – помотала головой зеленоглазая ведьма. – Владимир Петрович хотел от него избавиться и избавился. Ты ни при чём. Он бы нашёл причину всё равно.

Ангела передала слова Курганова на эту тему.

– Может быть, он и прав, – задумчиво протянула Ольга. – Федя мне тоже что-то такое рассказывал. Не знаю.

– Федя точно на меня не обиделся?

– Да нет же! За что?!

– А Лёва устроил мне взбучку, – сообщила Анжелика и передала их с Кургановым ссору.

– Ой, Господи! – рассмеялась Оля. – Кого ты слушаешь?!.. Никто на тебя не обиделся и Курганов в том числе! Это всё чушь! Ты что, Лёву не знаешь? У него же комплекс! Он же в детстве никому не был нужен и до сих пор мучается мыслью, что никто его не любит. Ему нельзя давать сомневаться в своей любви, а ты не объявилась через месяц – вот он и решил, что ты его не любишь. Обиделся он только из-за этого.

– Пожалуй, в твоих словах есть логика, – со вздохом согласилась Нестерова. – Ты права.

Девушка расслабилась и осмотрелась по сторонам. В углу комнаты, за креслами, она заметила аккуратно поставленные гири и ещё какие-то приспособления.

– Это Федькино, да? – полюбопытствовала Лика.

Девушка Жукова проследила за направлением её взгляда и кивнула.

– Да. Он каждое утро зарядку делает. Он же такой: следит за своей формой. Рано утром встаёт и делает здесь. Я пару раз подглядывала за ним: мне нравится смотреть на это. Такое зрелище! – довольно протянула она, и они обе рассмеялись. – Только не говори ему: он меня пока ни разу не засёк.

– Клянусь! – усмехнулась Ангела. – А как вы вообще живёте?

– Хорошо, – мягко улыбнулась Ольга. – С Федькой хорошо жить, спокойно. Он такой... надёжный. Я уже привыкаю к жизни с ним. И даже рано ложиться спать привыкнуть успела! Раньше-то я каждые выходные здесь проводила, и спать мы ложились обычно часов в одиннадцать или половине одиннадцатого. Но одно дело – выходные, а другое – будни. Федя, конечно,

пытался сидеть со мной как обычно, но я же вижу, что у него глаза слипаются, что он зевает во весь рот. Пришлось ему признаться, что он всегда ложится часов в девять, и стали мы укладываться пораньше: что его мучить зря? Засоня он, в общем. Но зато он рано встаёт и такой бодренький!.. Я теперь тоже в девять часов уже спать хочу. Адаптировалась с ним. И мне нравится, что он не храпит никогда. Всегда сопит себе так тихонечко. Обожаю его. – Лицо девушки осветила нежная улыбка. – Мне нравится о нём заботиться: стирать и гладить его одежду, готовить ему. Ты знаешь, Ангела, Федя сладкое очень любит. Я ему пеку тортики, булочки. Ещё я к дому этому привыкла, мне здесь нравится. Я раньше терпеть не могла уборку делать, а здесь – с удовольствием.

– Подожди-подожди! – воскликнула с растерянной улыбкой самая сильная ведьма Сибири. – Федя – сладкоежка?

– Ага! Он вообще поест любит, но сладкое – обожает особенно. Конфетки ему подавай, да пирожные, тортики. Я уже и сама с ним пристрастилась. Приходится теперь и мне за фигурой следить: пресс качаю.

– А как Федя смерть Волка пережил?

Оля вздохнула, собираясь с мыслями.

– В резиденции он плакал, а со мной – уже нет. Когда приехали домой, он молчал всё время. Я хотела его пообнимать, утешить как-то, а он попросил не делать этого. Видимо, ему было стыдно плакать при мне. В итоге, я просто за руку его держала или прижималась к нему сбоку. Молчали и смотрели друг на друга – и так несколько дней. По ночам он вставал иногда и уходил. Думаю, что поплакать. Потом возвращался и ложился обратно, как ни в чём не бывало. А уже позже я про огород Волка вспомнила и решила, что тогда ему легче станет. Он сразу согласился. А как стал там работать, так быстро и отошёл. Труд оказывает на него расслабляющее воздействие.

– Ты – молодец, Оля. Феде повезло, что у него есть ты.

– Мне тоже повезло. И, Ангела, я не знаю, как выразить, насколько мне жаль. Держись. Если что мы все с тобой.

– Спасибо, Оля, – чуть улыбнулась Лика. – А ты сама-то как?

– Ничего, нормально, – сглотнув, ответила девушка. – Мне тоже не хватает Волка, конечно. Я, оказывается, здорово к нему привязалась. Впрочем, все ведьмы по нему горюют, как и волки. Никто не остался равнодушным: даже девчонки из Группы. К нему все хорошо относились. Наверное, потому, что он ко всем хорошо относился. Он был... очень хорошим членом Общества. И другом...

В гостиную вернулся Фёдор. Вздохнув, он рухнул на диван.

– Сергея Васильевича не переслушаешь, – пояснил мужчина своё длительное отсутствие. – О чём говорили без меня?

– О тебе, конечно, – честно ответила блондинка.

– Да? – изумился Жуков. – А что обо мне говорить-то?

– Лично я, дядя Фёдор, – вступила в разговор Ольга, – могу говорить о тебе бесконечно. – Правда?

– Ага, – улыбнулась ведьма и взъерошила ему волосы на голове.

Он влюблёнными глазками смотрел на неё. Их пальцы переплелись, они уже держались за руки. Анжелика тихо улыбалась, глядя на эту пару.

Федя вскоре очнулся, осознал, что они забылись, и спросил первое, что пришло в голову:

– А почему тебя всё время нет дома? Я сколько звонил, мне каждый раз отвечали, что тебя нет.

– Тебе врал. Вам всем врал. Я всё время дома.

– Лёва так и думал, что она врёт.

– Правильно думал, – заметила Ангела. – Я уже сказала Марине Сергеевне, чтобы в следующий раз, когда мне позвонят друзья, она не врала, что меня нет. Но вам и не придётся: я включила мобильный.

– Это хорошо, – удовлетворённо кивнул оборотень. – Кстати, твоё платье почти высохло, – сообщил он своей девушке.

– Вот и отлично: к одиннадцати совсем высохнет. И никакой магии не нужно!

– К одиннадцати? – вмешалась Нестерова. – Почему к одиннадцати? Что будет в одиннадцать?

– Бал Полнолуния, – объяснила Оля. – Сегодня полнолуние.

– Серьёзно? – удивилась девушка. – Сегодня бал Полнолуния, а завтра – в честь Посвящения?

– Ага. Глупо получилось, да?

– Даже очень, – согласилась Лика. – Да и тяжело это: две ночи подряд.

– Как-нибудь выдержим, – сказал Фёдор. – Жаль, что ты не с нами. Зато с другой стороны – выспишься.

– Теперь я этому уже не рада: лучше бы посещала балы. – Она вздохнула. – Интересно, Никиту назначат вожаком?

– Вероятнее всего, да. Скоро узнаем.

Глава 4

В летнем зале вновь стояла тишина. Нарушали её лишь шорох тканей, стук каблуков, скрип обуви, да редкие покашливания. Никто не разговаривал, и даже Никита со своими приятелями помалкивали опять, опасаясь расправы.

В помещение вошли Лёня, Женя и Саша. С ними были шестеро новичков: три будущих ведьмы и три будущих волка. Все присутствующие повернулись и посмотрели на них. Те застеснялись, но послушно поплелись за волками.

Члены Общества Дьявола приветственно кивали посвящённым, глядя на них с одной стороны по-доброму, а с другой – настороженно. Всех волновал ответ на один вопрос: «На чьей они будут стороне?».

Новенькие двигались через молчаливую толпу растерянно и даже немного испуганно. Они не понимали, почему все себя так ведут, и побаивались, что это здесь дело обычное. Не иначе как в секту какую-то попали.

С появлением этой шестёрки в зале наступила гробовая тишина. Теперь источником звуков сталидвигающиеся по помещению посвящённые и те, кто их сопровождал. Поэтому все расслышали, как Женя тихо посоветовал новичкам:

– Держитесь вместе, ребята...

Скоро Владимир Петрович уже произносил свою речь. Его голос эхом отдавался от стен в повисшем безмолвии. Все взгляды были прикованы к нему, но на этот раз взгляды были преимущественно хмурыми.

Вступающие вышли вперёд и встали в шеренгу. Алексей по обыкновению подал Дьяволу Чёрную книгу. Смотрел он при этом куда угодно, но только не на отца.

Через несколько коротких минут клятвы были произнесены, а новенькие – приняты в Общество. Раздались не слишком бурные аплодисменты. На этот раз никто не свистел.

Владимир Петрович объявил вальс. Музыка после тишины показалась оглушительной, но как-то незаметно всё-таки разрядила атмосферу, а не накалила, как опасались многие. Однако по окончании вальса всё стало по-старому и даже хуже: все члены Общества, кроме только что вступивших, с напряжением ожидали от Дьявола объявления. И оно прозвучало:

– Члены Общества, попрошу уделить мне минутку внимания: я хочу сделать объявление. – Присутствующие замерли, затаив дыхание, и тогда Владимир Петрович продолжил: – В свете последних событий, думаю, будет уместно произвести некоторые перестановки. Начальником ведьм по-прежнему остаётся Лёша. Девочки, – обратился он к новоиспечённым ведьмам, – познакомьтесь. А теперь волки: с сегодняшнего дня вашим вожаком будет Никита. Никита, выйди вперёд.

На губах нового вожака играла полуулыбка. Тройка парней, влившихся в ряды стаи, смотрели на него со смешанными чувствами. Несмотря на пригожую внешность, впечатление он производил отталкивающее, да и не ускользнуло от них то, с какой ненавистью большинство оборотней на него глядело. Впрочем, неприязнь была видна и во взорах многих ведьм.

Один из взглядов, обращённых к Никите, был полон отвращения и презрения. Принадлежал этот взгляд Виктору. Многие бы, наверное, удивились, заметив его, но только не Маргарита. Именно она сообщила в ту пятницу Виктору об убийстве Волка, опасаясь, что он обрадуется, а она не сдержится и ударит его за это. Однако реакция главы Группы оказалась неожиданной: он рухнул на диван, потрясённо глядя на неё. Никакой радости на его лице не наблюдалось – скорее ужас.

Марго до сих пор хорошо помнила, как он без конца бормотал себе под нос тогда:

– Я этого не хотел... я этого не хотел...

Ведьма теперь уже не понимала, как её мужчина на самом деле относился к Андрею Туманову. Хотя её и не интересовало больше, что он чувствует и о чём думает: убийство Лизы она простить ему была не в силах. Её любовь к нему медленно угасала: любить убийцу она не могла.

– Вожак из него никакой, – отчётливо раздался в наступившей тишине холодный голос Льва.

Многие в зале вздрогнули от высказанной вслух мысли, бившейся в голове каждого из них. Дьявол обратил на оборотня ледяной взгляд.

– Ты что-то хочешь сказать, Курганов? – чуть насмешливо осведомился он.

Если Владимир Петрович рассчитывал этим вопросом заткнуть мужчину, то ему пришлось разочароваться: Лёва презрительно фыркнул и ответил:

– Я много чего хочу сказать. Вам и часа не хватит выслушать всё, что я думаю по этому поводу.

Чернов отвернулся было от оборотня, думая, что тот этим ответом и ограничится, но ошибся вновь.

– Как вы вообще представляете его на месте вожака? Он ведь ничего не может. Он не имеет власти ни над нами, ни над дикими волками. Он же даже... не волк.

– И кто же я по-твоему? – встрял Никита.

Лев не посмотрел в его сторону, боясь, что тогда не выдержит и набросится. Его взгляд был прикован к Дьяволу, и ответил он, глядя на Дьявола:

– Вы же поступаете как люди. Вы пытаетесь обойти законы стаи. Никогда вожака не назначали просто так! Его должен был выбрать вожак, а предыдущий вожак, как мы все прекрасно помним, был против Никиты на этом месте. Да на крайний случай он должен хотя бы пройти испытание!

– Ему нет нужды проходить испытание, – равнодушно произнёс Владимир Петрович.

– Ну, конечно, – издевательски улыбнулся Курганов. – Он же его просто не пройдёт!

– Я назначил его вожаком и точка!

– Лёва, остановись! – шепнула мужчине миниатюрная девушка с фиолетовыми волосами. – Ничего не добьёшься всё равно.

Новички внимательно следили за разворачивающейся сценой, хотя и не понимали толком, о чём идёт речь.

– Может, спросим мнение Венеры на этот счёт? – упрямо задал вопрос красавчик с тёмно-рыжими глазами. – Вроде этот вопрос в её компетенции.

– Незачем, – процедил Дьявол. – Я уже всё решил. Этот вопрос и в моей компетенции.

– Значит, ни стая, ни Тёмный лес больше не разделены? – подал голос крепкий мужчина, стоящий рядом с первым.

– Да.

– Добились-таки своего, да? Довольны?

Улыбка этого симпатичного оборотня была жёсткой. Его взгляд чуть задержался на главе Общества, после чего и он, и его зеленоглазая девушка отвернулись. Вскоре к ним присоединились все, кто стоял рядом, в том числе и красавчик, играющий с огнём.

За этой компанией и остальные члены Общества повернулись спиной к Дьяволу. В зале больше не стояла тишина: разделившись на группки, ведьмы и волки беседовали друг с другом вполголоса.

Назначенный вожаком парень подошёл к новым волкам и установил время встречи. Он и его приятели, следующие за ним по пятам, были веселы и с удовольствием представились. Новички же ощущали напряжение, знакомясь с ними. Они не знали, как себя вести.

К молодым ведьмам приблизился сын Дьявола. Он представился и познакомился с новыми подчинёнными. Чуть поколебавшись, он пожал руки и новым оборотням, после чего

назначил встречу ведьмочкам и покинул зал, так ни разу и не поглядев на Никиту и его друзей. То, как откровенно начальник ведьм игнорировал «коллегу», не ускользнуло от внимания новичков. Они переглянулись между собой, но ничего не произнесли вслух, договорившись друг с другом глазами, что обсудят увиденное и услышанное позже.

* * *

Катя, Настя и Ира следовали по бесконечным коридорам резиденции за своим начальником. Оказавшись в комнате, которая, по всей видимости, являлась библиотекой, они сели, куда им указали, и посмотрели на сына Дьявола.

Катя откровенно глазела на его волосы с проседью. Настя маялась от неловкости и пыталась её одёрнуть. Ира тщательно рассматривала лицо Алексея, искала там какой-нибудь изъян и не находила. Лицо было невероятно красиво, поэтому вскоре уже все три ведьмы любовались им.

Лёша впал в задумчивость. В последнее время он был ужасно рассеян. Сосредоточиться не получалось ни на чём. Бессознательно он избегал реальности.

Раньше бы мужчине стало неловко от того, что его рассматривают, но сегодня он этого даже не заметил. Его взгляд случайно скользнул по трём ведьмам, и тут же он пришёл в себя.

– О, простите! – негромко воскликнул Алексей. – Я задумался... Итак, о работе...

– А можно задать вопрос? – встряла Ира.

– Пожалуйста, – чуть пожав плечом, ответил зеленоглазый ведьм и приготовился внимательно слушать.

Две оставшиеся ведьмы переглянулись и хотели было остановить третью, как та выдала свой вопрос:

– Что у вас тут происходит?

– Ира! – в ужасе вскричала Катя, но та не обратила на неё никакого внимания и продолжала глядеть на начальника.

Люцифер тяжело вздохнул.

– Трудно не заметить, да? – со слабой улыбкой произнёс он.

Смелая ведьма ему кивнула. Чернов обвёл их троих взглядом и заговорил:

– Боюсь, девочки, вы попали в Общество Дьявола не в самые лучшие для него времена. Я сожалею. Раньше вступлению в Общество можно было бы радоваться, но теперь... я могу вам лишь посочувствовать. Вам шестерым придётся нелегко.

– Почему?

– Как вы могли заметить, в Обществе конфликт. Каждый из нас уже определился со стороной – вам же это только предстоит. Мой вам совет: не торопитесь. Хорошенько всё обдумайте, прежде чем принять решение. А вообще безопаснее быть ни на чьей стороне.

– А вы определились со стороной? – осторожно спросила Настя.

– Не «вы», а «ты». И да, я определился. Разумеется.

– Будешь агитировать нас на свою сторону? – лукаво улыбнулась Ира.

– Нет, – мягко улыбнулся в ответ сын Дьявола. – Не буду. Решайте сами...

Часа через полтора три молодые и стройные девушки покинули дом Черновых. Они не болтали без умолку, не улыбались и шли достаточно быстро. Казалось, им пора бы распрощаться, но они держались вместе и двигались вперёд. Судя по тому, как синхронно они шагали нога в ногу, у них имелась конкретная цель.

Спустя 45 минут ведьмы вошли в городской парк. Они изнывали от жары, да и успели притомиться за то время, что шли. Однако, даже несмотря на всё это, им и в голову не пришло сбавить скорость.

Ухоженная и далеко не безлюдная часть парка осталась позади. Девушки направлялись к заросшему травой куску земли и, миновав очередное дерево, увидели троих парней, измаявшихся за время ожидания. Но при виде ведьм они воспрянули духом.

Шестёрка обменялась приветствиями. Самый беспокойный и нетерпеливый из парней, именовавшийся Витей, спросил, не медля:

– Ну и что, ваш оказался сговорчивей?

Ира фыркнула и потребовала:

– Сначала про своего расскажите. Как он вам?

Оборотни переглянулись между собой. Их молчание в ответ на вопрос было красноречивее всяких слов, но самый невозмутимый и слегка равнодушный из них, звавшийся Костей, всё-таки решил уточнить. Безразлично теребя ветку берёзы и не глядя ни на кого из собеседников, он пробормотал, как бы разговаривая сам с собой:

– Влюблён он в себя безгранично...

Ведьмы звонко рассмеялись. Витя с Митей тоже засмеялись, а Костя даже не улыбнулся, хотя глаза и блеснули удовлетворённо.

– Наш непонятный какой-то, как мы и думали, – подытожил Витя, желая поторопить собеседниц. – А ваш что?

– Сговорчивей, – кивнула Катя. – Хотя кое-кто действовал не по плану и задал вопрос в лоб, – сообщила она, покосившись на Иру.

Та равнодушно пожала плечом и пояснила:

– Дело не в том, что он сговорчивей. Он – адекватный, и это видно невооружённым глазом.

– А если бы ты ошиблась, и он оказался неадекватным? – возмущённо осведомился Витя. – Что тогда?

– Тогда бы я у него не спрашивала напрямую! Я спросила именно потому, что он – адекватный!

– Довольно, – твёрдо оборвал спорщиков Митя. – Спросила, так спросила. Теперь это неважно. Выкладывайте уже, что узнали.

Катя и Настя чуть растерялись, не зная, с чего начать объяснение, поэтому заговорила не страдающая нерешительностью Ира – рассказала про безумие Дьявола, про нарушение Законов Общества его некоторыми членами.

– Все слышали сплетни об Обществе Максимилиана, Ангеле и Волке? – поинтересовалась она потом. Оказалось, что Настя и Костя никогда их не слышали. Пришлось вкратце просветить их. – Короче говоря, – заговорила девушка опять, покончив с рассказом, – по словам Алексея, сплетни – ложь, а их герои – реальны. Действительно существует Общество Максимилиана, и его глава, как все и думали, Максимилиан Ахмедов. Создано это Общество по типу нашего, но состоит оно исключительно из вампиров. Кроме таких как вы и таких как мы ещё существуют вампиры, и они стоят по всему городу. Это благодаря им такие, как ваш начальник, не могут причинить существенного вреда людям.

На несколько секунд повисло молчание. Затем Митя осторожно поинтересовался:

– А как вампиры выглядят? Ну... тогда, когда им крови хочется.

– Лёша сказал, что у них удлиняются клыки, и глаза чернеют. Вроде как остаётся один зрачок, а радужка исчезает.

Митя и Витя переглянулись. Первый кивнул последнему и сказал:

– Да, всё именно так. Это был вампир.

– О чём вы? – полюбопытствовала Катя.

– Не так давно на меня напал вампир, – пояснил Митя. – Это было после Ночи Посвящения. Я захотел в лес и отправился в тот, который идёт до Николаевки. Гулял себе спокойно,

и тут вдруг он выскочит непонятно откуда. Кроме чёрных глаз и клыков я ничего не запомнил, как ни смешно. Но времени рассмотреть его у меня не нашлось.

– Он укусил тебя? – осведомился Костя.

– Нет. Он подлетел ко мне и так дал по голове, что я вырубился. А когда я очнулся, оказалось, что его нет, а рядом со мной сидит дикий волк.

– Испугался? – мягко улыбнулась Катя.

– Было немного. Не сразу привыкаешь к мысли, что и ты такой же... Знаете, что любопытно?

– Что? – спросила Настя.

– Он мне сказал... ну не сказал то есть, а... в общем, ему велели присмотреть за мной, пока я не очнусь. Он не сказал кто, и ушёл. Я так понимаю, что меня спас кто-то из оборотней.

– И куда же он делся, этот герой?

– Может, он – скромный, и не захотел, чтобы я его благодарил?

– А вампир тебя точно не кусал?

– Точно. Он меня и пальцем не тронул больше. Одна только шишка на голове после удара осталась. Думаю, он не успел, хотя и собирался меня прикончить.

– Почему ты решил, что прикончить? – осведомилась Ира. – Просто крови попить захотел.

– Нет. Он хотел именно убить. Я это почувствовал.

– Зачем вампиру тебя убивать? – нахмурился Костя.

– Я не знаю.

Катя поведала парням про вражду между вампирами и членами Общества Дьявола, о родстве Максимилиана Ахмедова и Черновых, о том, кто такие Ангела и Волк, зачитала из Чёрной книги о силе Ангелы. Попеременно девушки включались в повествование и добавляли припоминавшиеся им детали: о том, как Дьявол начал мстить Ангеле и Волку, о разделении стаи и Тёмного леса, об убийстве девятерых мирных деревенских вампиров, Лизы Александровой. Об убийстве вожака стаи, после которого убийцы ещё недели две ходили изрядно потрепанные, а также об уходе Ангелы из Общества.

– Но Лёша не просил нас верить в эту историю, – проинформировала парней Катя. – Он сказал, что мы не обязаны верить ему на слово: он ведь мог это выдумать. И у него при этом было такое лицо, что не поймёшь: врал он или правду говорил?

– Зато его глаза, как открытая книга, – спокойно сказала Настя. – По ним всё видно: он не врал.

– Да и вряд ли можно выдумать такую длинную и подробную историю, – вставил Витя.

– Вообще-то, Лёшина история была не слишком подробной, – пояснила Ира. – Подробностей в неё добавила немолодая ведьма по имени Вера Ивановна: особенно то, что касается запретов Дьявола, их с младшим сыном отношений и ведьмы, которую наш начальник любил.

– А эта Вера Ивановна... она кто?

– Она вырастила Алексея.

– Она – его мать?

– Нет, няня.

– Ну теперь хоть понятно, о чём говорил тот крепкий парень, – заметил Костя. – Про объединение леса и стаи.

Ирина сообщила оборотням, кто такой этот парень и представила остальных друзей Волка и Ангелы.

– Ребята, – привлекла внимание всех присутствующих Катя, – что мы делать-то будем? Из этого дурдома нам уже не сбежать. Мы влипли, вам так не кажется?

Ведьмы и оборотни переглянулись. Вскоре они уже горячо спорили, но к единому мнению прийти всё-таки сумели.

Глава 5

На улице было пустынно и тихо: никто не ездил мимо, не ходил. Ангела оглянулась на окна соседних домов, но не почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. Вздыхнув, она повернулась лицом к красивым кованым воротам и магией заставила их открыться.

Ведьма не была в доме Волка около двух месяцев, поэтому теперь она внутренне дрожала от переполнявших её чувств.

Во дворе почти ничего не изменилось – лишь очень остро ощущалось отсутствие хозяина. Раньше здесь всё было пропитано его энергетикой. И любовью. Он обожал свой дом, и тот это чувствовал.

Лица долго стояла во дворе, смотрела по сторонам. Потом прошлась, оглядывая знакомые уголки, с которыми связано множество светлых воспоминаний. Но никак не могла решиться войти в дом. Впрочем, когда девушка шла сюда, она внутрь входить не собиралась. В её намерения входило лишь наложить магию на дом, чтобы с ним и его содержимым ничего не случилось. Теперь же её желания изменились.

На дрожащих ногах Анжелика поднялась на крыльцо и, минуя веранду, вошла в дом. Пахло здесь практически так же как и всегда: не хватало только запаха хозяина. Выветрился, наверное.

Девушка постояла чуть-чуть, разглядывая прихожую, а потом несмело двинулась вперёд, не разунаясь, но наложив магию, чтобы не оставлять следов. Шла она медленно, а сердце её билось в груди как сумасшедшее.

Воспоминания... Они вспыхивали в её голове одно за другим. Ангела прикасалась ко всем предметам, что её окружали: проводила рукой по поверхности стола, по шкафам, по холодильнику, из которого кто-то выкинул все продукты, трогала дверную ручку и при этом вспоминала их с Волком совместные завтраки, обеды и ужины, совместное их приготовление и множество объятий, поцелуев, случившихся здесь. Ей припомнились запах Волка, тепло и надёжность его объятий, от которых душа становится шире, просторнее, светлее, от которых всё внутри расправляется и встаёт на свои места.

Постояв немного, ведьма развернулась и покинула кухню. Ей было одновременно хорошо и плохо.

В гостиной было чисто, если не брать в расчёт слой пыли, скопившийся на всех поверхностях. Лица сомневалась, что здесь кто-то убирал после смерти Волка: он сам каким-то образом умудрялся поддерживать в доме порядок.

В проигрыватель по-прежнему был вставлен диск Инги. Блондинка погладила его кончиками пальцев, а потом захлопнула крышку проигрывателя и, развернувшись, окинула взглядом всю комнату.

Она пооткрывала дверцы шкафов наугад, пока на нижней полке не заметила уголок знакомых листочков. Потянув за уголок, Анжелика извлекла на свет рисунки волков, сделанные Андреем.

Ещё прошлым летом Данил как-то в резиденции рисовал волков, а потом пристал к жожаку стаи, пытаясь вызвать его на соревнование, хотя тот никогда не хвастал своим умением рисовать. В конце концов, он уговорил Андрея немного порисовать. Потом Данил сравнивал их рисунки и выразил своё восхищение умением начальника. Всё это было весёлой шуткой. Данил никоим образом не хвастался своим талантом, а просто испытывал жожака. Он всё время стремился втянуть его в спор.

Девушка улыбнулась задумчиво. То был весёлый день, беззаботный, и спор был беззлобный. Всем понравились рисунки и Волка, и Данила.

Андрей потом хотел выкинуть свои рисунки, но Нестерова попросила их сохранить. Ей очень понравилось то, что у него получилось: волки выглядели невероятно реалистично.

Ангела чуть-чуть подумала и решила всё-таки их забрать. Закрыв дверцу шкафа, она встала и направилась в спальню. Там, на пороге, ведьма замерла, охваченная множеством чувств. С этой комнатой было связано больше всего воспоминаний, но она заставила себя сдвинуться с места и отделаться от мыслей, от которых расклеилась бы непременно.

Тут Ли́ка тоже открыла дверцы шкафов, прикоснулась к рубашкам, висевшим в ряд, сняла с вешалки пиджак. Он ещё хранил запах Волка, хотя учуять его было уже сложно.

Очень бережно девушка вернула его на место, закрыла шкаф и приблизилась к прикроватной тумбочке. В ней обнаружились фотоальбомы Андрея. С трепетом блондинка открыла один из них и задумчиво полистала. На глаза ей попала какая-то школьная фотография, где по обыкновению Туманов стоял в последнем ряду, дабы своей высокой фигурой никого не заслонять.

Нестерова внимательно пригляделась к фото и попыталась понять: как одноклассники относились к Андрею? Он никогда не говорил об этом. Саму Анжелику одноклассники, в большинстве своём, откровенно терпеть не могли. За что? Она никогда не могла понять, хотя думала об этом и не раз. Возможно, она была слишком честной или правильной, или несовременной? «Маменькиной дочкой»? Погружённой внутрь себя? Чересчур безразличной к мнению сверстников о себе?..

Предположений девушка могла придумать уйму, но представления не имела, близко ли хоть одно из них к истине.

Андрей тоже был очень не похож на своих сверстников, и всё-таки его никогда не пытались критиковать или унижать. Его не трогали, с ним не воевали, над ним не насмехались. Почему? Может быть, потому что Андрей, в отличие от Ли́ки, способен был за себя постоять? Хотя и она пыталась, как могла.

На самом деле, Ангела прекрасно знала, почему. Ответ очень прост: Волк – лидер по своей природе. Лидеров никогда не критикуют, не учат жить. За ними или следуют, или просто остаются в стороне и не встают на пути. Им не нужно ни перед кем оправдываться. Они могут делать то, за что другим прохода не дадут. Они имеют право жить, как им хочется, и окружающие воспримут это, как само собой разумеющееся.

Именно по этой причине Волк мог в отличие от других парней не материться, не курить, не пить, не бегать по девушкам, и никто не смел назвать его трусом или слабаком. Он имел право оставаться добрым парнем, читать свои книги и не получать двоек и троек по предметам, каким бы немодным это не считалось среди ребят его возраста. Он мог не следовать моде – он мог быть самим собой. Хотя, вполне вероятно, однажды ему это право пришлось отстоять. И девушка не сомневалась, что сделал он это с блеском.

Сам Волк свою лидерскую натуру не осознавал. Он не стремился быть на виду, привлекать к себе внимание, управлять кем-то. Он не был таким явным лидером, как Ахмедов. У Макса это на лбу было написано – Андрей же был лидером скрытым, по его виду сразу ничего не поймёшь. Однако любой, кто пообщался с ним хоть немного, вскоре понимал, какая перед ним сильная личность. И как хочется с ней подружиться, и подражать ей.

Анжелика улыбнулась своим мыслям и полистала альбом ещё чуть-чуть. В какой-то момент до её сознания дошло, что милиция, просмотрев фотографии, поймёт, кто был девушкой Туманова, а также узнает, что трое его друзей были с ней знакомы и даже очень. Конечно, если они уже их не посмотрели.

Девушка закрыла фотоальбом и засунула его вместе с остальными в пакет к рисункам, уже лежавшим там. Решительным шагом она вошла в гостиную. Её глаза загорелись красным светом.

Подчиняясь магии Ангелы, пыль поднялась со всех поверхностей. Удерживая её одной рукой, ведьма другой нанесла на эти поверхности свою магию, бледно-красную, полупрозрачную. Как покрывало, магия накрыла все предметы, стены, потолки и полы в комнатах, защищая от той же пыли, грязи, воров и холода. Последнее в первую очередь касалось отопительной системы, которой предстояло простоять зиму без работы.

Покончив с этим, блондинка взмахом руки открыла окно и заставила пыль вылететь на улицу. Окно захлопнулось. Лица окинула дом прощальным взглядом и покинула его. Свою магию она нанесла на дом и сверху, а также не обошла вниманием хозяйственные постройки и ворота. После этого она вышла за ворота и пошла домой, так никем и не замеченная.

Тот день был невесёлым, а через две недели выдалось ещё более невесёлое воскресенье: восьмое августа – день рождения Волка. Если бы он остался в живых, ему бы исполнилось 30 лет.

В этот день отмахнуться от мыслей об Андрее было невозможно, и Анжелика не стала противиться. С помощью магии она скопировала фотографию Туманова в Лёвиной шляпе и поставила её на прикроватную тумбочку. И смотрела на неё, без конца смотрела. Даже на фото насыщенно-карие глаза Волка притягивали её взгляд.

* * *

Курганов находился в наивысшей степени бешенства. Телефон Ангелы опять был выключен, хотя она вроде бы говорила, что включила его. Когда мужчина позвонил на домашний, то, конечно же, попал на разлюбленную Марину Нестерову, которая ответила, разумеется, что падчерицы дома нет. Теперь же Лёва стоял у ворот и нажимал на звонок, еле сдерживаясь, чтобы не ударить со всей силы по кодовому замку и не сломать его ко всем чертям.

На зов долго никто не откликался. Когда оборотень уже подумывал перелезть через забор, тяжёлая металлическая дверь перед ним открылась. Его взору предстал мужчина лет за тридцать, в форменной одежде. И по его облику, и по его взгляду Лев заключил, что он – охранник, к тому же, только недавно начавший работать: в поведении мужчины проскальзывала неуверенность.

– Здрóво, – протянул с улыбочкой Курганов.

– День добрый, – чуть высокомерно ответил охранник, обозлившись на фамильярность. – Вы к кому?

– К Анжелике Нестеровой. Она дома?

Собеседник заколебался. По глазам было видно, что он точно знает, дома она или нет, но вместо того, чтобы ответить, мужчина попросил:

– Секунду, – и, достав мобильный телефон, принялся звонить.

Когда ему ответили, он сказал:

– Марина Сергеевна, пришли к Анжелике Николаевне...

Оборотень уловил в трубке голос своей «любимой» собеседницы и вновь начал выходить из себя. Он притоптывал от нетерпения и раздражения ногой и подумывал врезать охраннику по морде и пройти, но вместо этого остался на месте, продолжая притоптывать. Во-первых, по морде он человеку безнаказанно врезать не мог, а во-вторых, охранник был совсем ни при чём, что Лев прекрасно понимал, даже будучи обозлённым.

– ... да? – в это время растерянно спросил у телефонной собеседницы несчастный мужичок, после чего посмотрел на посетителя и как-то неловко сообщил: – Её нет дома.

– И где же она? – обманчиво ласково осведомился член Общества Дьявола.

Охранник передал этот вопрос Марине Сергеевне, получил от неё инструкцию и отпартовал:

– Уехала куда-то. Куда именно, никому не сообщила.

– Да неужели? – усмехнулся ему в лицо Лёва.

Больше мужчина сдерживаться не мог и, с силой оттолкнув охранника, ворвался во двор. Решительным шагом он направился к дому, потому что точно знал, что подруга там.

– Эй! – крикнул ему вслед бедный мужичок. – Ты куда?

И бросился за ним следом. Курганов с широкого шага перешёл на бег, влетел в дом, пересёк просторное фойе и начал подниматься по лестнице.

– Стой! – заорал охранник с порога дома.

– На каком этаже она живёт? – продолжая подниматься по лестнице, невозмутимо крикнул в ответ оборотень. – Кажется, на третьем?

– Стой! Кому говорят!

На втором этаже на диванах сидела целая толпа.

– Ого! – протянул Лев с усмешкой. – Всем здравствуйте!

Многие повскакивали с мест. Один парень грубо спросил:

– Ты кто?

– Дед Пихто, – пропел волк стаи, начав подниматься по боковой лестнице на третий этаж, а потом чуть-чуть приостановился и громко и длинно свистнул. – Подруга, – заорал он и уже немного тише добавил: – ... мать твою.

Охранник поднялся по центральной лестнице и повернулся к боковой, чтобы продолжить восхождение. В это время на третьем этаже хлопнула дверь, и в начале лестницы показалась запыхавшаяся Ангела.

– Лёва! – радостно воскликнула она и тут же поспешно сказала: – Евгений Васильевич, всё в порядке. Это мой друг.

Охранник остановился и покосился на хозяйку дома.

– Твой друг, Ангела, себе много позволяет, – холодно произнесла Марина Сергеевна.

– О! Так вот вы какая, моя дорогая подружка, – сладко улыбнулся ей Лёва, узнав голос. – Вы мне всё лето мозги парите. Я ещё раз с вами здороваться не буду – вы не обидитесь? А то мы с вами сегодня уже и по телефону здоровались, и так. Наверное, на сегодня хватит – как считаете? И, кстати, вы сказали, что её нет дома, а она – вот, есть. Видите её? И никуда она не уезжала. Или ты куда-то уезжала? – обратился к блондинке мужчина.

– Да нет, – растерянно ответила она. – Я только недавно с работы пришла. Никуда я не ездила!

– Ну, вот видите! – снова повернулся к Марине Курганов. – Она никуда не ездила и дома всё это время была. Вас в детстве не учили, что врать – это нехорошо?

– Я просто не заметила, как она пришла домой, – попыталась выкрутиться мачеха.

– Марина Сергеевна! – с упрёком воскликнула Лика. – Я же вас просила!

Женщина не выдержала:

– Нечего тут твоим ухажёрам ошиваться!

– Кто здесь ухажёр? – поинтересовался весело оборотень. – Я что ли? Представляешь, подруга: я – твой ухажёр... Кстати, что с твоим телефоном?

– Не знаю. А что? Не работает?

– Не работает.

– Разрядился, наверное, – предположила девушка. – Кажется, он пищал, но я внимания что-то не обратила... Да, а что случилось? – опомнилась она.

– Ну как тебе сказать?... – протянул Лев. – Какой сегодня день недели?

– Пятница.

– Верно. А число?

Анжелика вспомнила, что на дворе пятница тринадцатое, и, уронив голову на грудь, рассмеялась как-то виновато.

– Вы меня звали.

– Мы тебя звали, – подтвердил мужчина с улыбкой. – Мне велено доставить тебя на место.

– Велено? – удивилась ведьма. – А разве не у тебя собираемся?

– Нет, у Мишки.

– Вот как? С чего это ты вдруг уступил?

– Разве я могу отказать девушке моего дорогого друга? – наигранно изумился Лёва и уже нормальным голосом объяснил: – Ксюшка хочет похозяйничать, так пусть хозяйничает. А ты мне кое-что обещала, так что собирай вещички!

Обещала ему Ангела как-нибудь у него переночевать.

– А разве ты завтра не работаешь? – осведомилась она.

– Нет. Дежурю я в воскресенье, поэтому завтра у меня законный выходной.

– Ясно. А... отгулы вам за дежурства так и не предоставляют?

– Нет, конечно!

– А Никите?

– Ну ты что, подруга?! – воскликнул Курганов весело. – И Никите, и его шестёркам отгулы предоставляют, естественно. И новичкам пока что. Да чёрт с ними, с отгулами! Собирай вещички!

– Я ночую у тебя?

– Ты ночуешь у меня, – кивнул мужчина.

– Ладно, – легко согласилась Лика и собиралась было уже пойти, но повернулась к другу снова и заметила: – Лёва, тебя уже тушить надо, по-моему.

Лев, который от гнева и вправду уже чуть не пылал, рассмеялся и пошутил:

– Если бы я был тобой, этот дом уже взлетел бы на воздух, да?

Блондинка запрокинула голову и громко расхохоталась, а потом кивнула.

– Верно. – Она широко улыбнулась другу. – Я буду через пять минут, – пообещала девушка и пошла по коридору.

– Я жду тебя, моя прелесть! – крикнул оборотень ей вдогонку и повернулся к охраннику. – Извини, приятель.

Тот торопливо отвёл взгляд, провожавший Анжелику, и густо покраснел. Кое-как он умудрился кивнуть на извинение.

Курганов усмехнулся. Теперь он понял, почему этот мужичок знал, дома девушка или нет. Для него она была богиней, чей приход или уход он не мог не заметить.

Чтобы не смущать несчастного охранника, член Общества поглядел на собравшихся. В молчании те изучали его, а он – их.

– Так вы ухажёр моей дочери или нет? – спросил Нестеров.

Лёва удивлённо приподнял брови и сказал спокойно:

– Такая идеальная девушка, как ваша дочь, не про мою честь. У нас с ней чистая и невинная дружба.

– И давно вы дружите?

– Да года четыре, наверное.

– Как вас зовут?

– Вы должны были слышать: Лев.

– Я и слышал, – подтвердил Николай. – А какова ваша фамилия?

– А зачем она вам? Вы всё равно меня не знаете.

– А вдруг?

– Никаких «вдруг», – твёрдо произнёс волк стаи. – Вы меня не знаете, и моя фамилия вам ни о чём не скажет. Поверьте.

– Какой упрямый, – без тени злости или раздражения сказал хозяин дома. В его голосе скорее слышалось уважение отчего-то.

Взгляды собеседников встретились. Курганов не собирался извиняться, но так как перед ним был отец подруги, он посчитал нужным всё-таки это сделать.

– Вы уж извините за вторжение: мне очень нужна ваша дочь. Мы и так с ней практически всё лето не виделись.

– Вы – настойчивый молодой человек, – задумчиво проговорил Нестеров. – Я это заметил.

Брови молодого мужчины опять поползли вверх. По последней реплике собеседника он понял, что тот всё-таки остался при своём мнении относительно того, ухажёр он Анжелике или нет. Лев хотел было снова начать возражать, а потом плюнул на это дело, пожал плечом и промолчал.

Присутствующие глазели на него, а он смотрел по сторонам, стараясь не встречаться ни с кем из них взглядом. Он был так зол, что его раздражало всё и эти люди в том числе.

Те же им заинтересовались. Парни оглядывали члена Общества критически и даже со злостью, а девушки – восхищённо. Его красивое лицо, мускулистое тело, скрытое под светло-голубыми джинсами и белой футболкой, и только что устроенное представление произвели на них впечатление.

– О! – послышалось равнодушное восклицание. – Я, кажется, тебя знаю.

Лёва очнулся от своих мыслей и посмотрел на того, кто произнёс эти слова. Сначала он нахмурился, но затем вспомнил лицо говорящего и сказал:

– Я тоже вас припоминаю.

Они посверлили друг друга взглядами, после чего Горлов отклонился назад и заговорил, обращаясь к Нестерову.

– Лет пятнадцать назад – а то и больше – несколько малолеток угнали машину у одного мужика. Я в тот день дежурил как раз. Так вот этот, – он ткнул пальцем в оборотня, – из их компании был самый младший и при этом самый нарывистый. Агрессия у него через край била, да и матов он знал побольше нашего. К ответственности...

– Зря вы так, Станислав Сергеевич! – воскликнула Ангела, спускаясь по лестнице. Все посмотрели на неё. – Лёва сейчас по большей части белый и пушистый, но укусить по-прежнему может. Так что не искушайте судьбу. Он – парень вспыльчивый, темпераментный. Да, Лёва? – с улыбкой спросила она, приобнимая его.

Друг промолчал, но улыбнулся. Ведьма вновь поглядела на приятеля отца, чувствуя, как её душит холодное бешенство. Она готова была убить Горлова за то, что посмел прилюдно унижить Курганова, который и так стыдился своих родителей и своего прошлого. Он скрывал это за шуточками и наигранным высокомерием, как мог, но ближайшие друзья всё равно знали о его чувствах.

– Если вы хотели полить Лёву грязью, то получилось это у вас едва ли, – продолжила Лика после короткой паузы. – Его вспыльчивость и хулиганское прошлое в глазах женского пола делает его только привлекательнее. – Она кивнула в сторону девушек и заметила: – Вы только подогрели их интерес к нему.

Послышался весёлый смешок. Издавала его девушка по имени Настя. Она терпеть не могла Станислава Сергеевича и теперь с откровенным интересом разглядывала члена Общества с ног до головы. Тем же занимались остальные девушки. Все они улыбались и некоторые делали это даже как-то призывно.

– К тому же он такой красивый, что всем плевать, даже если он кого-нибудь убил. Но Лёва никого не убивал, хотя подраться с кем угодно мог, да и сейчас может. За девушку свою он постоять сумеет в отличие от большинства, – закончила блондинка, скользнув взглядом по парням, присутствующим здесь.

– Ты, смотри, им гордишься, – холодно произнёс Горлов.

– Горжусь и даже очень, – с лёгкой улыбкой согласилась Анжелика и взъерошила волосы Лёву. – Он – самый лучший. Самый обаятельный и привлекательный. Второго такого нет на свете. Многие из девушек, кто с Лёвой знаком, мечтают выйти за него замуж, но увы. Свя-

зваться с ним не советую: он – неисправимый бабник, – пояснила Ангела, глядя на остальных представительниц своего пола. – Ещё ни одной девушке не удалось по-настоящему заинтересовать его, хотя многие и многие пытались.

Курганов неожиданно расхохотался.

– Что это сейчас было? – осведомился он.

Ведьма притворилась смущённой.

– Я просто пыталась предостеречь их от глупости. Из женской солидарности. Как Миша говорил, ты – безнадёжный вариант. И это правда. Уж не знаю: приберёт ли тебя кто-нибудь к рукам?

– Я – целиком и полностью твой, – сказал Лев, глядя на неё глазами невинного мальчика.

Лирика громко расхохоталась и оттолкнула его.

– Наглый лжец!.. Держи, – протянула она ему пакет, – я собралась, как ты просил. И пойдем уже: нас ждут.

Мужчина послушно взял у неё пакет, улыбаясь той самой улыбкой, от которой любая женщина была готова всё ему позволить. Девушка ему тоже улыбнулась, покачав головой. Они в обнимку стали спускаться по центральной лестнице.

– Ангела, ко сколько тебя ждать? – крикнул им вслед Нестеров.

– Сегодня не ждите! Я ночую у Лёвы!..

Только когда они оказались в машине, Ангела, наконец, посмотрела серьёзно другу в глаза и сказала:

– Лёва, ты – отличный парень. Никогда не смей в этом сомневаться. Ты у нас лучше всех!

– К чему ты это? – улыбнулся оборотень, стараясь скрыть, как покорило его слова Горлова.

– Ты знаешь, к чему. Тебе нечего стыдиться, Лёва! Прошлого уже не имеет никакого значения! Важно только настоящее и то, кто ты сейчас, сегодня. Понял?

Лёва сник.

– У меня что, всё на лбу написано?

– Нет. Наверное, я знаю, потому что очень тебя люблю.

И блондинка поцеловала друга в щёку. Он улыбнулся и завёл автомобиль. К тому времени, когда они подъехали к дому Самойлова, оборотень отошёл и повеселел.

Собирались на этот раз друзья вовсе не веселиться. Никакого веселья просто не могло быть: два месяца, прошедшие со дня убийства Андрея, ничуть не уменьшили боль от утраты. Поэтому собирались вместе друзья просто потому, что так им было легче, чем поодиночке.

* * *

Дверь с тихим стуком закрылась за спиной. Ангела выдохнула с облегчением: рабочий день закончился. Она чуть помедлила, прежде чем спуститься с крыльца библиотеки, и огляделась.

С некоторых пор выход из библиотеки стал для ведьмы испытанием. Каждый раз против воли она надеялась увидеть перед крыльцом чёрный джип с номером «013» и высокого мужчину, прислонившегося к нему. Воспоминания, в которых именно так и было, били сильнее ножа или кулака, и подавить их не получалось.

Лирика с усилием сглотнула и начала спускаться по ступеням. Тут ещё одно воспоминание пришло ей на ум: о том дне, когда Волк заехал за ней, и они потом под ручку шли до его машины. Кажется, Римма тогда советовала ей не упустить свой шанс с Андреем. Она и не упустила, да что толку?..

Медленно девушка двинулась по улице. Чтобы не поддаваться тоске, она стала вспоминать, как ночевала у Лёвы почти неделю назад.

Спать они, конечно, легли поздно. Полночи друзья провели за разговорами, и основной темой их разговоров был Андрей. Почему-то друг с другом они могли говорить о нём спокойно, без опаски. И он, и она знали, что ни у кого из них не случится истерики. Им хотелось говорить об Андрее, они нуждались в этом. И взахлёб пересказывали друг другу воспоминания о нём.

Вожак стаи был неисчерпаемым источником тем для бесед. Как и говорил когда-то Владимир Петрович: «... говорить о нём можно много и хорошо...».

Анжелика стиснула зубы со всей силы при мысли о Дьяволе. Она не могла пока что даже думать спокойно о нём. Её сразу же начинало трясти как нервнобольную.

Девушка стала дышать глубже, чтобы успокоиться, и посмотрела на небо. Облаков разных форм там было множество, и она принялась их разглядывать. Она всегда любила это занятие.

Когда Нестерова оторвалась от созерцания небес, выяснилось, что навстречу ей идёт Максимилиан. При приближении он слегка улыбнулся и сказал как-то тепло:

– Привет, подруга.

И обнял её. Блондинка ответила на объятие и тоже поздоровалась, когда он отстранился.

– Как поживаешь? – спросил мужчина.

– Относительно неплохо. А ты?

– Да тоже. Слушай, а ты в отпуске была в этом году?

– Нет.

– Не отпускают?

– Да нет, – слабо улыбнулась Ангела. – Выгоняли даже: я как раз в августе по графику должна идти.

– Почему не пошла? – любопытствовал Ахмедов, разглядывая её своими тёмно-шоколадными глазками.

– Не хочу, Макс. На работе мне лучше: я хоть отвлекаюсь немного. Если в отпуск пойду, то точно крыша съедет.

– Неужели ты не устала?

– Устала немного, но это ничего. Обойдусь как-нибудь. И так в выходные дни с ума схожу. Еле до понедельника доживаю.

– Приходила бы к нам, – осторожно сказал вампир. – Мы тебе рады. Все очень соскучились.

– Не знаю даже, Макс...

– Приходи, Ангела. Ты – желанный гость в нашем доме. Если не будешь знать, куда деваться, то приходи. Обязательно приходи!

Ведьма растерянно рассмеялась. Она не хотела ничего обещать, но и сказать другу категорическое «нет» не могла. Слишком трепетно она относилась к чувствам своих друзей, чтобы вот так обижать их.

– Я недавно с Лёвой созванивался, – сообщил Макс, чтобы пауза в их разговоре не затягивалась. – Он сказал, что ты выбралась из своего укрытия.

Лица неопределённо пожала плечом. Мужчина рассмеялся над её «разговорчивостью» и признался:

– Я рад. Ты понемногу становишься похожей на себя прежнюю.

– Препней я, наверное, уже не буду. Да и вы – тоже вряд ли.

– Возможно, ты права. – Мефистофель поколебался, но всё же заговорил о том, что его волновало. – На вечеринке у твоего отца я слышал, как этот... Горлов, кажется?.. говорил о Волке. Ребята соврали, что не знакомы с его девушкой. Зачем? Не знаешь?

Девушка вздохнула.

– Я спрашивала у Феди. Они не захотели, чтобы меня допрашивали, мучили. Да я и соврать толком была не в состоянии. И они считают, что если всё вылезет, то никто не удивится, что он скрывал меня от друзей.

– А-а... – протянул с улыбкой старший сын Дьявола. – Вроде как ты – Нестерова: така-ая девушка! Ну да, думаю, никто не удивится.

– Хотя Волк бы никогда так не сделал.

– Все привыкли судить других по себе, а Волка никто по-настоящему не знал, кроме нас.

– Тоже верно, – согласилась Анжелика. – Кстати, Федя сказал, что они вчетвером соврали про меня, не сговариваясь. И даже соврали одно и то же.

– Вчетвером? – растерянно переспросил Максимилиан.

– Да, Лёша же ещё был. Он заявление подавал.

Собеседник опустил глаза, притих, но вдруг заинтересовался, словно решившись:

– А... как он? Не знаешь?

Девушка удивилась, что он спросил. Она думала, он всегда будет избегать говорить о младшем брате. Оправившись от лёгкого потрясения, блондинка ответила:

– Я не так давно разговаривала с ним по телефону, но сказать, в каком он состоянии, пожалуй, не могу. Лёва утверждал, что он не пришёл в себя и ничего вокруг не замечает, но я думаю, что он ошибается. Голос у Лёши был более... осознанный что ли... в сравнении с тем, каким он был, когда мы последний раз разговаривали. Да и тогда... я бы не сказала, что он сломался. Лёша гораздо сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Он уйдёт ненадолго из реальности, но вернётся. Ему нужно всё обдумать, побыть наедине с собой. Думаю, скоро он вполне придёт в себя. Ведь он столько времени терпел выходки отца! Уверена, он и на этот раз не сломается. Хотя бы ради Веры Ивановны. Она для него всё. Если Лёши не будет рядом, они с Владимиром Петровичем просто поубивают друг друга. Я так поняла, что он между ними вечный рефери.

Вампир звонко рассмеялся.

– Вот как?..

Друзья ещё немного поболтали на отвлечённые темы. Обсудили заодно отпуск Ахмедова, который он, в большинстве своём, провёл в Абакане, у матери. Как всегда.

С некоторых пор Макс навещал мать ежегодно и основную часть отпуска проводил у неё. Иногда они отдыхали вместе: ездили на машине на природу или в Абакане как-нибудь развлекались, а иногда мужчина затевал в квартире ремонт, по которому был специалист после первого года, проведённого в Сибирске.

Мефистофель никогда не ездил в отпуск за границу или просто на море: предпочитал Абакан и Сибирск. Не тянуло его никуда, как ни странно. Зато маму свою он каждый год отправлял куда-нибудь вместе с подругой хотя бы недельки на две. На неё он заработанные деньги потратить был рад.

О том, что Карина Магомедовна ездит отдыхать на деньги сына, Максимилиан никому не говорил, но все догадывались. Как уж тут утаишь, когда вокруг столько ушей? К тому же, о щедрой натуре Ахмедова знали все. Он никогда не жалел денег ни на друзей, ни даже любовниц, а уж что говорить про родную и горячо любимую мать?..

Когда Макс и Лика прощались, он сказал ей ещё раз:

– Приходи к нам, Ангела. Мы все по тебе соскучились. Мне очень тебя не хватает, подруга. Приходи как-нибудь. В любое время.

Девушка слабо улыбнулась и неопределённо кивнула, пятясь от него спиной вперёд. Мужчина пристально смотрел ей в глаза, но обещания от неё так и не дождался. Вздохнув себе под нос, он вынужден был всё-таки распрощаться и пойти в магазин, куда и направлялся до встречи с подругой.

Анжелика продолжила движение по улице, несколько раз оглянулась и посмотрела на спину Мефистофеля, пока та не исчезла за дверями магазина, а потом ускорила шаг.

Она даже подумать не могла о том, чтобы прийти в гости к вампирам. Практически всегда она ходила туда вместе с Волком и теперь представить не могла, как идти туда без него. Боялась,

что тогда станет окончательным тот факт, что Волка нет. Что никогда больше ничто не будет так, как раньше. Она понимала это и всё-таки не была готова принять это до конца. Хотя прекрасно знала, что придётся. Всё равно придётся.

Глава 6

В городе было уже достаточно тихо. Попрощавшись с Витей и Гришей, Максимилиан двинулся прочь от вокзала, к центру Сибирска, где бросил машину. Несмотря на то, что мужчина стремительно удалялся от вокзала, звуки, доносившиеся оттуда, тише не становились. Они эхом разносились по ночному городу, делая темноту более уютной.

Время близилось к полуночи. Свой план на сегодня Ахмедов выполнил: Витя и Гриша были последними, кого он намеревался проверить. Это немного поднимало настроение.

Не реже двух раз в месяц вампир выборочно проверял подчинённых на участках. Проверки, разумеется, были неожиданными, и никто из вампиров ещё ни разу не сумел предугадать появление начальника. Но делалось это вовсе не потому, что глава Общества не доверял своим работникам, а просто для того чтобы ни он сам, ни они не расслаблялись. Поддерживать порядок в городе их никто не заставлял, и ответственность они ни за что не несли, но дело есть дело, и бросать его Мефистофель не собирался, тем более что некоторые члены Общества Дьявола стали себе слишком много позволять. Бросить людей в такое время было первоклассным свинством и даже жестокостью.

Сам Макс теперь дежурил в городе редко. Раньше, ещё в самом начале, он делал это наравне с остальными, но круг его сибирских знакомых постепенно расширялся, а, встречая его во время таких дежурств, эти знакомые несказанно удивлялись. Ему приходилось им что-то врать и, в конце концов, это стало утомительным. Раз в два в год сын Дьявола ещё мог насочинять с три короба, но на то, чтобы делать это каждую неделю, у него просто-напросто не хватало фантазии. Да и вампиры понимали, что без дежурств их начальнику хватает и работы, и ответственности. К тому же, он, можно сказать, дежурил круглые сутки: члены Общества звонили ему постоянно. Звонили по личным вопросам – порой даже некоторые советовались как лучше «подкатить» к девушке – и по рабочим. Если ловили кого-нибудь, то звонили ему и спрашивали, как с ним поступить: сдать на руки сотрудникам милиции, с которыми налажена связь, или только пинка под зад дать. Мало кто из членов Общества решал эти вопросы сам: большая часть перекладывала ответственность на Максимилиана, и ему приходилось подрабатывать психологом на расстоянии. Всё это, несомненно, отнимало силы.

Мефистофель шёл по тёмным улицам частного сектора, дабы сократить путь, и при этом хмурился. День сегодня был отвратительный: и работы что-то слишком уж много, и звонков от вампиров, и клиент препротивный в магазине попался. Он вздёрнул внебрачному сыну Дьявола все нервы и испортил настроение окончательно. Успокаивать таких психованных как этот корректным способом мужчина не умел и, пока тот демонстрировал им всем далеко не самые лучшие стороны своей натуры, мысленно восклицал, обращаясь к Владу: «На кого ты меня покинул?».

Рудаков один умел приводить в чувство таких нервных и недовольных всем людей. Его невозмутимость и обжигающе холодный взгляд голубых глаз действовал в подобных ситуациях лучше всего. Но Рудакова с ними не было. Его не было ни в магазине, ни даже в городе Сибирске – Владимир вместе с Викторией на машине укатил в Иркутск. Они оба были в отпуске и собирались провести этот отпуск вдвоём.

Ездить куда-нибудь во время отпуска для вампиров было затруднительно. Дело, конечно, в крови: много ей не увезёшь, да и хранить сложновато, а уж через границу тем более не перевезёшь. Поэтому далеко отдыхать вампиры не отправлялись. Влад тоже уехал всего на неделю и кровью запасся. Прожить он без неё мог, но, как и у всех вампиров, самочувствие его тогда значительно ухудшалось. Мужчина когда-то протянул без крови в армии и ещё год до этого, но то вялое и почти предсмертное состояние до сих пор не забыл и повторять подвиг не стремился.

Кто-то мечтает увидеть Париж, а кто-то – Байкал. Вика относилась к числу последних, и они с Владом без всяких споров решили отправиться туда, тем более что почву им в Иркутске подготовила сестра Краснова, Надя. Она была рада помочь друзьям любимого брата и подыскала им жильё, а также разузнала всё о развлечениях, доступных в их городе.

Телефон Рудаков выключил, о чём предупреждал всех заранее, да и Карина Магомедовна ушла этим вечером на день рождения к подруге, поэтому пожаловаться Максиму сегодня было некому. И это настроение портило! Ему было жизненно необходимо выпустить пар!..

Август перевалил через середину, и по ночам теперь было холодно. Осень близилась неумолимо, но на этот раз Ахмедова сей факт не огорчал. Он мечтал, чтобы этот отвратительный год закончился поскорее. Слишком уж много было бед и ошибок.

В последнее время в мыслях Максимилиана обитали, как ни забавно, мужчины, и было их двое. Первого звали Волком.

Его уход был таким неожиданным, что у вампира до сих пор не получалось его осознать. Он силился, да всё без толку. Если бы ему довелось увидеть Волка мёртвым, то, возможно, сумел бы поверить в его смерть, а так... не мог. Это казалось невероятным. Как мог этот активный, полный жизненных сил мужчина умереть? Это было так обидно, так возмутительно! Почему именно он?!

Мефистофелю до сих пор всё это казалось страшным сном или ошибкой. Ну не мог Волк умереть! Просто права не имел! Тем более так внезапно и... бесповоротно. Как у него только совести хватило?

Мужчина хрипло рассмеялся над своими мыслями, сокрушённо покачав головой. Он злился на Волка, потому что страшно скучал. И Ангелу ему было жаль. Он чувствовал ответственность за неё и хотел бы как-нибудь помочь, но не имел абсолютно никакого понятия, как это сделать. И мучился от этого сильнее.

Макс отчётливо помнил тот вечер, когда Волка не стало. Помнил, как перед глазами всплыло лицо друга. Помнил своё потрясение.

Первым его состояние заметил Влад и спросил, что случилось. Когда брюнет озвучил новость, в комнате наступила тишина. Такая же тишина повисла после того, как Саша с Колей сообщили об убийстве Куликовых, Сезовых и всех остальных. С тех пор тишину Максимилиан возненавидел. Теперь он предпочитал, чтобы в его доме было шумно – лишь бы больше не было этой гнетущей тишины. Тишина теперь его пугала.

С одной стороны отсутствие Волка было пока не слишком заметным: посещал вампиров он не слишком часто – около раза в месяц. Но с другой стороны старшему сыну Дьявола казалось, что планета без Андрея Туманова как будто опустела, лишилась души. Или это они все с его смертью потеряли какую-то часть души?..

Вторым мужчиной, занимавшим в последнее время мысли Ахмедова, был Алексей Чернов. Стыд и чувство вины по-прежнему не отпускали Макса, и если раньше он подумывал о том, чтобы всё-таки извиниться перед младшим братом однажды, то теперь отбросил эти мысли совсем.

Дело было в том, что в тот вечер, когда убили Волка, домой к вампирам приходили Оля с Кирой. Они рассказывали про случившееся с Куликовыми и объясняли, почему это случилось и как связано с Алексеем. Разбираясь в их не совсем связной речи, Мефистофель задавал вопросы, и один из них, как показалось кое-кому, прозвучал осуждающе. Вот тогда Татьяна на него набросилась.

Побить его ей не дали Коля с Сашей, вцепившиеся в неё мёртвой хваткой и понимавшие прекрасно, что глава Общества не сможет ей ни ответить, ни защититься как следует. Всё это однако не помешало Тане наорать на брюнета и высказать всё, что она о нём думает.

Из её «пламенной» речи Максимилиан узнал, что после разговора с Ангелой и Волком Алексей не познакомился с ним лишь из опасения как-то навредить ему. Младший брат,

видите ли, считал его хорошим парнем! И свою первую ошибку, после которой всё и пошло наперекосяк, он совершил после визита Ахмедова к ним домой.

Может быть, и глупо так думать, но вампир часто размышлял о том, что если бы он послушал совет друзей и познакомился с младшим братом, как полагается, или в ту ночь велел своим парням догнать его, обогнавшего их, и объяснил бы всё, извинился, то он, Алексей, не поехал бы к своей Лизе, а значит, она была бы жива, как и Куликовы, Сезовы...

Осознание того, что именно он, пусть даже и косвенно, виноват в смерти девушки Алексея, убивало Макса. Ему казалось, что уж после такого младший брат его точно не простит и будет ненавидеть до самой смерти. И он не мог поставить это брату в вину.

Когда уже все узнали о смерти Волка, и Саша свозил девочек за волками, а потом вернулся поздней ночью, он пришёл к Ахмедову в комнату и поведал о том, что видел и слышал в доме Куликовых. Краснов не имел привычки трепаться о чужих делах, и это было против его правил, но он это сделал, посчитав правильным.

После этого рассказа Мефистофель часто с ужасом вспоминал слова Волка о том, что он однажды может пожалеть о своём решении, а исправить что-то будет поздно. Воистину едва так и не получилось. Если бы не Таня, то Алексей Чернов бы умер, а его старшему брату только и оставалось бы мучиться совестью за свою ошибку до самой смерти. Впрочем, учитывая слабое сердце Алексея, всё ещё могло случиться именно так.

После услышанного от Тани, Саши, Ольги и Киры Максимилиан, ко всему прочему, лишился единственного слабого оправдания, которым тешил себя с тех пор, как встретился с братом лицом к лицу. Он пытался убедить себя, что Алексей всё-таки, возможно, не стал бы с ним знакомиться, если бы узнал о нём. Возможно, он всё же не выносит вампиров и скрывает это, сваливая всё на отца. Ведь так может случиться? Однако дружба с вампирами, тайная, но крепкая, говорила об обратном. Она говорила о том, что Алексей Чернов был искренним. Он действительно не был похож на отца ни в чём.

Смешно теперь было Максиму над своими мыслями о том, что ему не нужен брат. Ни брат, ни сестра не могут быть нужны или не нужны. Просто, когда у тебя есть брат, ты его любишь, а когда нет, то не любишь, потому что некого.

Вампир вдруг осознал, что ему не плевать на чувства брата, не плевать на обиду, которую ему нанёс. Ему хотелось исправить содеянное, получить прощение. Ему было больно и горько от того, что он ранил своего младшего брата. Он безумно хотел стать ему другом. Хотел знать о нём как можно больше.

Рассказы друзей из Общества Дьявола, в которых фигурировал Алексей Чернов, Максимилиан обычно слушал в пол-уха и делал это намеренно. Теперь он об этом сожалел и по крупицам выуживал из памяти всё, что слышал о младшем брате. Полученную в итоге информацию мужчина бережно хранил и лелеял.

Как оказалось, всё слышанное о брате было исключительно положительным. Отрицательное же, которое Ахмедов мусолил столько времени, было лишь его домыслами и эмоциями. И всё-таки старший сын Дьявола не собирался полагаться только на услышанное и сознательно сдерживал себя, дабы не оказаться, в конце концов, полнейшим дураком: он был скорее склонен к цинизму, чем к наивности. Холодный голос разума неустанно повторял ему, что брат не может быть идеальным, и большинство знакомых, вероятнее всего, его идеализирует. Однако, несмотря на всё это, полученная о младшем брате информация грела ему душу. Нелогично, пожалуй, но это было так.

Мефистофель вынырнул на поверхность, сознательно вырываясь из всех этих размышлений, которые не оставляли его ни днём, ни ночью. Он всё ещё шёл по неосвещённым боковой частью улиц частному сектору под доносившиеся с вокзала звуки. Пока он был погружён в свои мрачные раздумья, звуки те стали тише. Они по-прежнему позволяли чувствовать себя уютнее, но уже не перекрывали других шумов. Теперь мужчина отчётливо слышал, как

шуршит под его ногами гравий, и постарался сосредоточиться на этом звуке, чтобы остаться в реальности.

Максимилиан вышагивал достаточно резво и скоро вышел на другую улицу, асфальтированную. Здесь фонари горели и более или менее освещали хмурое лицо брюнета, пока он двигался по обочине, минуя частные дома, чередующиеся с двухэтажными бараками. Во дворах тех домов собаки, гремя цепями, вставали с земли или вылезали из будок, когда он проходил мимо, а некоторые даже лаять начинали. Ну не любят собаки ни вампиров, ни Дьяволов – что уж тут поделаешь?!..

Ахмедов на собак внимания не обращал и шёл своей дорогой. Про себя он размышлял, позвонит ему мама, когда вернётся со дня рождения, или нет? Хотя бы позвонила! Ему сегодня так хочется пожаловаться кому-нибудь на жизнь!

Вампир тяжело вздохнул, продолжая думать о своём. Откуда-то справа послышались мужские голоса, но он не обратил на них внимания, как и на собак, однако к мужским голосам вдруг присоединился женский, звук которого заставил его отвлечься от своих мыслей и остановиться. Голос как голос, но и его высота, и интонации выдавали ужас и напряжение. Женщина, которой принадлежал этот голос, была насмерть напугана.

Макс повернул голову вправо. Прямо от того места, где он стоял, извиваясь, убежала тоненькая тропка, конец которой терялся в темноте, проскальзывая между двумя заборами. Один забор огораживал барак, а второй – какую-то территорию. Свет фонаря доставал до забора слабо, и, насколько мог разобрать старший сын Дьявола, на плакате, приклеенном к забору, было написано что-то про пиломатериалы.

Тропка, похоже, вела на параллельную улицу. Попасть на ту, следует упомянуть, было непросто. От места, где на эту улицу свернул мужчина, надо было идти достаточно долго в сторону противоположную той, которой шёл он, чтобы всё-таки свернуть и попасть на параллельную. Да и двигаясь в том направлении, коим следовал брюнет, попасть на ту злосчастную улицу можно было лишь обогнув множество зданий, сделав тем самым приличный крюк. Впереди, в нескольких метрах от застывшего на обочине главы Общества, пролежала улица, перпендикулярная той, однако с некоторых пор она была перекрыта из-за организаций, располагавшихся на углу.

Осознавал всё это Мефистофель несколько коротких секунд, после чего, более не медля, двинулся по тропе. Когда свет фонаря перестал доставать до той части тропы, по которой шёл мужчина, он остановился, чтобы глаза немного адаптировались. Не прошло и десяти секунд, как Максимилиан продолжил движение вперёд. Теперь он даже мог разобрать слова, произносимые голосами.

– ... Пожалуйста, отпустите меня, – попросила незнакомка. – Меня дома ждёт сын. Мне очень нужно к нему.

– Ну, вот и хорошо! – неправдоподобно ласково воскликнул один из собеседников. – Если мамочка не будет выпендриваться, то очень скоро пойдёт к своему сыночку. Мамочка же не хочет, чтобы её сыночек остался без неё совсем?

– Нет, – срывающимся и одновременно сдавленным шёпотом ответила женщина.

– Значит, мамочка сделает так, как ей скажут. Она не будет плакать, вырываться, кричать и звать на помощь. Верно? – всё так же ласково осведомился мужчина.

– Да, – еле слышно ответила ему собеседница.

– Вот и хорошо! Вот и славно! Мы тебя не обидим: мы просто хотим развлечься. Мужика ты своего ведь развлекаешь – теперь развлеки и нас. Ни к чему быть жадной. Мы ничуть не хуже твоего мужика. Какая тебе разница перед кем ножки раздвигать? Совершенно никакой! Будешь с нами ласкова, и мы скоро отпустим тебя к твоему сыночку. Мы просто тоже нуждаемся в женской ласке и несправедливо нас её лишать. Правда?

– Пожалуйста, – напряжённо взмолилась женщина, – отпустите меня. Я же ничего вам не сделала.

– Вот именно. Когда сделаешь то, что мы попросим, мы тебя отпустим, – вступил в разговор другой мужчина. – Ни к чему обижать нас. Почему я не могу трахнуть такую красотулю, как ты? Ты думаешь, если ты красивая, то можешь безнаказанно обижать хороших парней? Ты мне понравилась, так не разочаровывай теперь. Поверь, нам будет хорошо. Я, может, получше твоего мужика буду? Давай, иди сюда!..

Ахмедов стоял и слушал их разговор несколько секунд, пока внутри него расправлялась вампирская сущность, выпущенная им на волю. Вампиры не могли видеть в темноте как днём в отличие от волков, но зато чётко различали внутри каждого живого существа всю его кровеносную систему до мельчайших капилляров. Вот именно в таком плане Макс вскоре «видел» всех людей, разговаривающих на фоне какого-то аварийного здания, мог понять, где у них конечности, как и куда они двигаются.

Все они, в том числе и сам вампир, находились в том, что прежде, видимо, являлось внутренним двором аварийного ныне здания. Один из мужчин стоял вплотную к дрожащей женщине и приговаривал что-то, лапая её грудь. Брюнет вышел из тени и поинтересовался отчётливо и громко:

– Ребята, какие-то проблемы?

Присутствующие вздрогнули и оглянулись на гостя, и даже тот, кто был «самым ласковым», перестал трогать женщину. Мужчин Макс насчитал четверо.

– У нас нет никаких проблем! – рявкнул третий, чей голос сын Дьявола ещё не слышал. – Это у тебя они сейчас будут, если не свалишь отсюда! Тебе чего надо? Иди, куда шёл, мужик!

– Да погоди ты! – осадил его «ласковый», а потом обратился к вампиру: – Мужик, ты, может, присоединиться хочешь?

Мефистофель не видел лиц, но каким-то невероятным образом почувствовал отвращение и ужас, охватившие при этих словах женщину. Он тихо и хрипло рассмеялся.

– Нет, спасибо. Я добываю себе женщин несколько иным способом – уж точно не шантажом и не запугиванием. И вот чего не пойму: неужели вы не можете найти себе женщину иначе? Неужели обязательно зажимать в углу и насиловать первую попавшуюся? Вы ухаживать за девушками не пробовали?

– Пошёл ты на х...! – заорал «обидчивый». – Мне эта нравится, и я её поимею! А ты вали отсюда, пока не схлопотал!

– Парень, проблема в том, что ты ей не нравишься, и иметь тебя она не хочет, – всё так же спокойно продолжил Максимилиан. – Видишь, как её трясёт? Ты такой милый и обходительный, что её сейчас на тебя вырвет.

– Катись отсюда, – ласково посоветовал первый мужчина в компании. – Твоего совета никто не спрашивал. Мужик, тебе больше всех надо что ли? Она не стоит того, чтобы ты из-за неё получал по голове. Наша красотуля ничуть не против, а дрожит она от нетерпения. Ну невтерпёж ей уже, понимаешь? Так что иди и не мешай.

– Насколько я слышал, «красотуля» против. Ей нужно домой, к сыну, значит, нужно отпустить её к сыну. У тебя матери не было что ли?

– Нет, тебе всё-таки нужны проблемы! – выплюнул третий и вместе с молчаливым приятелем двинулся к брюнету, а «ласковый» с «обидчивым» завалили женщину на землю. Она тоненько вскрикнула, но первый тут же скомандовал ей не орать, и она замолчала. «Обидчивый» держал её за руки и прижимал к земле, пока приятель готовился совершить насилие.

Сложно описать, какое титаническое усилие Ахмедову пришлось совершить над собой, чтобы сохранить холодную голову и не выйти из себя. Иначе он вряд ли смог бы помочь женщине.

Парни, собиравшиеся создать вампиру проблемы, были уверены, что справятся с ним. Однако их ожидал сюрприз: как и любой, кто занимается боксом, глава Общества был подвижен и уёртлив, а если бил, то метко и основательно. Очень скоро парни пожалели, что связались с ним: в нокаут он их отправлять не стал, но они сразу догадались, что удары, полученные от него, ещё долго будут им аукаться, а потому «героизм» больше демонстрировать не стали.

Избавившись от первых двух парней, Макс с нечеловеческой скоростью подскочил к «ласковому», который уже снял штаны и достал «орудие труда», и схватил его за волосы, после чего с лёгкостью отшвырнул прочь. Тут на него кинулся «обидчивый», которому он с превеликим удовольствием врезал в пах, а потом добавил ещё несколько тяжёлых ударов в чуть менее болезненные места.

Наступила коротенькая передышка, во время которой старший сын Дьявола понял, что выпустить пар ему сегодня удалось и дома орать ни на кого не придётся! В этот момент на него кинулся «ласковый», успевший натянуть штаны. Мефистофель не растерялся: врезал ему в пах тоже, а затем схватил его за голову и несколько раз этой головой ударил его о собственное колено.

– Женскую ласку ещё заслужить надо, ребята! – воскликнул брюнет, припомнив их с женщиной разговор, и здесь вдруг вышел из себя окончательно, чему дополнительно способствовал тот факт, что первые двое неожиданно осмелели и вместе с «обидчивым» опять бросились на него. Сделали они это зря.

Максимилиан всегда отличался горячим темпераментом, и провоцировать его не стоило. Но парни это сделали, и он потерял голову. Он стал их избивать с бешеной силой. Когда они падали, он поднимал их за шкуру и бил снова. Всё бил и бил, пока голос разума не произнёс бесстрастно в голове: «Ты их убьёшь. Остановись». И только тогда Макс прекратил избиение, с трудом взяв себя в руки. Как оказалось, все четверо уже давно были без сознания.

Мужчина перевёл дух и двинулся к женщине, прислонившейся к забору. Тут со стороны тропинки появился запыхавшийся Женья-вампир.

– Шеф, извини, – с ходу начал извиняться он, – у нас там заварушка вышла небольшая, и мы не слышали...

– Да вы и не могли ничего слышать: пострадавшая не склонна звать на помощь, – устало отмахнулся Ахмедов. – Но раз уж пришёл, проверь, живы ли ублюдки.

– А ты не уверен?

– Не-а. Еле остановился: взбесили они меня.

Мефистофель приблизился к женщине.

– Вы как?

Она ничего не ответила, продолжая дрожать. Трясло её так сильно, что даже зубы клцали. Вампир неловко погладил её по плечу.

– Тихо-тихо, – пробормотал он. – Успокойтесь. Всё позади... Вы сейчас, случаем, в обморок не собираетесь упасть?

– Не знаю, – слабым голосом ответила она.

Максимилиану вдруг стало весело.

– То есть пока они убеждали вас дать себя изнасиловать, вы в обморок падать не собирались, да и когда к делу приступили – тоже, а теперь решили?

Женщина в ответ тихо засмеялась, хотя в её смехе всё-таки слышались слёзы.

– Ну вы даёте, – улыбнулся мужчина. – Как вас зовут?

– Розалия.

– Очень приятно, Розалия. А меня – Макс.

– Макс, они – живы, – доложил Женья, стоявший где-то позади. – Придут в себя через пару часов – не раньше.

– Ну, тогда чёрт с ними, – чуть повернув голову, сказал глава Общества. – Иди и работай дальше. Только на камерах нигде не засветись: вдруг ребята на меня обидятся и заявление решат написать?

– Хорошо. Ты тоже не светись.

– Угу.

Женя растворился в темноте, и Ахмедов поглядел на женщину. Она по-прежнему была близка к обмороку. Вампир как раз лихорадочно размышлял, что делать с ней, когда из её рук выскользнула сумка, и послышался плеск. Брюнет наклонился и, пошарившись в сумке, нашёл бутылку; одновременно с этим он вытаскивал наружу свою человеческую сущность.

– О, водичка! – бодро воскликнул он, выпрямившись, и глотнул из бутылки, ощущая на себе изумлённый взгляд новой знакомой, после чего распылил эту воду ей в лицо, как при глажке белья в его детстве делала мама.

Розалия сначала затихла потрясённо, а потом ойкнула и помотала головой. Макс тихонько рассмеялся и, закрутив крышку, бросил бутылку на землю. Положив руку пострадавшей себе на плечо, он приказал:

– Держитесь за меня и дышите глубже. Дышите медленно и глубоко.

Женщина подчинилась, и скоро дрожь в её теле стала слабеть. Оба молчали некоторое время.

– Розалия, вас не учили, что в таких ситуациях надо кричать: «Помогите! Насилуют!»? Вы что, собирались позволить им изнасиловать вас?

Мефистофель уже решил, что она не ответит, как вдруг послышался тихий, но твёрдый, голос:

– У каждого, знаете ли, свои приоритеты: мне важнее остаться в живых. Если я умру, то кто позаботится о моём сыне?

– А муж у вас есть? Его отец?

– Есть, но он о себе-то не в состоянии позаботиться, а вы про сына говорите.

– Чудесно, – пробормотал мужчина и уже чуть громче попросил: – Если вам когда-нибудь ещё раз доведётся оказаться в такой ситуации – хотя я надеюсь, что этот раз был последним для вас – пожалуйста, кричите и зовите на помощь. В этом городе, когда вы зовёте на помощь, она обычно приходит. Хорошо?

– Ладно, я постараюсь. Хотя вообще-то я кричать толком не умею. – Розалия помолчала, но потом всё-таки спросила: – Зачем вы их так сильно избили? Чем они вас разозлили?

Максимилиан рассмеялся как-то невесело и, запрокинув голову, недолго посмотрел на небо, усыпанное звёздами.

– Знаете, Розалия, моя мать вырастила меня в одиночку, и у меня, наверное, возникли ассоциации. Я просто как представлю, что какие-нибудь ублюдки так бы с ней обошлись... – Он помотал головой, будучи не в силах закончить фразу. – В общем, я был бы благодарен, если бы кто-нибудь оказался настолько любезен, что убил бы их за это. И я бы предпочёл, чтобы моя мама спасала себя, думала бы о себе, а не обо мне беспокоилась! Если бы она ради меня позволила себя изнасиловать, я бы себе этого никогда не простил. Я бы удавился, наверное. А вообще ваш вопрос странный: вас они не разозлили? Меня лично каждая их фраза приводила в бешенство! Вы их жалеете что ли?

– Нет, просто удивилась. Козлы они, конечно.

Брюнет засмеялся и женщина вместе с ним. Ему было приятно с ней говорить, да и просто находиться рядом.

– Зачем вы здесь пошли? Сократить путь хотели?

– Да. Я так устала, домой хотелось! Я никогда здесь раньше не ходила. Больше и не пойду! Сократила блин, дура!

– Да ладно вы: всякое бывает, – мягко сказал Ахмедов. – А вы откуда так поздно идёте?

- С электрички.
- С электрички?
- Да, я к свекрови ездила.
- Зачем?

– Помочь ей надо было, – ответила Розалия и нехотя пояснила, поняв, что собеседник ожидает более подробного ответа: – Уголь с ней перекидали, да лук убрали. Ещё помидоры солили.

– А муж ваш не хотел матери родной помочь? Уголь перекидать, например?

– У него здесь дела были: другу надо было помочь машину отремонтировать. И я на него сына оставила.

– А-а... – протянул вампир, понимая, что не имеет права на возмущение, и всё-таки возмущаясь. – А с электрички ночной он вас встретить не мог?

– Я не просила, – был ему короткий ответ.

«Сам он, конечно же, догадаться не мог», – подумалось Максу, но вслух он ничего не сказал, чувствуя, что Розалия и сама всё про своего мужа знает.

– Вам как, лучше? – осведомился вместо этого мужчина. – Идти сможете?

– Да-да, смогу.

Мефистофель наклонился, нашёл бутылку с водой, сунул её в сумку и протянул ту женщине. Она приняла её из его рук и, маясь от неловкости, сообщила:

– Здесь ещё где-то мои пакеты были...

И они стали в этой темноте искать пакеты. Нашла их Розалия сама и известила об этом главу Общества. Он приблизился к ней и предложил:

– Давайте, я понесу ваши пакеты.

– Не надо. Спасибо. Я сама понесу.

Мужчина тяжело вздохнул и, более ни о чём не спрашивая, просто отобрал их у неё. Пакеты для человека были достаточно тяжёлыми, хотя Максимилиану как вампиру особых неудобств не доставляли. Он, конечно, поразился про себя, как она их на себе пёрла, но потом вспомнил про уголь и поражаться перестал.

– Возьмите меня под руку, – скомандовал женщине Ахмедов. – Можете повиснуть на мне, если хотите. По-моему, вам всё ещё грозит обморок.

Розалия подчинилась, и они покинули центр двора, до которого с левой стороны хоть и слабо, но доставал свет фонаря. Там остались четверо несостоявшихся насильников, чьи лица теперь были изрядно изуродованы. Макс же со спутницей шагнул в темноту.

Все его чувства обострились. Он был напряжён и внимателен, пока они не прошли мимо аварийного здания и не оказались на параллельной улице. Здесь он чуть-чуть расслабился, но окончательно успокоился только тогда, когда они вышли на середину гравийной дороги, где было хорошо видно, что вокруг никого нет, и никаких приключений их сегодня больше не ожидает.

Оба выдохнули с облегчением и посмотрели друг на друга. И только тут друг друга увидели по-настоящему.

Мефистофелю захотелось завывать во весь голос: женщина в самом деле была «красотулей», да ещё какой! Ему было бы гораздо легче, если бы эта сильная и приятная женщина, которая ему несказанно понравилась, оказалась бы чуть менее красивой!

Её длинные волосы приглушённого рыжего цвета были заплетены в косу. Глаза её были светло-зелёными и напоминали своим цветом камень под названием хризолит, именуемый иногда вечерним изумрудом. Кольцо с таким камнем имелось у его матери. Губы Розалии были не пухлыми, но и не слишком уж тонкими и при этом какими-то изящными. Лицо её было красивым классической красотой.

Ростом женщина обладала достаточно высоким. Фигура её была тоненькой, и Максимилиана так и тянуло сравнить её с рябиной. В этой тонкости была особая женственность.

Взгляд мужчины скользил вниз с естественной груди среднего размера на тонкую талию, затем узкие бёдра и угадывавшиеся под юбкой до колена красивые и длинные ноги. И как только такую жену можно отпускать на улицу одну, да тем более в такой час? Её муж просто ненормальный!

После осмотра женщины Макс понял, почему её трусливые насильники с таким упорством пытались отбить её и кидались в драку вновь и вновь. Хороша – ничего не скажешь.

Розалия в это время рассмотрела своего спасителя. Голос у него был красивый и очень мужской, как ей показалось, но к красивому голосу вовсе не обязательно прилагается красивая внешность, и она не ожидала. Тем более она никогда бы не подумала, что такой красивый мужчина способен постоять за кого бы то ни было, но тому она была свидетельницей, а потому сомневаться не приходилось.

Ей вспомнились его слова о том, что женщин он себе добывает иным способом. Про себя Розалия усмехнулась. Она была уверена, что ему вообще их добывать не приходится: они сами к нему бегут.

– Господи! – воскликнула женщина, отчего Мефистофель вздрогнул, выйдя из оцепенения. – Какая же я неблагодарная! Я совсем что-то... Простите меня, пожалуйста! Спасибо вам большое! Спасибо! Я так вам благодарна, что и выразить этого не могу...

– Да что вы так всполошились? Я вижу, что вы всё ещё в шоке, – улыбнулся брюнет. – Где вы живёте?

– Да вон в той трёхэтажке, – махнула Розалия рукой на кирпичное здание, находившееся от них в десяти метрах. Глаза её блеснули: за свою оплошность она расстроилась до слёз.

– Пойдёмте: сын же вас ждёт.

– Ой, да я сама дойду! Спасибо вам, конечно, но тут недалеко...

– Я вас провожу.

– Это вовсе необязательно! Вы и так со мной сегодня нанянчились. Простите, что причинила столько хлопот...

– Розалия! – окликнул спутницу Ахмедов. В его голосе проскользнула властность. – Я сказал, что провожу вас. Одну я вас не отпущу. Я хочу убедиться, что вы благополучно добрались до своего дома. Если не провожу, то не усну: буду беспокоиться, как бы с вами ещё чего не приключилось. Попросите вы меня об этом ещё там, я бы и то не согласился, а уж теперь, когда рассмотрел вас, – тем более! Ну не с вашей внешностью разгуливать по улицам в одиночестве в такой час! Честное слово! Да и пакеты эти ваши...

– Я донесу! – поспешно вставила женщина.

Вампир вздохнул и тепло посмотрел на неё.

– Розалия, вы устали, вы пережили нервный стресс – что вы донести можете? Да вы еле ноги волочите! Пойдёмте: вам давно пора спать.

Розалия кивнула, бросив с ним спорить: он был абсолютно прав, и убедить его в обратном она бы не смогла. Поэтому они пошли к дому, двигаясь в полнейшем молчании.

«Замужем! – восклицал про себя с досадой Макс. – Она – замужем!».

Эта красивая, но усталая и небогато одетая женщина отчего-то поразила его воображение. Она понравилась ему ещё до того, как он увидел её. С одной стороны он осуждал её поведение, а с другой – восхищался. Возможно, именно эта её самоотверженность и поразила его больше всего. А ещё сила духа: в обморок-то она так и не упала! Держалась до последнего!

Когда они поднимались на второй этаж, Розалия тихо спросила:

– А как вы там оказались? Куда вы шли?

– Да я неподалёку машину бросил – к ней и шёл. Тоже с вокзала, кстати. Знал бы, что вы влипнете в такую историю, непременно проводил бы вас.

– Вас, наверное, дома ждут, – обеспокоилась вдруг спутница.

– Да никто меня не ждёт! – отмахнулся Мефистофель. – В отличие от вас у меня нет ни сына, ни жены.

– А мама?

– Мама живёт в другом городе. Я в Сибирске неместный, хоть и прожил здесь, наверное, лет десять уже.

– А откуда вы приехали?

– Из Абакана.

– Из Абакана?! – изумилась Розалия. – Из столицы республики вы переехали в наш маленький Сибирск?!

– Ваш маленький Сибирск – очень необычный город, Розалия. Я всегда мечтал увидеть этот город и в итоге остался. А вы здесь выросли?

– Да, родилась и выросла.

Они остановились у дверей квартиры. Женщина стала искать ключи в сумке и одновременно с этим заговорила:

– Максим, я совсем не знаю, как вас отблагодарить...

– Вы уже поблагодарили меня, – возразил Ахмедов.

– Но это совсем не то! – с чувством воскликнула Розалия. – Что бы я могла сделать для вас? Может быть, вы есть хотите?

– Я ужинал, спасибо.

– А чаю? Может быть, вы чаю хотите? Ужин-то, наверное, давно был. Пожалуйста!

Вампир хотел снова начать возражать и отказываться, но не стал. Он понял, что Розалия принадлежит к тому типу людей, что не любят оставаться в долгу. Если она хоть как-нибудь не отблагодарит его, то будет мучиться и чувствовать себя должной.

Макс вздохнул.

– Ладно, я выпью чаю, но только если и вы будете тоже.

– Я буду! – обрадовалась женщина. – Я после электрички всегда чай пью.

– И часто вы к свекрови ездите?

– Летом – да. Зимой – реже.

– Одна или с мужем?

– Чаще одна.

– С ума сойти! – выдохнул мужчина. – Ваша свекровь в вас, наверное, души не чает.

Розалия горько усмехнулась, открывая квартиру, и призналась:

– На самом деле, она меня терпеть не может.

Мефистофель был шокирован, и дар речи вернулся к нему не сразу, а когда это всё-таки случилось, сказать ничего не успел. Они со спутницей вступили в квартиру, и последняя включила в прихожей свет, после чего послышался возбуждённый детский голосок:

– Мамочка! Мамочка пришла!

И к Розалии подлетел хорошенький мальчишка с рыжими волосами и светло-кариими глазами. Она его сначала крепко обняла, а потом отстранила и сказала с укором:

– Шурик, ну я ведь говорила тебе, чтобы ты меня не ждал и ложился спать. Почему ты ещё не в постели?

– Но я хотел дождаться тебя! И спать я не могу, когда тебя нет. И я... я... я беспокоился о тебе!

Женщина мягко рассмеялась и посмотрела на Максимилиана, который теперь заинтересовал её сына.

– Знакомьтесь: это мой сын, Шурик. Шурик, познакомься: это...

– Макс, – поспешно вставил мужчина. – Можешь звать меня дядей Максом.

И Ахмедов протянул руку для пожатия. Глаза мальчика расширились от удивления, он горделиво выпрямился и торжественно пожал протянутую руку, вызвав улыбки у обоих взрослых.

Глава Общества не хотел, чтобы Розалия представляла его как Максима, потому что тогда ему бы пришлось поправлять её, чтобы не быть лжецом. А интуиция подсказывала ему, что называть своё настоящее имя не стоит. Он чувствовал, что Розалия вряд ли обрадуется, когда узнает, что её спаситель не совсем простой прохожий. Ей, по всей видимости, были милее люди иного статуса и заработка.

– Ставьте пакеты, разувайтесь, – велела вампиру женщина и, раздеваясь сама, стала допрашивать сына.

Из краткого рассказа Шурика стало ясно, что большую часть дня он провёл на улице с соседскими мальчишками и отца почти не видел, днём ел два раза, перед сном чистил зубы и мылся. Розалия «отчётом» осталась довольна и стала спрашивать мальчика про отца. Тот, как выяснилось, с дядей Славой машину отремонтировал, и вдвоём они это дело немного отметили – теперь отец спал в зале. Розалия, узнав, что муж выпивал с приятелем, огорчилась, но виду старалась не подавать. Она попросила Максимилиана следовать за ней и отправилась на кухню вместе с сыном. Брюнет двинулся за ними, морщась от громкого храпа, доносящегося из зала. Мужчина всё понял ещё до того, как сказал мальчик, потому что трезвые люди так не храпят.

Ахмедов шёл по квартире, не слишком торопясь: ему было любопытно, как живёт его новая знакомая. Жилище, хозяйкой которого она являлась, не было богатым, но зато отличалось чистотой. Розалия, по всей видимости, очень ответственно относилась к своим женским обязанностям, что ещё больше украшало её, а Макс и так уже был высокого мнения о ней.

Заблудиться в квартире он не боялся. Ему можно было завязать глаза и поместить после этого в незнакомое помещение – он бы всё равно нашёл Розалию. Дело было в её запахе. Пахла женщина изумительно, и вампир знал, что уже никогда не забудет этот запах, не испорченный никакими духами. Не было в нём ничего лишнего, и он горячил кровь Мефистофеля, как только вообще способен запах женщины горячить темпераментного мужчину. И он мучился от какого-то странного двойственного желания: заняться с ней любовью и залезть к ней в душу, узнать, чем она живёт, о чём мечтает, чего боится. Гораздо больше, чем затащить её в постель, ему, пожалуй, хотелось сделать её счастливой, рассеять её страхи, исполнить мечты. И занять важное место в её жизни...

Максимилиан тряхнул головой. И куда это его понесло? Ничего он не может хотеть от этой женщины! С чего это вдруг? Бред какой-то! Ему никогда не было нужно ничего подобного ни от одной женщины и пусть не будет нужно дальше. С замужними женщинами он не связывается.

Вампир действительно никогда не вступал в связи с замужними женщинами. Себя он убеждал, что дело, конечно, не в морали, а в мужской солидарности. Вроде как он не станет трогать то, что принадлежит другому, – не по-мужски это. На самом же деле, Ахмедов не выносил измен. Подобный обман его возмущал. Да, он сам не мог похвастать безупречным поведением, но он никогда не давал женщинам клятв и обещаний. А брак Макс всегда воспринимал как клятву. Это окончательно.

Он точно знал, что если женится, изменять жене не будет. Потому что это непозволительно. Мефистофель был собственником по натуре и если бы женился, то считал бы, что жена ему принадлежит. Она принадлежит ему, а он – ей. Значит, все остальные женщины уже не могут иметь к нему отношение.

К тому же, старший сын Дьявола мог представить себе, что испытывает тот, кому изменили. Мог вообразить это чувство, когда ты стал не нужен, скучен, и тебе ищут замену, но при этом улыбаются, глядя в глаза. Пользуются тобой и получают удовольствие на стороне, а ты

веришь, что всё хорошо у вас, и остаёшься преданным как собака. Измена – это подлый обман, мерзкий и отвратительный поступок. Унижение, хуже которого нет, потому что ты даже не знаешь, что унижен. Вот так представлял это себе глава Общества. Он не хотел бы оказаться на месте того, кому изменили, и никогда бы не посмел сам обойтись так с тем, кто ему доверился. Никого и никогда он не заставит испытывать всех этих ужасных чувств!

По упомянутым причинам Максимилиан никогда и не имел дела с замужними женщинами. Он никогда бы не стал участвовать в этом подлом обмане, способствовать его совершению, помогать какой-то женщине так обойтись со своим мужем. И он не понимал тех женщин, что становились любовницами чужих мужей.

Ахмедов заставил себя встряхнуться и постараться не обращать внимания на запах Розалии. Он шагнул на кухню и в проёме чуть не столкнулся с этой самой Розалией.

– Ой! – издала она тихий взглас. – А я вас уже потеряла...

– Простите, – покаялся брюнет. – Я немного задумался. Куда ставить ваши пакеты?

Женщина потянулась, чтобы забрать их у него, но он увернулся от её цепких рук и весело произнёс:

– Я спросил: «куда ставить пакеты?».

Розалия рассмеялась и ответила на вопрос. Когда с пакетами было покончено, Макса усадили за стол. Напротив сидел Шурик, который вскоре обратил на него своё внимание.

– Дядя Макс, а вы – мамин друг?

Вампир чуть помедлил, раздумывая над тем, как мальчику ответить, но тут от проблемы его избавила Розалия.

– Шурик, мама сегодня здорово влипла, а дядя Макс её спас.

– Ух ты! – пришёл в восторг Шурик и с восхищением посмотрел на гостя, но тут же снова переключился на мать. – А что случилось? Тебя пытались ограбить?

– Н-нет, – колебавшись, ответила та. – Четверо плохих мужчин хотели сделать с мамой... нечто нехорошее.

– М-м-м... А что они собирались сделать?

– Они обидели твою маму, Шурик, – встрял в разговор Мефистофель, – и собирались обидеть ещё сильнее. Не думаю, что сейчас следует это обсуждать: мама и так расстроена. Видишь?

Мальчик поглядел на маму, а потом снова перевёл взгляд на гостя и кивнул. Но вскоре снова задал вопрос – на это раз главе Общества:

– Вы их победили, да?

Старший сын Дьявола мягко рассмеялся и с улыбкой ответил:

– Можно сказать и так.

– О, да! – воскликнула Розалия, широко улыбаясь. – Дядя Макс их победил.

– Здорово... – протянул Шурик.

Рыжеволосая женщина в это время сновала по кухне туда-сюда. Она уже разрезала торт, разложила кусочки по тарелочкам, поставила их на стол, а также положила рядом с тарелкой гостя чайную ложечку и поставила кружку с чаем. Пока она всё это делала, её сын следил за ней глазами, в которых отражалось обожание. Максимилиан глядел на Шурика и мужественно держался. Он и сам не знал почему, но ему тоже хотелось так смотреть на Розалию.

Она же открыла холодильник и вытащила оттуда небольшое яблочко. Помыв его под краном и протерев полотенцем, она протянула его сыну.

– Держи, раз уж не спишь. Это баба Валя тебе передала.

– Спасибо, – поблагодарил довольный Шурик и принялся сосредоточенно грызть яблоко.

– На здоровье, – ответила Розалия и, поглядев на гостя, попросила: – Ешьте, пожалуйста.

Ахмедов кивнул и взялся за чаепитие. Торт, которым его угощала женщина, был домашнего приготовления и пришёлся мужчине по вкусу. Домашнюю выпечку он всегда любил.

– Вы сами печёте, – сказал Макс. – Это весьма похвально. Сейчас такое – большая редкость. Очень вкусный торт, кстати. Ваш муж – счастливчик.

– Спасибо, – улыбнулась польщённая Розалия.

С тех пор, как они начали пить чай, женщина заметно притихла и как будто стала испытывать неловкость. Вампир про себя гадал, чего она так стесняется: пьяного мужа, бедного убранства квартиры, своего торта или же его, Максимилиана?

Чтобы хоть как-то помочь Розалии расслабиться, Мефистофель принялся рассказывать ей про Влада и его хобби в виде страсти к выпечке. Он рассказывал про то, как по настроению друга научился определять, собирается ли тот что-нибудь испечь, и как начинал вертеться вокруг Рудакова в случае, если собирался, чтобы тот про него не забыл и непременно угостил. Впрочем, Влад никогда про своего лучшего друга не забывал и всегда звал на чай как его, так и остальных. Об этом брюнет своей новой знакомой тоже поведал. Она над его рассказом посмеялась и немного расслабилась.

Шурик глядел на Ахмедова, догрызая своё яблоко. Взрослые чай пить тоже заканчивали. Розалия повеселела, но глава Общества почувствовал, что внутренне она напряжена. В чём причина, догадаться было несложно.

– Шурик, – мягко обратился к мальчику сын Дьявола, – если ты хочешь порадовать маму, то доедай своё яблоко и иди спать. Мама сегодня и так устала и ещё переживает из-за того, что ты до сих пор не спишь.

– Хорошо, – отозвался Шурик, стрельнув глазами в сторону матери, и слез со стула, выкинул огрызок в мусорное ведро.

Макс решил, что теперь мальчик уйдёт, но ошибся: тот приблизился к маме. Бросив короткий взгляд на гостя, Шурик покраснел как помидор, а Розалия наклонилась и чмокнула его в губы.

– Спокойной ночи, – пропищал мальчик.

– Приятного сна, – пожелала ему мама.

Шурик бросился вон из кухни, крикнув гостю на бегу:

– До свидания!

– До свидания, Шурик, – отозвался Максимилиан, улыбаясь во весь рот. Его умилило и позабавило смущение мальчика.

– Застеснялся что-то, – улыбнулась Розалия мужчине. – Вообще-то он у меня мальчик не очень стеснительный.

Вампир кивнул, внимательно разглядывая женщину. Она опустила глаза и уставилась на кружку, вцепившись в неё пальцами изо всей силы.

– Может, вам ещё торта отрезать?

– Нет, спасибо. Было очень вкусно, но мне достаточно уже.

– А чаю?

– И чаю хватит тоже. Розалия...

Она вдруг закрыла лицо руками и заплакала. Макс, поддавшись порыву, подвинул к ней свой стул и обнял её.

– Я так испугалась... – всхлипывала Розалия, – я думала, что всё-таки придётся потерпеть... и когда вы появились, я думала, что они всё равно меня изнасилуют, а вас – побьют... спасибо вам большое... и простите, что я...

– Поплачьте, – тёплым тоном предложил брюнет. – Вам надо. Вы – молодец. Я вами восхищаюсь. Вы потрясающе держались.

Он гладил женщину по голове и сам себе удивлялся: женских истерик он обычно не выносил, а тут вдруг утешать взялся, да ещё так, как будто делал это каждый день.

Вскоре Розалия успокоилась. Ахмедов помыл посуду, приказав женщине сидеть, когда она было подорвалась, чтобы помешать ему. После этого он засобирался уходить. Розалия проводила его до дверей, не прекращая благодарить за спасение.

В проёме Максимилиан помедлил и попросил её:

– Пожалуйста, не гуляйте по ночам больше одна.

Женщина горько рассмеялась:

– Думаю, я ещё нескоро отважусь ходить ночью по улицам в одиночку.

– Надеюсь, что больше не отважитесь вовсе. До свидания, Розалия.

– До свидания, Максим.

Мефистофель не стал её поправлять и на этот раз – чуть улыбнулся и начал спускаться по ступенькам. Выйдя из подъезда, он чуть-чуть отошёл от дома и оглянулся на окна её квартиры.

«Замужем», – ещё раз повторил вампир про себя, тяжело вздохнув, и медленно двинулся по ночной улице.

Глава 7

Тоненькие каблукки звонко и сердито цокали об асфальт. Ангела искренне не понимала, с чего вдруг Максимилиану понадобилось с ней встретиться. Она и так, и сяк уворачивалась от этой встречи, но Ахмедов оказался очень настырным. Впрочем, он всегда был настырным – просто эта его настырность ещё никогда не была направлена на неё. И вот теперь ведьма была вынуждена тащиться в ту кафешку, где назначена была их с Максом встреча.

Настроение Лики было мрачным, и тому способствовали потемневшие трава и листья деревьев, готовые переодеться в осенние наряды. Пожалуй, это время – конец лета и начало осени – является самым мрачным. Потом, когда всё вокруг станет золотым, и настроение будет радужным, весёлым и солнечным. Хотя если зарядят дожди, очень уж весело вряд ли будет. Однако жёлтые листья, которые пусть даже лежат вокруг луж, всё равно поднимают настроение. И девушка с надеждой ожидала этого «золотого» времени.

Кафе показалось за следующим деревом. Анжелика вздохнула обречённо себе под нос и устремила к нему. Миновав двери, она оказалась внутри, где из-за одного столика тут же встали Макс и Влад. Увидев их, блондинка мгновенно позабыла о своём раздражении и улыбнулась от души.

Обменявшись приветствиями и пообнимавшись, друзья сели за стол. Ангела не стала терять времени зря и перешла к делу:

– Ну, Макс, что случилось? К чему эта встреча?

– На самом деле, ничего не случилось, – чуть пожал плечом Мефистофель. – Я просто хотел увидеться с тобой: соскучился.

Ведьма застыла на несколько секунд, а потом медленно выпрямилась и, поглядев другу в глаза, отчётливо осведомилась:

– То есть ты вытащил меня из дома и заставил топтать сюда, чтобы просто увидеться, хотя мы виделись с тобой на прошлой неделе? Ты так быстро успел по мне соскучиться?

– Вообще-то это я по тебе соскучился, – встрял в разговор Рудаков, видя, что назревает ссора. – Я давно тебя не видел и захотел встретиться. Так что отчасти вина на мне. Но раньше встречи с друзьями ты вроде не находила такими уж утомительными. Интересно было бы узнать: от какого такого важного дела мы оторвали тебя?

Лица откинулась на спинку стула и, вздохнув, призналась:

– Ни от какого, если честно. Просто я...

– Что? – полюбопытствовал Максимилиан.

– Ничего, – отмахнулась девушка, не желая признаваться в том, что дома часами сидит на кровати и смотрит на фотографию Волка. – Простите меня. Кстати, Влад, ты ездил куда-то? Ты загорел немного как будто.

– Может быть, – слегка улыбнулся вампир. – Я с Викой в Иркутск ездил. На Байкал она хотела посмотреть. Вчера мы вернулись.

Блондинка воодушевилась и стала спрашивать мужчину про отдых. Он с готовностью отвечал на все её вопросы. Старший сын Дьявола в это время не сводил глаз с подруги, что она чувствовала. Этот его пристальный взгляд отчего-то заставлял её беспокоиться.

Когда поток вопросов начал иссякать, Ахмедов открыл рот, чтобы что-то сказать, но наткнулся на взгляд лучшего друга и промолчал. Анжелика этот обмен взглядами заметила и внутренне напряглась.

Владимир ответил на последний вопрос собеседницы и, как-то странно улыбнувшись, на этот раз сам задал ей вопрос:

– Как ты поживаешь, подруга?

– Нормально, – как можно бодрее сказала Нестерова, хотя улыбка у неё всё-таки вышла кривая.

– Хм-м... – протянул Влад, обратив на неё неожиданно прохладный взгляд. – Это так странно всё, – неуверенно заговорил он. – Волка убили меньше трёх месяцев назад, а ты... достаточно хорошо выглядишь, Ангела. Правда: ты отлично выглядишь. Прими моё восхищение.

Девушка замерла, на пару секунд лишившись дара речи. Она по-настоящему растерялась.

– Прости? – прищурившись, тихо произнесла она.

– Ну... Даже не знаю, как и сказать... Я всегда думал, что у вас с Волком – большая любовь. Однако ещё три месяца не миновали со дня его смерти, а ты уже такая вся красивая, бодрая – если не сказать «равнодушная». К друзьям общим, конечно, ты больше не ходишь, но, возможно, тебе неплохо и среди элиты, к которой ты относишься? Наверное, и огорчаться из-за смерти Волка тебе не стоит: в конце концов, твой отец и остальное окружение вряд ли бы сочли его удачной партией. Поэтому ты его и не знакомила, да?

Ангела потрясённо смотрела на Рудакова. Ей вдруг стало так обидно, что плакать захотелось. Обидны были слова, да и не ожидала она услышать подобное именно от Влада, которого всегда считала очень умным мужчиной и при этом близким другом. Возникло ощущение, что её ударили со всей силы.

Ведьма поморгала немного, чтобы прийти в себя, и сказала убитым голосом:

– Пожалуй, я пойду...

Она встала со стула, собираясь уйти, но Макс поднялся со своего диванчика и, сильно её схватив, дёрнул к себе на диван. Блондинка стала вырываться.

– Пошёл к чёрту! – выкрикнула она, пытаясь встать.

– Подруга... – начал было Ахмедов, стискивая её сильнее и не давая встать.

– Я сказала: «Пошёл к чёрту!»! Вы оба – катитесь к чёртовой матери! Отпусти меня, чёрт бы тебя побрал!..

Лица говорили это всё зло, но по её лицу при этом текли слёзы. Она не смогла их сдержать: настолько были обидны обвинения, которые ей предъявили. Но девушка всё-таки упорно вырывалась, изворачивалась, пытаясь чем-нибудь ударить брюнета. Когда она так один раз попыталась лягнуть вампира, то задела стол, и тот задрезжал. Шуму они с мужчиной производили немало, её силы питала ярость. Она почти ничего не видела и не слышала от этой ярости, да слёз, бегущих в три ручья из глаз. Именно поэтому Анжелика не видела, как Владимир рукой придержал стол, чтобы тот не перевернулся, и не слышала, как он тихо сказал другу:

– Твоя очередь, Макс. Я и так тебе помог...

Мефистофель твёрдо схватил Нестерову за плечи и заговорил, глядя ей в глаза:

– Он умер три месяца назад! Он не вернётся! Его нет! Ты собственными глазами видела, как он умер!..

– Иди ты ко всем чертям! – заорала девушка.

– Помнишь, как это было? Помнишь, как он умирал? Как в глаза тебе смотрел? Как улыбался? Помнишь?..

Ангела помнила это очень хорошо. Ей казалось, что с тех пор не прошло и дня. Она помнила каждое слово, каждый взгляд, каждую улыбку, каждый вздох. Помнила, как больно Волку было...

Ведьма против воли окунулась в воспоминания и тихо зарыдала. Рыдала тихо, но судорожно, захлёб, от всей души. Она всё ещё слабо выворачивалась из рук Максимилиана, который прижал её к себе, гладил по голове и ласково приговаривал:

– Поплачь, Ангела. Поплачь. Не держи всё в себе. Не измывайся над собой. Позволь тебе хоть немного помочь...

Скоро Лика уже просто плакала, прижимаясь к Ахмедову, не желая выбираться из объятий. Краем уха она слышала, как кто-то из персонала кафе подходил и спрашивал, всё ли у них нормально. И слышала, как Влад ответил, что всё нормально, и принёс извинения за тот шум, что они наделали.

Успокоилась полностью девушка не слишком скоро. Когда же это случилось, сын Дьявола не выпустил её из рук совсем – лишь дал немного отстраниться. Потерянно моргая, она переводила взгляд с одного сочувствующего лица на другое.

– Просто настала пора прекратить притворяться айсбергом из Северного Ледовитого океана, – пояснил свою выходку Рудаков. – Ты – не айсберг, подруга. И прости, что я наговорил тебе всё это: я побоялся, что иначе тебя не встряхнуть. Всё, что я сказал...

– Прозвучало очень убедительно, – заметила охрипшим голосом Анжелика.

Владимир чуть улыбнулся и признался:

– Я долго продумывал, чтобы звучало убедительно. Я хотел тебя обидеть. То есть... не в том смысле! На самом деле, я не хотел сделать тебе больно. Прости меня.

– Да не за что, выходит, – криво улыбнулась блондинка.

Светловолосый вампир подался вперёд и двумя пальцами приподнял её подбородок, заставив посмотреть в глаза, после чего заговорил:

– Мы не слишком часто общались с тобой, и, возможно, я самоуверен, но считаю, что достаточно хорошо тебя знаю. Поэтому я бы никогда не сказал тебе подобной чуши серьёзно. И, к сожалению, выглядишь ты усталой, грустной, подавленной и похудевшей излишне.

Ангела рассмеялась и вампиры вместе с ней. Какое-то время они только переглядывались, ничего не говоря. Макс всё ещё поглаживал ведьму по голове, по-прежнему приобнимая.

– К чему вы это устроили? – спросила Лика.

Мефистофель тяжело вздохнул.

– Ещё в апреле Он рассказал мне про то, как ты не плакала после смерти матери. И сказал потом как будто в пространство, что тебе нельзя давать проделывать такое ещё раз. Я тогда не понял, что это была просьба, и даже забыл об этих его словах. А вот совсем недавно вспомнил и поделился с Владом, потому что не был уверен, что правильно понял Его.

– У Макса редки приступы склероза, но этот был самый неудачный, – проговорил вполголоса Влад.

– Да, пожалуй, – с виноватым видом согласился брюнет.

– Да ладно вам! – отмахнулась девушка. – Забыл да забыл – вот трагедия!

– Нет, не «ладно»! – возразил глава Общества. – Целых три месяца прошло, и ты...

– Ничего подобного с собой не проделывала!

– Да ну? – поднял брови Рудаков. – И много раз ты плакала с тех пор?

– Много!

– В глаза посмотри, а потом отвечай. И как ты плакала? От души или разрешала пустить себе три слезинки?

Анжелика сникла. От души она не плакала очень давно, и, выходит, подходил последний вариант ответа, предложенный вампиром, а врать ему в глаза она не находила в себе сил.

– Подруга, – мягко обратился к ней Владимир, – прошло всего три месяца, а не три года. Плакать в данном случае – это нормально. Никто не в состоянии смириться с потерей за такой короткий срок, поэтому не устанавливай ты рекорды.

– И дело не в том, что Он был твоим парнем, – добавил старший сын Дьявола. – Даже со смертью друга за такое время не смиришься. А, насколько вы были близкими друзьями, мы можем только догадываться. Ты, можно сказать, за один раз потеряла двоих. Так что плачь, сколько хочется. Для вас, женщин, слёзы и разговоры с подругами – лучшие способы релаксации, поэтому пользуйся, раз уж ты – женщина.

Блондинка засмеялась, а Ахмедов ей улыбнулся. Влад же оставался серьёзным.

– То, что ты плачешь, вовсе не означает, что ты – слабая, – сказал он. – Никого не касается, как часто ты это делаешь. Это – только твоё дело. Ты ведь не на виду у всех.

– А что если я сама тогда считаю себя слабачкой? – осведомилась Нестерова.

– Тогда перестань считать, – легко ответил ей вампир. – Будь к себе снисходительнее. Если будешь сдерживаться, то нескоро переживёшь смерть Андрея – так помоги себе.

Ангела улыбнулась ему, сдавшись, и кивнула...

Никто из этих троих не почувствовал, что, когда ведьма плакала, а старший сын Дьявола её утешал, с улицы через окно на них смотрели высокая рыжеволосая женщина и такой же рыженький мальчишка.

– Это его девушка? – спросил тогда Шурик у матери.

– Наверное, – вздохнула та. – Было бы странно, если бы у такого красивого мужчины не было девушки.

– Она – красивая, – сказал мальчик, а потом посмотрел на свою мать и добавил: – Но ты – красивее!

– Ты необъективен, Шурик, – ласково улыбнулась женщина. – Но всё равно спасибо. Пойдём.

На сердце у Розалии стало тяжело. Она говорила себе, что ей не может быть никакого дела до её красивого спасителя, но это почему-то не помогало. Увы: всю неделю Максим не выходил из головы, и за это она себя презирала всей душой.

* * *

В воздухе витал аромат осени. Запах этот был острый и отдавал прохладой. Максимилиан вдыхал его полной грудью, шагая к киоску с канцелярскими товарами.

Вскоре он уже приобрёл несколько ручек, карандашей, пару блокнотов, общую тетрадь формата А4 для графиков дежурств и целую коробку белой бумаги. Чтобы забрать коробку, мужчине пришлось обойти киоск, потому что в окошечко она не пролезла бы никак. Собрав, наконец, все свои покупки в обе руки, он двинулся к машине.

К «парням», дежурившим на данной улице, приблизился Павел, появившийся с перпендикулярной улочки. Их с Ахмедовым взгляды встретились, они поприветствовали друг друга кивками.

Миновав группу вампиров, брюнет пошёл дальше. Он был задумчив и не слишком весел. Домой его не тянуло: Влад после вчерашнего разговора с Ангелой по обыкновению уехал к Вике с ночёвкой, а это означало, что увидятся они не раньше понедельника. Никакой женщины, с которой можно было бы скоротать вместе время, на данный момент у Макса не имелось, поэтому ему совсем некуда было податься. Конечно, на «крайний» случай существовала Алла, которая всегда была готова пустить его в свою постель, но с тех пор, как он познакомился с Ангелой и Волком, его туда что-то не тянуло, хотя раньше этим «крайним случаем» мужчина пользовался и не один раз, о чём теперь, пожалуй, сожалел.

Мефистофель шагал неспешно по улице, скользя рассеянным взглядом по прохожим, как вдруг чуть не прошёл мимо рыжеволосых женщины и мальчика.

– О, Господи! – воскликнул он, очнувшись от задумчивости. – Розалия! Шурик! Здравствуйте.

На его губах растянулась широкая и радостная улыбка. Пара оглянулась, среагировав на его оклик. На лицах этих двоих тут же появились ответные улыбки.

– Здравствуйте, дядя Макс!

– Здравствуйте, – вторила сыну Розалия.

Вампир приблизился к ним, будучи не в силах подавить улыбку. Он переводил взгляд с одного на другую.

– А я чуть мимо не прошёл! – пожаловался Максимилиан. – Задумался что-то... Как вы поживаете?

– Хорошо, – бодро и деловито ответил Шурик.

– О, это просто прекрасно! Молодцы. Гуляете?

– Да вот Шурика в школу собираем, – пояснила женщина.

– В школу?! – округлил глаза старший сын Дьявола. – Уже?! Нам есть семь лет? – осведомился он, обращаясь к мальчику.

– Есть, – с гордостью сообщил тот. – Почти семь с половиной.

– Семь с половиной?! Вот это да! Ты, оказывается, уже такой взрослый парень! Надо же. – Мужчина глядел на будущего первоклассника с интересом и уважением. – А в школу ты хочешь или не очень?

– Хочу! – твёрдо и весело ответил Шурик.

– Молодец какой, – похвалил его брүнет. – Ты – целеустремлённый парень, Шурик. Что ж, не подводи маму. Пусть она тобой гордится.

– Я постараюсь, – серьёзно пообещал мальчик.

Мама погладила его по голове, а Ахмедов одобрительно улыбнулся. Шурик выглядел смущённым.

– Вы, смотрю, тоже закупаетесь, – сказала Розалия, кивнув на то, что вампир держал в руках.

– Ну, да, – усмехнулся он. – Закупился немного...

– А мы вас видели вчера, – выдал внезапно мальчик.

– Меня?! – несказанно удивился Макс. – Где?

– Недалеко отсюда. Вы в кафе были, с девушкой. Она – ваша невеста?

– Я? С девушкой?! А что за девушка была?

– Ну... – помедлил Шурик. – Красивая, с волосами белыми. Нам ещё с мамой показалось, что она плакала.

– А-а-а.... – с облегчением протянул глава Общества и весело рассмеялся. – Дошло до меня, наконец! Точно. Был я в кафе, был, но вас не видел. И девушка тоже была, но она мне не невеста – друг. Очень хороший друг. И, кстати, нас там трое было. Помимо неё и меня там был ещё Влад: я вам про него рассказывал – помните? И вам не показалось: Лика действительно плакала. Видите ли, в начале лета убили её парня.

– Господи! – вырвалось у Розалии. – Ужас какой!

– Да, ужас – иначе не скажешь. Мы вот с Владом Лику в чувство пытались привести. Вроде бы получилось. С лёгкой руки Влада, конечно: я в этих делах не специалист.

– Надеюсь, убийц найдут.

Мефистофель еле сдержался, чтобы не сказать, что никогда не найдут. Вместо этого он сообщил со вздохом:

– Её парень был и моим другом. Таких, как он, я больше не встречал. Он был необычный парень: принципиальный очень, умный, добрый, самодостаточный. Я его очень уважал и, чего со мной никогда не случалось, стремился заслужить его одобрение. Мне нравилось общаться с ним, и он, пожалуй, многому научил меня. Они с Ликой были хорошей парой. Сначала дружили, а потом вот полюбили друг друга. Я был за них рад.

– Мне очень жаль, – тихо посочувствовала женщина.

– Мне – тоже, – кивнул вампир. – Никто из общих друзей до сих пор поверить в это не может. С этим сложно смириться. Мир многого лишился с его смертью. Такие хорошие, как он, редко встречаются. Его Андреем звали.

– А сколько ему лет было?

– Если бы остался жив, то в начале августа стукнуло бы тридцать.

Розалия сокрушённо покачала головой:

- Молодой парень совсем. Жалко.
- Согласен. Шурик, а ты знаешь, что такое смерть?
- Знаю, – спокойно ответил мальчик. – Это когда душа человека улетает на небеса.
- Верно, на небеса. Поэтому больше жаль Лику: она Андрея сильно любила. Они идеально друг другу подходили.
- Не представляю... – вздохнула рыжеволосая женщина. – И за что его могли убить?..
- За то, что не был трусом и не остался в стороне, когда кое-кто начал творить чёрты что.
- Он пытался воздействовать как-то, достучаться и, в итоге, поплатился за это.
- Вы знаете, кто его убил?!
- Мы все знаем, кто его убил и кто заказал это убийство. Но, к сожалению, к ответственности их никогда не привлекут.
- Почему? Доказательств нет?
- И доказательств тоже, но... это сложно объяснить, Лия. Просто поверьте, что они никогда за это не ответят.
- Розалия растерянно заморгала, а потом рассмеялась и полюбопытствовала:
- Простите... как вы меня назвали?
- Лия. А что?
- Меня вообще-то Розой зовут.
- Мне казалось, вы представились Розалией, – заметил Максимилиан.
- Да, но моё имя никогда так не сокращали. Это... странно.
- Почему странно? Лия – это имя.
- Имя?! – искренне удивилась женщина и тут же скептически нахмурилась: – Никогда не слышала такого имени.
- Зато я слышал. Лия – это татарское имя.
- Вы – татарин?
- Ну... – рассмеялся мужчина, – насколько мне известно, по отцовской линии у меня было много предков-татар, да и не только татар. Но дело не в этом: в Абакане у меня был друг-татарин, мы дружили с младенчества, и наши родители общались. Он жил по соседству, и звали его Шамиль. Так вот у Шамиля была двоюродная сестра по имени Лия.
- А как звали его родную сестру? – в шутку осведомилась Роза.
- У него не было сестры – только брат, а брата звали Тимур.
- Вот как... А сейчас с Шамилем ещё общаетесь?
- Общаемся, – кивнул старший сын Дьявола. – Он за мной сюда приезжал, но потом всё-таки вернулся в Абакан. Женился уже, детей у него трое: мальчик и две девчонки. В общем, он в Абакане капитально осел. Мы созваниваемся периодически.
- С детьми Шамиля вышла одна странность: вампирскую сущность унаследовал только мальчик, а девочки родились людьми. В принципе, это было хорошо, и никто не расстроился, но это удивило всех вампиров, с которыми общались Макс и его мать. Они все ломали над этим голову, потому что твёрдо знали, что сущность должна была передаться и девочкам тоже. Об этой странности глава Общества рассказывал только Рудакову и больше никому. Периодически они размышляли над этим вопросом.
- Ну что, насчёт имени вы мне верили или нет? – поинтересовался Ахмедов.
- Поверила. Но «Роза» звучит гораздо привычнее.
- Отлично, – бодро отозвался мужчина, – но я всё-таки буду звать вас Лией.
- Женщина от неожиданности засмеялась, после чего пожала плечами. Брюнет ей обворожительно улыбнулся.
- Кстати, – опомнился он, – а вы уже всё купили или ещё по магазинам пойдёте?
- Ещё пойдём. У меня тут список, и купили мы пока только половину.

– Превосходно! Возьмите меня с собой. Пожалуйста! – взмолился Мефистофель. – Мне совсем податься некуда. Не хочу я дома один сидеть! Влад опять к своей девушке от меня сбежал. Такой день хороший пропадает! А я вашим носильщиком буду...

У вампира были такие несчастные глаза, что отказать ему не было никакой возможности. Сердце Розалии сжалось, хотя она прекрасно понимала, что он просто-напросто виртуозно давит на жалость. Наверняка проделывал это сотни раз.

– Но какой же из вас носильщик? У вас руки заняты, – слабо возразила женщина.

– О, да это не проблема! – весело воскликнул Максимилиан. – Вон моя машина стоит неподалёку: оставляю всё там и я целиком ваш. Идёт?

Розалия с Шуриком обменялись взглядами и синхронно ему кивнули. Мужчина возликовал.

– Спасибо вам! Вы – такие добрые!.. Одну минутку!

Ехать на машине они отказались, поэтому старший сын Дьявола устремился к автомобилю один и очень скоро вернулся. Пока он складывал всё внутрь, мать и сын за ним наблюдали. По его костюму и машине Роза сделала свой вывод.

– Вы – водитель? – спросила она.

– Да, – ответил вампир, сделав перед собой вид, что понял её вопрос по-другому, хотя отлично знал, что она имела в виду. Женщина же удовлетворилась ответом, не почуяв подвоха.

Втроём они двинулись по улице.

Против воли всю неделю Макс думал о Розалии. Он вспоминал каждую мелочь из их первой встречи и всё думал, думал о ней. Даже вот имя её переименовал по-своему. Он понимал, что не должен бы думать о Розалии, но всё-таки думал. Неизвестно почему, но эта женщина запала ему в душу.

Ахмедов мечтал встретить Лию ещё раз и чуть было не упустил. А теперь чувствовал себя самым счастливым на свете. Он навязался им с Шуриком, конечно, ситуацией воспользовался, но это уже не имело никакого значения, потому что он шёл вместе с ними. Только это имело для него сейчас значение.

Они перемещались по городу, а брюнет расспрашивал Шурика о готовности к школе: умеет ли считать, писать, читать? Мальчик отвечал охотно, мама ему помогала. Что нравилось мужчине, Шурик был умный мальчик, сообразительный. Слушать его болтовню было приятно.

Втроём люди и вампир обошли весь рынок. Когда они покидали его, у Мефистофеля уже были заняты руки, однако в списке женщины были вычеркнуты не все слова, и они продолжили путь по городу.

Вдруг в толпе, двигающейся навстречу, старший сын Дьявола заметил два знакомых лица. Влад и Вика тоже его увидели и улыбнулись, приблизившись.

– День добрый, – сказал Рудаков.

– Здравствуйте, – поприветствовала всех ведьма.

– Привет, ребята, – ответил им Максимилиан и, когда Лия с Шуриком тоже поздоровались с подошедшими, произнёс: – Лия, Шурик – знакомьтесь: это мой друг Влад и его девушка, Вика. Ребята, познакомьтесь: это Розалия и Александр.

– Розалия? – приподнял брови Владимир и, пожимая женщине руку, сообщил: – Очень приятно познакомиться, Розалия. Макс мне о вас рассказывал.

– Про вас он нам тоже говорил, – улыбнулась в ответ Роза, и все взрослые рассмеялись.

– Это означает, что я в принципе болтливый, да? – полюбопытствовал Ахмедов, улыбаясь весело.

– Ты – не трепло, если ты об этом, – ответил ему Влад с лёгкой улыбкой, – но иногда поговорить очень любишь.

– Ну, ладно. Отрицать не стану. По магазинам ходите, ребята?

– Ага! – со смехом воскликнула Виктория. – Представляете? Он со мной по магазинам ходит! Где это видано, чтобы мужчина по собственной воле с женщиной за шмотками ходил?

Лия и Макс рассмеялись, а Рудаков только плечом пожал, глядя на свою женщину ласково. Она же сокрушённо покачала головой, хотя при этом и крепче сжала его предплечье, за которое держалась.

Ведьма и вампир поболтали с внебрачным сыном Дьявола и его спутниками буквально две минуты, а потом продолжили свой путь. Когда троица отошла от них на приличное расстояние, Мефистофель сказал тихо Розалии по секрету:

– Влад знал, что Вике по магазинам надо пройти и заранее планировал составить ей компанию. Он, видите ли, в курсе, что одной ей ходить скучно, а подружки у неё хорошей нет.

– Он – хороший парень, – похвалила женщина. – Очень приятный. И пара они красивая и гармоничная.

– Согласен. Я рад, что у него есть Вика. Владу вообще никогда особо не везло на женщин. Девушки у него были редко и не слишком долго: он быстро разочаровывался в них.

– А с Викторией он давно?

– Да года полтора уже. Влад от неё без ума.

– Почему они не поженятся? – поинтересовалась Роза.

– Влад предлагал Вике через полгода, но она тогда сказала, что он её ещё плохо знает и вполне может разочароваться. Впрочем, думаю, что и она сама хотела узнать его получше. В общем, они решили подождать. Влад собирался сделать ей повторное предложение летом, но тут Андрея убили и... как-то не до того стало. Боюсь, сейчас не самое лучшее время для этого.

– А вдруг он потом к ней привыкнет, надоеет она ему?

– Влад как раз всегда и стремится привыкнуть, – ответил брюнэт. – Ему это нужно. Он не слишком легко сближается с людьми. Ему надо привыкнуть, надо почувствовать... родство что ли – только тогда он раскроется по-настоящему. Влад и ко мне не сразу привык. Я-то себя с ним чувствовал легко почти с самого начала, всё о себе ему мог выложить, но не он. Влад – человек закрытый и доверяться тяжело. Но это было давно: теперь он мне очень даже доверяет.

– Хм, – задумчиво хмыкнула женщина. – А вы к нему сильно привязаны.

– Что верно, то верно, – улыбнулся Ахмедов. – Я к нему тоже привык и даже немного ревную его к Вике.

– Ревнуете?! – расхохоталась собеседница. – Ну не знаю... По-моему, вы всё-таки гораздо больше рады за него, чем ревнуете.

– Тут вы правы, – не стал спорить мужчина.

Их небольшая группка ещё походила по магазинам. Макс ощущал невероятный душевный подъём, какого не чувствовал с тех пор, как не стало Волка. Ему было хорошо, радостно. Кажется, это состояние было похоже на эйфорию.

Вампир иногда ловил себя на мысли, что Розалия и Шурик – это его семья, и он как обычно ходит с ними за покупками. Каждый раз, когда он осознавал эту мысль, он пугался. Не сумасшествие ли это?

Максимилиан внутренне встряхивался и напоминал себе, что Лия и Шурик – это семья какого-то другого мужчины. Они не имеют к нему никакого отношения и никогда не будут иметь. Но это не мешало ему чувствовать радость от того, что сейчас он вместе с ними.

Покинув последний магазин, мужчина и его спутники оказались у того самого места, от которого начали путь втроем.

– Вы сейчас куда? – спросил брюнэт.

– Домой, конечно, – с лёгкой улыбкой ответила Роза. – Спасибо за хорошую компанию и помощь...

– Нет-нет! Подождите. Сейчас время обеда. Есть кто-нибудь хочет?

– Я хочу! – быстро сообщил Шурик.

– Я – тоже, Шурик, поэтому нам и следует поторопиться домой...

– Вовсе нет, – возразил спокойно Мефистофель. – До дома вам ещё топать и топать, так что это не вариант. Лия, мы находимся в центре города: здесь полно мест, где можно перекусить. Пойдёмте! Шурик, как ты на это смотришь?

Мальчик пожал плечами и сказал:

– Мы всегда едим дома, и у нас нет лишних денег. Да, мамочка?

– Да, мой хороший. Ты прав.

Глава Общества весело фыркнул.

– Эту фразу про деньги он у вас выучил, Лия?

– Боюсь, что так. Кажется, я слишком часто это повторяю.

– Ты так говоришь, когда вы с папой ругаетесь из-за дяди Славы или дяди Пети, – кивнул невозмутимый Шурик.

Ахмедов рассмеялся.

– Что ж, наверное, эта фраза справедлива для вашей жизни, но сейчас это неважно. Ведь я вас приглашаю! Это очевидно. Значит, плачу за обед я. Идёмте.

– Спасибо, но нет, – торопливо произнесла женщина. – Не хватало ещё, чтобы вы на нас деньги тратили. Что это за благотворительность?

– Никакая это не благотворительность, – отмахнулся вампир. – Должен же я вам хоть как-то отплатить...

– За что?!

– За то, что вы терпели меня столько времени! Я вам навязался. Вы бы и без меня прекрасно обошлись. Ведь так, Лия? Вы взяли меня с собой по доброте душевной, и я хочу вас отблагодарить. Идёмте!

Шурик смотрел на колеблющуюся мать. В конце концов, Розалия внутренне сдалась, но предприняла всё же слабую попытку отвертеться от обеда:

– А куда мы всё это денем? – кивнула она на пакеты в руках спутника.

– Оставим в машине. Ещё возражения имеются?

Роза мученически рассмеялась и помотала головой. Макс широко улыбнулся. Вскорости все их покупки оказались в машине, и они, перейдя дорогу, вошли в кафе.

Уже через 5 минут заказ был сделан, а ещё через 10 минут все принялись за обед.

Шурик сосредоточенно ел, не отвлекаясь ни на что и не поднимая головы от тарелки. Всё вокруг он уже осмотрел, пока они ждали заказ. Взрослые же переговаривались изредка, хотя всё-таки больше сконцентрировались на обеде.

Когда первоначальный голод был утолён, между мужчиной и женщиной потекла неспешная беседа. Обсуждали они школу, в которую предстояло пойти Шурику, да и систему образования в целом, а также вспоминали собственное обучение и впечатления, оставшиеся от него. В последнем случае мальчик наострил уши и стал с любопытством их слушать. Иногда он даже задавал вопросы.

В какой-то момент в разговоре повисла пауза, и тут Шурик вдруг осведомился:

– Дядя Макс, скажите: а вас что так и зовут «Макс»?

Мефистофель негромко рассмеялся.

– Нет, Шурик. Что ты? Ведь и тебя на самом деле зовут Александр, а не Шурик – так и с моим именем. «Макс» – это сокращение, потому что так удобнее. Моё полное имя слишком длинное.

– А как же вас на самом деле зовут?

– Максим, – спокойно ответила за мужчину Лия. – «Макс» – это сокращение от «Максим».

Мальчик повторил имя тихо себе под нос и призадумался на пару секунд, а потом сказал:

– Не такое уж оно и длинное...

– Совершенно согласен, – со вздохом произнёс Ахмедов, смирившись с неизбежным. – «Максим» – не слишком длинное имя. Но меня зовут не Максим.

– Нет? – быстро спросила Розалия, впившись в него взглядом.

– Нет, – спокойно подтвердил мужчина и, поглядев на Шурика, сообщил: – Меня зовут Максимилиан.

– Макси... – начал было мальчик и весело расхохотался.

Вампиру пришлось несколько раз повторить своё имя, прежде чем Шурик сумел его выговорить. После этого Макс посмотрел на Розу. Она так и не донесла кружку с чаем до рта и глядела на него остекленевшими глазами. Когда их взгляды встретились, женщина очнулась и поставила кружку на стол.

– Вас зовут Максимилиан? – тихо уточнила она.

– Да.

Лия помолчала, а потом задала новый вопрос:

– Максимилиан Ахмедов?

– Именно.

Розалия откинулась на спинку стула, продолжая глядеть на bruneta.

– Ух ты! – восхитился Шурик. – А откуда ты фамилию дяди Макса знаешь?

Его мама помедлила немного, прежде чем ответить:

– Да в нашем городе, наверное, живёт только один человек по имени Максимилиан.

Мальчик переводил взгляд с одного взрослого на другого.

– Что-то случилось? – встревожился он. – Это плохо, что дядю Макса зовут не Максим?

– Да... не знаю.

Максимилиан тихо рассмеялся.

– Забавно. Я всегда гордился тем, кто я и как меня зовут, а вот когда с вами познакомился, сразу понял, что лучше промолчать по возможности. И не ошибся. Ну, выкладывайте: какие у вас ко мне претензии?

– У меня нет к вам претензий, – поспешно ответила Роза.

– Да ладно, Лия, – мягко произнёс глава Общества. – Определённо что-то есть: не зря же вы на меня волком смотрите. Говорите, не стесняйтесь.

– Вы – бизнесмен, – робко сказала женщина.

– Ну, да. Это преступление? Каждый выбирает себе дело по душе. А вы где работаете, Лия?

– В музыкальной школе. Я – преподаватель.

– Вы любите музыку?

– Люблю.

– Прекрасно, а я люблю свой бизнес. Мне это нравится. Вы меня осуждаете?

– Не осуждаю. Просто... ваш бизнес связан с торговлей.

– Верно. Производство неизбежно связано с торговлей. Смысл нам делать мебель, если потом её не продавать? Мы с ребятами, как и все, хотим получать вознаграждение за свои труды. И не думайте, что мы людей обдираем. Если бы у нас были заоблачные цены, то никто нашу мебель не покупал бы. Мы стараемся, чтобы наши цены были более или менее адекватными. Кстати сказать, основная часть моего бизнеса – это цех, а не магазин. Мы производим много мебели – гораздо больше, чем можно продать в этом городе. Нам давно пора открывать магазины в других городах, но я что-то всё откладываю это на «потом». Поэтому пока мы довольствуемся этим магазином и тем, что в Интернете.

– Вы продаёте мебель через Интернет? – удивилась Розалия.

– Да. У нас её покупают другие магазины и просто люди. Этот «магазин» приносит гораздо больший доход. Особенно легко расходуется мебель, которую Влад делает.

– Влад?! Ваш друг?

– Ага, – с улыбкой кивнул внебрачный сын Дьявола. – Он вообще-то заместитель мой вроде как и бухгалтер, но всегда мечтал научиться что-нибудь руками делать и понемногу стал вникать в технологию. Сначала Влад только эскизы делал, а потом принялся по своим эскизам мебель выполнять. Сейчас эскизами «на всех» другие ребята занимаются, а Влад их создаёт только для себя. Много мебели он не изготавливает, но зато с её продажей проблем не возникает – и ему в удовольствие. Я технологию, конечно, тоже знаю, но... меня не тянет как Влада. Моё дело – это организация.

Повисло недолгое молчание.

– Что ещё вас беспокоит, Лия? – поинтересовался Мефистофель. – Говорите.

Розалия вздохнула.

– Насколько мне известно, для того чтобы открыть собственное дело, нужен первоначальный капитал. А вы не только открыли собственное дело, но и купили огромный дом с прилегающей к нему немаленькой территорией! И ещё цех: вы выкупили землю и построили всё. Скажите: на какие деньги? Вы ведь были молоды.

Вампир женщине улыбнулся.

– Насчёт капитала вы совершенно правы. Без него и вправду невозможно, и он у меня был, но я ни у кого ничего не крал. Можно сказать, что капитал достался мне по наследству. Или даже, скорей, способность создавать деньги из воздуха.

– То есть это всё-таки были какие-то махинации?

– Нет, – помотал головой Макс. – Махинаций не было. Это сложно объяснить, но я действительно никого не обманул и не обокрал. Клянусь вам, Лия. Эти деньги взялись из ниоткуда. Поверьте мне, пожалуйста.

– Зачем вам моя вера? – спросила удивлённо женщина.

– Я не хотел бы, чтобы вы считали меня вором и подонком. Уверяю вас, что я не совершил ничего противозаконного. В конце концов, я – не крупный делец, а всего лишь мелкий предприниматель. Мы же с вами не в Москве живём.

– Не такой уж вы мелкий предприниматель – скорее, средний, – возразила Лия и тут же улыбнулась, когда мужчина открыл рот, чтобы снова начать оправдываться. – Я вам верю, Максим. Простите меня: я не вправе вас судить.

– Отчего? Вправе.

Розалия рассмеялась по-доброму.

– Не думаю, Максим. Вы на меня не обижайтесь, пожалуйста: у меня просто сформировалось предубеждение против бизнесменов. Я работала одно время в магазине нижнего белья, и это было ужасно: платили гроши – зато не было толком выходных. И отпуска не было, и рабочий день был длинный, и обеда в расписании не было: как хочешь, так и успевай. Хозяйка магазина выжимала из меня всё, что можно было. Я для себя с тех пор решила, что в России так называемые «частники» готовы на всё ради дохода. Их интересуют только деньги и больше ничего, хотя мне всегда казалось, что им ещё должно нравиться их детище. Но, увы, это не так, а человеческая жадность поражает воображение. Я до того года и не знала, каких размеров она может достигать.

– Да, неприятный опыт, – изрёк Ахмедов, когда собеседница замолчала. – Вам не повезло, Лия, однако вы всё-таки правы насчёт наших отечественных бизнесменов. Я знаком со многими из них и то, что вы о них думаете... боюсь, это правда. За редким исключением. Но у моих ребят есть и выходные, и отпуска, и даже больничные, если приспичит, а на зарплату пока никто не жаловался. Не смотрите на меня с осуждением: на меня, в основной массе, работают парни и парни молодые, а они не постеснялись бы мне сказать, если бы им что-то не нравилось. К тому же, часть из них живёт со мной, а уж тут тогда жди пакости.

Роза расхохоталась. Брюнет ей улыбнулся.

– Да-да, я ведь ещё и живу с ними. Иногда мне кажется, что я их всех ненавижу, но, на самом деле, я, конечно, их обожаю, хоть они и болваны. Знаете, они – как дети: без конца шумят, спорят чего-то. Мне даже приходится решать, кто прав, а кто – виноват, и почти что по углам их расставлять. Они мне на жизнь часто жалуются, поэтому я знаю, кто на кого обижен, кто в кого влюблён. А вообще с ними весело, если честно. И они вовсе не мои рабы. Нельзя сказать, что они впахивают, а я только деньги гребу лопатой. Организация это, знаете ли, тоже работа нелёгкая. И ответственность вся на мне лежит, а не на них. Вы думаете, я не помню каждую минуту, что из-за моей ошибки они все могут лишиться работы и средств к существованию? Я помню. Мне это безразлично, между прочим.

Женщина глядела на него испытующе и вскоре смущённо улыбнулась:

– Вы – ответственный человек, Максим. Надеюсь, я не обидела вас?

– Ни в коем случае, Лия, – мягким тоном ответил Максимилиан. – Ваши вопросы справедливы, а страхи – небезосновательны. Я рад, что вы дали мне возможность оправдаться.

– Всё хорошо? – любопытно спросил Шурик, внимательно наблюдавший за ними во время спора. – Вы помирились?

– Мы и не ссорились, дорогой мой, – улыбнулась ему мать. – Всё нормально. Хотя... – протянула она и вдруг прищурилась. – Я вас спрашивала, водитель ли вы. Вы мне солгали, Максим.

– Вовсе нет! – запротестовал старший сын Дьявола. – Я вожу машину давно, поэтому, разумеется, я – водитель! Я думал, вы это имели в виду.

– Вы поняли, что я имела в виду, – возразила Лия, – но вопрос получился действительно не очень корректный, поэтому я сама виновата... А вы неплохо выкрутились. Значит, машина та – ваша?

– Конечно, моя.

– Ваша? – ахнул мальчик. – Вот это да! Красивая.

– Она и стоит «красиво», – с улыбкой заметил Макс. – Хотя мне она обошлась не так уж дорого: я покупал её не в салоне. Она – не новая, но меня полностью устраивает.

Розалия разглядывала вампира, попивая чай, и молчала. Шурик принялся поедать пирожное. Мефистофель больше ничего не ел и не пил и посматривал периодически на женщину, сидящую напротив.

– Не смотрите так на меня, – попросил он. – Ведь ничего не изменилось: я по-прежнему малознакомый человек, с которым вы познакомились в тёмной подворотне.

– Не совсем, – помотала головой Роза. – Таким уж малознакомым вас не назовёшь: столько про вас слухов по городу ходит. Наверное, каждый житель города считает, что всё про вас знает. Я вообще-то не любитель сплетен, но мне их рассказывают и коллеги по работе, и соседка, и мама. Поэтому поневоле я все сплетни знаю. О вас много слухов ходит, Максим... Максимилиан то есть.

– Зовите меня Максимом, если вам так больше нравится, – предложил Ахмедов. – Всё-таки моё полное имя действительно длинное. – Он помолчал немного, собираясь с мыслями, потому что понял, что говорить на затронутую тему всё равно придётся. – Вы сейчас намекали на те сплетни, в которых говорится, что мои работники – бандиты, а я – глава этой группировки?

– Ну, да, – смутилась собеседница. – Эти сплетни про вас и ваших друзей – Ангелу и Волка – самые распространённые.

– По-вашему, я – похож на главу бандитской группировки?

– Чисто внешне, пожалуй, да.

Услышав этот ответ, мужчина громко расхохотался.

– Правда? – посмеиваясь, спрашивал он. – Неужели?

Лия ему кивала, желая оставаться честной до конца. Шурик с удивлением посматривал на взрослых. В это время глава Общества кое-как успокоился.

– Не ожидал, что вы так ответите, – признался Макс. – А Влад тоже похож на бандита? И, кстати, Ангелу вы с Шуриком видели. Вчера. Ну и как: она похожа на бандитку?

– Ангела? – изумилась женщина. – Та блондинка?!

– Угу. Её зовут Анжелика, она – блондинка, у неё добрая душа, поэтому её и прозвали Ангелой. Она похожа на бандитку?

Розалия призадумалась. Скоро лёгкая улыбка тронула её губы.

– Мне показалось вчера, что она немного брыкалась. Вообще, ваша Ангела – девушка эффектная и, думаю, с характером. Она не похожа на бандитку, но с пистолетом в руках я её представить могу.

Вампир улыбнулся:

– Пожалуй.

Собеседница тоже улыбалась, но в один момент улыбка с её лица сползла.

– Значит, друг, которого убили недавно, – это...

– ... Волк, – закончил за неё Максимилиан. – Да, это так. Увы, Волка больше нет. Для Ангелы он много значил. Она всегда его обожала, пусть сначала и по-дружески.

– А откуда взялось это прозвище? – любопытствовала Роза.

– Ангела ему его дала. Объяснить, почему, сложно: для того чтобы это понять нужно быть с Волком знакомым. Но если говорить коротко: в нём было что-то волчье.

Лия нахмурилась:

– Он был агрессивным или жестоким?

– Нет! Забудьте о сплетнях! Волки – это и хороший символ. Они ассоциируются с верностью, гордостью и силой, пожалуй. Но дело вовсе не в этом. О людях так не говорят, но у него были волчьи повадки. Это надо видеть. И ничего плохого это прозвище не означает.

– Простите, если я вас обидела.

– Вы не обидели, – остыл мужчина, всплывший минуту назад. Его невероятно оскорбляло, когда плохо говорили о Волке.

Макс и Лия помолчали чуть-чуть, а потом начали беседовать на отвлечённые темы. Скоро все трое немного проголодались и заказали мороженое. Поедая его, они заметно повеселели.

Старший сын Дьявола стал расспрашивать женщину о работе, о муже, да и о жизни в принципе. Ему было интересно, как она живёт и почему. В итоге, он узнал о ней многое.

Когда между бесконечными вопросами брюнета появился небольшой пробел, Розалия внезапно вспомнила одну его реплику и сказала:

– Вы ведь, кажется, выросли без отца. Вы знаете, кто он?

– Разумеется, я знаю, кто мой отец! Если судить по моей фамилии, как вы считаете: какой я национальности?

Женщина растерялась. К чему этот вопрос, она не поняла и ответила осторожно:

– Предполагаю, что у вас восточные корни.

– Точнее будет – кавказские, – кивнул Мефистофель.

– Кавказские?!

– Совершенно верно. Не пугайтесь так: я вырос как русский человек. Однако моя мать – женщина кавказская и воспитана была соответственно. Мой папочка – её первый и последний мужчина. Единственный. Она любила только его одного, поэтому сомнений в том, кто мой отец, не может быть.

– Я не имела в виду, что ваша мать не знает, от кого вас родила! – воскликнула Роза. – Вовсе нет! Я... просто вы говорили о своих корнях по отцовской линии, и я подумала... вряд ли ваша мама обсуждала с ним вопрос его национальности. Я решила, что вы сами это выяснили и, возможно, знакомы с ним.

– Ах, вот вы о чём, – пробормотал вампир. – Мама знала, что в отце понамешано множество кровей, но о том, что помимо русской в нём много ещё и татарской крови, я узнал сам – вы правы.

– Вы с ним общаетесь?

– Нет. Я выяснил это через общих знакомых.

– Вот как... А ваши родители были женаты?

– Нет. Фамилию «Ахмедов» я ношу с самого рождения.

– Ваша мать – кавказская женщина, и при этом она родила вас без мужа и вырастила одна? – удивилась Лия.

– Моя мама была вынуждена уйти из дома, – пояснил Макс. – Это не имеет отношения к морали и нравственности. У мамы были хорошие отношения с родными, но однажды ей пришлось уйти. Она сделала это из любви к своей семье. А когда она забеременела мной, путь назад оказался отрезан навсегда. Вы считаете, что кавказская женщина не может полюбить мужчину и совершить глупость, как это делают остальные женщины?

– Не знаю. Мне кажется, что воспитание не позволит.

Ахмедов пожал плечами.

– Обстоятельства жизни моей матери резко изменились, и ей пришлось начинать новую жизнь. Всё в мире для неё изменилось. К тому же она знала, что никогда уже не вернётся домой. В первую очередь, моя мама – женщина, а уже во вторую – кавказская.

Розалия рассмеялась:

– Пожалуй, в этом есть смысл... Так значит, у вас есть родственники где-то на Кавказе?

Внебрачный сын Дьявола хмыкнул задумчиво:

– У меня всегда был один родственник – моя мать. Ещё я считал своими близкими тех, с кем рядом вырос. Шамиля, например. А сейчас моя семья – это мои работники. Кроме них и матери у меня больше никого нет, да и не надо.

– А вы – жёсткий человек, Максим.

– Может быть.

Максимилиан наблюдал за тем, как Лия набрала в чайную ложечку мороженого, сунула его в рот, а затем медленно вытащила ложку. Глаза её были задумчивы и смотрели куда-то за его правое плечо. Она и не догадывалась, какие картины с её участием возникают в этот момент в голове мужчины, сидящего напротив. А он не мог отмахнуться от этих картин, хотя знал, что всё это – запретный плод.

Рыжеволосая женщина очнулась от своих мыслей и, робко улыбнувшись, поглядела на брUNETа своими чистыми зелёными глазами.

– Максим, вы – мусульманин? – полюбопытствовала она.

Полные губы вампира тронула мягкая улыбка.

– Нет, Лия. Я не принадлежу ни к какой религии. А вы? Православная или атеистка?

– Ни то, ни другое. Я верю в... какую-то Высшую силу или разум, но это что-то нечёткое, хотя я и зову это про себя Богом.

– Пожалуй, что и у меня что-то вроде этого.

Розалия улыбнулась и задала ещё один вопрос:

– Скажите, Максим... а зачем вы приехали в Сибирск?

Мефистофель негромко засмеялся.

– Я расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз...

Они посидели в кафе ещё немного, после чего покинули его и направились к машине. Шурик шёл рядом с взрослыми вприпрыжку: энергия, накопившаяся в нём за время сидения в кафе, требовала выхода. Лия напротив вымоталась от ходьбы по магазинам, хотя в кафе успела передохнуть и теперь двигалась более или менее бодро. А Макс всё было нипочём: он чувствовал себя довольным жизнью, почти счастливым.

Ехать на машине мать и сын на этот раз не отказались и устроились вдвоём на заднем сидении. До их дома они добрались вполне благополучно и быстро. Во время поездки Ахмедов ещё успел пообщаться с Розалией.

Когда автомобиль остановился у трёхэтажки, Шурик почти сразу выскочил и побежал к дому. Макс помог Розе вытащить их покупки из машины и помедлил прощаться. Он хотел ей кое-что сказать, но не знал, как подойти к этому вопросу.

Давая себе время подумать, вампир посмотрел вслед Шурику и заметил рядом с ним мужчину, в котором признал его отца. Внешне он понравился Максимилиану не больше, чем по рассказу Розалии.

– Лия, – обратился к женщине старший сын Дьявола, – ваше дело, как и с кем жить, но я хотел сказать вам, что вы – прекрасная женщина и достойны лучшего. Вы – очень красивы, умны, добры. Вы – хорошая хозяйка, отличная мать. Вы должны собой гордиться, а вы вместо этого, на мой взгляд, низко себя цените. Думаю, многие отдали бы всё, чтобы оказаться на месте вашего мужа. Но вам и только вам решать, насколько себя уважать.

Роза отступила от него на шаг.

– Максим, я не спрашивала вашего мнения о своём муже.

– Я знаю, но я всегда говорю то, что считаю нужным. Я к этому привык: побочный эффект власти. А впрочем власть тут не при чём – характер у меня такой. Вы можете на меня обижаться, но это существо, которое вы называете своим мужем, даже нельзя назвать женщиной.

– Как вы смеете?! – вскричала женщина.

– Смею, – жёстко сказала Мефистофель. – Смею, Лия. Вы мне слишком нравитесь, чтобы я промолчал.

Она молчала. Фигура её была напряжена.

– И чего «лучшего» я достойна, по-вашему? – холодно осведомилась Розалия. – Мужчины?

– И мужчины, и дома, и обращения, и... Чёрт! Да вы достойны всего самого лучшего, Лия! И вы должны это получить! – Брюнет бросил взгляд ей за спину, на Шурика, а потом опять посмотрел в глаза. – У вас хороший сын, Лия. Жаль, если он вырастет таким же подобием мужчины, как ваш муж.

Плечи женщины поникли. Она и сама знала всё это, но пока не совсем понимала, что с этим делать.

– Не обижайтесь, Лия. В конце концов, на правду не обижаются. И дайте мне, пожалуйста, свой телефон: я хотел бы звонить вам иногда.

– А если не дам? – подняв бровь, спросила Лия.

– Я выясню его сам. Всеми возможными способами, но я узнаю его. Я всегда добиваюсь желаемого, Лия.

– Вот как? – слегка растерялась женщина.

– Вот так, – ответил с обворожительной улыбкой Макс. – Вы мне симпатичны и интересны. Мы с вами могли бы общаться. Почему нет? Как вы смотрите на то, чтобы дружить со мной? Я бы очень этого хотел.

Розалия смотрела ему в глаза и не понимала, как он может предлагать ей дружбу, когда в его глазах так откровенно написано, что он хотел бы от неё совсем другого. Однако он настаивал на дружбе и делал это сознательно. Женщина чувствовала, что подвоха здесь нет: он действительно дружить с ней собрался. И она не могла от предлагаемой дружбы отказаться.

Розе тоже было приятно и интересно с ним общаться. Его энергичность и уверенность в себе передавались и ей, уничтожая уныние и подавленность, вынуждавшие её плечи опускаться. Именно он заставил что-то внутри неё сдвинуться с места. Она не знала, к чему это приведёт, но надеялась на лучшее. Ожидала какого-то чуда.

– Я была бы рада дружить с вами, – сказала, наконец, Лия и продиктовала ему свой телефон.

Почему Максимилиан предложил ей дружбу? Потому что хотел иметь к ней хоть какое-то отношение. Предложить же иные отношения он не мог, потому что слишком её для этого уважал. Слишком уважал, чтобы склонять к адюльтеру, рушить её семью. И было бы кощунством предлагать то, что он предлагал другим женщинам. Этой женщине нужно было предлагать или всё, или ничего. Ей нужно было предлагать руку и сердце – иное казалось оскорбительным. А это было невозможно, и он предлагал ей то, что было возможно. Что случится дальше, он пока не знал. Знал только, что Лия ему нравится, хотя толком не понимал, чего именно от неё хочет.

Когда Ахмедов убрал мобильный в карман, приблизился её муж. В прошлом он, наверное, был симпатичным, хотя и сейчас уродом не стал, однако такого уж приятного впечатления не производил. Его фигура оставляла желать лучшего, да и опрятным его было не назвать – зато высокомерия он имел массу.

Глава Общества знал подобный недостаток и за собой, а потому очень сильно не любил его в других. Он одарил мужа Розалии ещё более высокомерным и холодным взглядом, чем заставил его ступешаться.

– Максим, знакомьтесь: это мой муж Антон, – представила Роза. – Антон, это Максим. Я тебе про него рассказывала.

Жать друг другу руки им не пришлось, так как вампир держал в руках пакеты с покупками. Они оба ограничились кивками.

Заметив, что Лия тянется забрать у него пакеты, Мефистофель в наглую сунул их все до одного Антону, игнорируя попытки женщины взять у него хотя бы часть. Улыбался он при этом Антону неприятно.

Разговаривать с мужчиной Максу не хотелось, поэтому он быстренько распрощался с супругами, крикнул их сыну: «Шурик, пока!» и, забравшись в машину, уехал прочь. В душе его при этом царил настоящий хаос.

Глава 8

Наступила осень, и пришла пора Ангеле возвращаться в квартиру. Её отец предусмотрел подобный поворот событий и в конце августа пригласил в свой кабинет, чтобы поговорить. Он, разумеется, уговаривал её остаться, и это вовсе не было жестом вежливости или чего-либо ещё. Николай сказал, что разговаривал с домочадцами, и никто не был против.

На этот раз ведьму не было нужды сильно упрашивать: она не представляла, как вернётся в квартиру, с которой связано столько воспоминаний, касающихся Волка. Она думала о возвращении с ужасом. Однако остаться в доме согласилась при условии, что будет платить за своё проживание. Нестеров не был в восторге от этого условия, но, в конце концов, сдался.

Анжелика же сдала квартиру внаём, чтобы не платить за коммунальные услуги из своей мизерной зарплаты. Квартирантом её стал молодой парень. Помня об опыте Волка по этой части, девушка рискнула, хотя своего парня, конечно, сначала хорошенько проверила: основательно расспросила, да мысли послушала и убедилась, что человек он хороший. Покинув квартиру, она позволила себе пустить слезу.

После разговора с Максом и Владом Лика дома наревелась от души и с тех пор больше не сдерживалась без надобности. Теперь слёзы стали приносить ей облегчение...

Прожив всё лето в доме Нестеровых, блондинка невольно познакомилась с наиболее частыми их гостями. Одним из таких гостей стал Максим Громов. Парень этот ей не нравился.

Максим был в некоторой степени высокомерен и самовлюблён. Он считал себя самым умным, очень красивым и крайне индивидуальным. Ещё Хранительницу Сердца раздражало, что он без конца вставляет в свою речь иностранные слова, отчего лично она половину его реплик не понимала.

Андрей тоже любил употреблять слово «о'кей» и пахнущее Америкой слово «приятель», однако на то имелись определённые причины. По признанию Волка, он одно время увлекался американскими детективами и в шутку стал употреблять те два слова, но они, в итоге, к нему прилипли, и исключить их из своего лексикона он уже не мог.

В устах Туманова слова «о'кей» и «приятель» Ангела находила забавными, а Громов её раздражал, потому что в его случае употребление иностранных слов было явным хвастовством. Однако, несмотря на все недостатки Максима, когда он переставал что-то из себя строить, то становился вполне неплохим человеком. Парень он и вправду был неглупый, и иногда ведьма могла его послушать. Однако общаться с ним она всё же не желала, да и не нравилось ей, что он всё время на неё поглядывает и взглядом её чуть что провожает. Такое внимание с его стороны её настораживало.

И вот в первые выходные сентября Анжелика сидела на одном из диванов на втором этаже, а Максим, повествуя о чём-то остальным, периодически бросал взгляды в её сторону, словно проверял, слушает ли она его. А она его не слушала – книгу почитывала.

Неподалёку от девушки сидели Николай Нестеров, Серов и Марина Сергеевна. Они обсуждали будущих внуков, которых ожидали от Тани и Антона. Насколько знала Лика, с завещанием потомства у старшего брата и его жены возникли проблемы, и теперь они ездили в столицу области для обследования в больнице. Анализы пара уже сдала и ожидала результатов, чтобы начать лечение, если таковое потребуется.

Блондинка пока ни во что не лезла и тоже ждала диагноза врачей, чтобы потом, возможно, предложить свою помощь: всё-таки знаний у неё было полно, как и трав, которыми она очень даже умела пользоваться.

Разговор старших постепенно перешёл на очень отдалённое будущее внуков – образование. В связи с этим Пётр Петрович поинтересовался у Нестеровых, получила ли высшее образование Анжелика.

– Нет, наверное, – пожала плечами мачеха. – Она ничего не говорила об этом.

– Получила-получила, – покивал головой Николай. – Кажется, она окончила в апреле.

– Хорошо окончила? – спросил Серов.

– Нормально, без троек. Она девочка у нас ответственная и умная, готовилась основательно, поэтому проблем у неё не было. У неё никогда на этот счёт проблем не было – не то, что у Кристины и Юры. Антошка-то парень всегда был собранный, более серьёзный, хоть и с ленцой, а эти – вообще балбесы. Не удались они на этот счёт, к сожалению. Вот Анжела – другое дело...

Ангела в пол-уха слышала этот разговор и почувствовала недобрый взгляд мачехи, которая всегда перед посторонними притворялась, будто интересуется жизнью падчерицы, и теперь попала в неловкое положение. Своей вины в этом ведьма не ощущала и преспокойно продолжала читать книгу.

Периодически она погружалась глубоко в содержание книги, а иногда выныривала на поверхность и слышала краем уха беседы, ведущиеся рядом с ней.

Молодёжь под руководством Громова принялась за обсуждение смысла жизни. Максим проповедовал идею риска. Он говорил, что главное в жизни – это ничего не бояться и рисковать.

– Ведь не зря же у нас говорят: «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское», – продолжал свою речь парень. – Если никогда не рисковать и тихо-мирно сидеть дома, то это не жизнь...

Лица вздёрнула удивлённо брови. Она была не согласна с тем, что говорит Громов, но сообщать об этом не собиралась, однако говорящий её реакцию заметил.

– Ты не согласна, Анжела? – спросил он.

Девушка заколебалась, потому что включаться в беседу ей не хотелось, но потом всё-таки плюнула на всё и, пожав плечами, ответила:

– Я считаю, что не тебе судить, что жизнь, а что – не жизнь. И если тебе не нравится «тихо-мирно сидеть дома», то это вовсе не означает, что это плохо. Каждому своё, Максим. А насчёт того, что надо всё время рисковать... по-моему, это может наскучить. Рискнуть иногда или просто что-то поменять, когда надоела рутина, может быть приятно и полезно, но если делать это постоянно, то, наверное, станет неинтересно. Так часто бывает в жизни: когда у тебя всё слишком хорошо, и это длится очень долго, то ты перестаёшь осознавать, что живёшь хорошо. А вот когда случается что-то плохое, то потом, сравнивая с этим плохим, ты понимаешь, что сейчас всё хорошо. Если жить совсем без страхов, то перестанешь получать удовольствие от риска и ощущать себя смелым. А вообще, Максим, нельзя сказать, что в жизни главное и какой в ней смысл.

– Это ещё почему? – поинтересовался Громов. – Смысл жизни в том, чтобы рисковать каждый день, и это – истина. Мы рождены, чтобы рисковать.

– Это смысл твоей жизни, Максим, но и только, – спокойно сказала блондинка. – Я считаю, что универсального смысла жизни не существует. У каждого он свой. Кто-то живёт для того, чтобы творить, кто-то – чтобы спасать человеческие жизни, кто-то – чтобы любить всех и прощать, кто-то – чтобы ненавидеть, кто-то – чтобы зарабатывать деньги, кто-то – чтобы достичь какого-то роста, а кто-то видит смысл жизни в семье... И так можно перечислять до бесконечности! Не думаю, что здесь есть истина. Может быть, смысл жизни в том, чтобы найти в этой жизни смысл? Говори только за себя, Максим: ты не можешь знать, для чего следует жить другим. И, кстати, ты сам-то по этому принципу своему живёшь?

– Живу.

– М-м-м... – с сомнением протянула Нестерова.

– А ты защищаешь тех, кто сидит дома, потому что сама никогда в жизни не рисковала? – чуть насмешливо осведомился Максим. – Потому что тебе не хватает смелости рискнуть? Ведь так?

Девушка приподняла брови и иронично улыбнулась.

– Ты, я смотрю, уже возомнил, будто знаешь меня?

– Я уверен, что прав: ты никогда не рисковала. Скажешь, я ошибаюсь?

– Я ничего не скажу: ты ведь для себя уже всё решил.

– И всё-таки? – не отступил парень.

– Что «всё-таки»? – полюбопытствовала Анжелика.

– Ты рисковала хоть раз?

– Рисковала и, пожалуй, не один раз.

– А по-крупному?

Девушка отвела глаза. Сердце её сжалось. Вспоминала она, как чуть больше четырёх лет назад произнесла два заветных слова: «Я согласна» – и изменила свою жизнь. Тогда она действительно рисковала по-крупному.

– Да, – негромко ответила Хранительница Сердца, погружившись в сентиментальные воспоминания.

– И каким же образом ты рискнула? – спросил Максим.

– Приняла одно непонятное предложение.

– Непонятное?

– Да. Со стороны оно походило на... сделку со злом. Однако я приняла предложение, положившись на доверие, которое испытывала к тому, кто делал предложение.

– Разве это крупный риск? – разочарованно протянул Громов. – Ты знала того, кто делал предложение...

– Я не знала его, – твёрдо сказала Ангела. – Я совершенно не знала его, но по непонятным причинам доверяла ему. Всё, что я о нём знала, было не в его пользу, но я согласилась и ни разу об этом не пожалела. Хотя теперь... – она нахмурилась, но потом мотнула головой. – А впрочем, не согласись я тогда, нечего было бы терять, поэтому сожалеть, пожалуй, не стоит.

Последнее предложение ведьма произнесла больше для себя самой, и не все сумели разобрать слова, а уж понять их – тем более.

– А в чём смысл твоей жизни, Ангела? – поинтересовался Максим.

– В чём бы он ни заключался, я не стану обсуждать его ни с тобой, ни с кем-либо другим, – легко ответила Нестерова и с извиняющейся улыбкой вернулась к чтению книги.

Громов задержал свой взгляд на ней, а затем повернулся к компании и продолжил разговор. Скоро молодёжь снова гудела как улей, обсуждая что-то. Лица погружались в содержание книги и на некоторое время выпадала из реальности. Вернуться в этот мир её заставил телефонный звонок – от Лёни Бархатова. Поговорили они недолго, но мозг девушки немного проветрился и освободился от пут сюжета книги. После разговора она чуть-чуть посидела, раздумывая, прежде чем вновь взяться за книгу.

Анжелика не успела толком углубиться в содержание, как до её сознания дошло, что Максим разглагольствует о достижениях прогресса, науки. Он с таким воодушевлением о них говорил, что девушка невольно отвлёклась и прислушалась. Вскоре ей стало неинтересно, так как сама она такого уж восхищения от науки не испытывала. Ангела собиралась отвести глаза от компании, но, как назло, Максим выбрал именно это мгновение, чтобы в очередной раз бросить на неё взгляд, и заметил, что она слушает их разговор.

– Ты что-то хочешь сказать? – полюбопытствовал он.

– Нет, – пробормотала Хранительница Сердца, устремив свой взгляд на книгу.

– Но ты ведь слушала. Желаете высказать своё мнение?

– Слушай, ты не мог бы не обращать на меня внимание? – разозлилась девушка. – Вы разговариваете там себе спокойно – вот и говорите дальше! Я тут ни при чём!

Но Громов оказался упёртым.

– И всё-таки? Наука – это вещь важная, согласись. Без неё никуда.

– Возможно, – со скучающим вздохом ответила ведьма.

– Ты, похоже, так не считаешь.

– Нет, – легко пожала плечами Хранительница Сердца. – Мне не нравится то, как некоторые изобретения науки отражаются на окружающей среде. Учёные изобретут что-нибудь, в итоге люди планету загадят и только потом забеспокоятся о природе и вреде, который ей нанесли. Если вообще забеспокоятся.

– Всё в этом мире изобретается путём проб и ошибок, – сообщил Максим. – Без экспериментов никуда.

– Наверное. Только почему-то эксперименты над людьми считаются жестокостью, а над всем остальным миром – нормой.

– Скорее вынужденной необходимостью. Науке приходится идти на жертвы. Особенно – медицине. Зато сколько лекарств изобретено! И человеческая жизнь – гораздо ценнее любой другой.

– Кто это сказал? Люди?

– А ты считаешь, что жизнь собаки важнее? – поднял брови парень. – То есть между человеком и собакой ты выберешь собаку?

– Нет, – спокойно улыбнулась Нестерова. – Я не выберу ни того, ни другого. Я не считаю, что чья-то жизнь ценнее. Все жизни одинаково ценны. Не с человеческой точки зрения, конечно. Люди всегда считают, что они важнее всех и всего.

– Люди – господствующий вид на этой планете. Естественно, свои интересы мы ставим выше остальных. А как иначе? Нам беспокоиться о судьбе саранчи? Ты этого хочешь?

– Я ничего не хочу. Просто планета Земля – это единый организм, система. Если истребить, например, тех же крыс, система даст сбой. В такой системе важен каждый элемент. Каждая букашка выполняет свою функцию и при этом является элементом цепи питания. Нельзя сказать, какой вид на этой планете важнее, – каждый важен по-своему. Хотя... – задумчиво прищурилась Лика. – Интересно, если исчезнут люди, система рухнет? Возможно, нет. Такое чувство, что мы – единственный элемент, без которого планета обойдётся без труда.

– Ну уж конечно! – возмутился Громов. – Ты как скажешь! Люди – для тебя вообще ничего не значат? Почему ты так низко оцениваешь человечество?

– Конечно, люди и для меня много значат – не будет их, не станет и меня. Не могу сказать, что плохо отношусь ко всем людям без исключения. Я, вероятно, невысокого мнения о человечестве, потому что оно низко оценивает всё, что его окружает. Какой урон планете человечество нанесло! И до сих пор наносит со спокойной совестью.

– Оно того стоит: зато изобрели много чего. А планета как-нибудь потерпит – куда ей деваться? Ничего с ней не случится. Прогресс всё-таки важнее, на мой взгляд.

Ангела сокрушённо покачала головой, глядя на собеседника во все глаза.

– Ну и глупости ты говоришь, Максим. Те, кто так думает, совершают ужасную ошибку. Ты думаешь, что это мы – хозяйка планеты? Нет: планета сама себе хозяйка, и, когда мы ей надоедим, она с лёгкостью от нас избавится и будет существовать дальше. Без нас она вполне хорошо проживёт, а вот мы без неё... никуда. Никакой прогресс, никакие достижения не стоят того, чтобы так хладнокровно уничтожать дом, в котором мы живём. Законы природы гораздо выше наших, потому что пойти против них мы не можем, а вот она против наших – запросто. Для неё мы – жалкие букашки, как и наши достижения, прогресс, наука.

– А для тебя нет ничего святого! – заметил Максим.

Ведьма улыбнулась:

– А наука – это святое?

– Для меня – да! Во что ты вообще веришь?!

– Много во что.

– А в Бога веришь?

– Верю. В Бога – верю.

– Отлично! – воскликнул Громов. – Ну хоть во что-то ты веришь!.. А в Дьявола веришь?

Лица замерла на мгновение, а затем рассмеялась так, как смеются настоящие ведьмы. Смех этот заставил всех присутствующих внутренне вздрогнуть.

– О, да! – ответила девушка с широкой улыбкой. – Я верю в Дьявола. Я просто не могу в него не верить.

– Почему? – осведомился Станислав Сергеевич, только что поднявшийся на второй этаж.

Анжелика посмотрела в его сторону, но вопрос оставила без ответа и, встав с дивана, направилась к боковой лестнице, ведущей на третий этаж. Она не сразу осознала, что проявившаяся в ней ведьма вынуждает людей заворожённо следить за каждым её движением.

– А я не верю ни в Дьявола, ни в нечисть! – громко произнёс Максим.

Блондинка, остановившись, обернулась и посмотрела ему в глаза. Он даже не подозревал, кто перед ним. А Нестерова улыбнулась ему как истинная служительница Сатаны и сказала:

– Совершенно зря.

После чего направилась вверх по лестнице, не добавив более ни слова.

Глава 9

Валя терпеть не могла собственную деревню. Она мечтала когда-нибудь переехать жить в город и лучше всего – в областной центр, но пока что она там только училась. Ей бы хотелось в центре провести лето, но это было невозможно, и она выбрала меньшее из зол – всё лето разъезжала по сокурницам. Некоторые из них жили в небольших городках, а некоторые – в точно таких же деревнях, но Валю это не смущало: главное было не оставаться в своей деревне.

Мама Валентины бесконечным отсутствием дочери была не слишком довольна, и та ей звонила почти каждый день, чтобы не получить приказ возвращаться домой. О подробностях своего бурного отдыха девушка матери, конечно, не докладывала и всё больше расспрашивала ту о её делах. Хотя, разумеется, ей было не слишком интересно – что знаменательного может произойти в их Богом забытой деревне?!

Мама была не слишком общительной женщиной и сплетен отродясь не собирала, да и Валю воспитала отнюдь не сплетницей, поэтому личная жизнь соседей их обеих не волновала, а общих деревенских новостей практически не бывало. Докладывала мама больше о делах так называемой фермы (отец Валентины держал большое хозяйство), но тут тоже особого разнообразия в событиях не наблюдалось. В общем, ничего полезного и интересного разговоры с матерью не содержали, но зато обеспечивали девушке отдых вне родной деревни.

Однако в конце июля – начале августа в новостях относительно отцовского хозяйства появилось нечто новенькое: был принят новый работник. Мужчина этот лет двадцать назад – вот же древность какая! – подрабатывал у отца на ферме и теперь пришёл и попросил по старой дружбе пустить его к ним жить. Своё проживание и питание он был готов отрабатывать. И отец эти условия принял.

Мама по этому поводу была рассержена. Во-первых, у этого отцовского знакомого не было ни паспорта, ни других документов, ни денег, ни одежды – ничего! Во-вторых, по словам матери, когда он появился на пороге их дома, рубашка его явно была в застарелых следах крови. Мать утверждала, что он наверняка какой-нибудь преступник, сбежавший от своих поделщиков после вооружённой разборки, – наталкивали женщину на эти мысли дыры на рубашке мужчины. Да и в принципе внешность у нового работника, была бандитская, порочная. Вид же его при первой встрече мама назвала диким.

В первый раз Вале было любопытно послушать про нового работника – какое-никакое, а разнообразие – но больше эта тема интереса у неё не вызывала, однако следующий месяц в их с матерью телефонных разговорах именно этот злосчастный работник и был основной темой. Поначалу мама охала, ахала, ругалась и всё это в адрес новенького, звавшегося Андреем, но очень скоро она была вынуждена с раздражением сообщить, что отец его нахваливает и говорит, что он один стоит всех остальных его работников вместе взятых. Не согласиться с этим мама не могла: мужчина и вправду оказался работающим.

Однако, несмотря на положительные отзывы отца и тот факт, что работник в хозяйстве очень даже пригодился, мама смягчаться в отношении него не собиралась. Он по-прежнему ей сильно не нравился, и с большим отвращением она носила ему в его скромное жилище еду, не желая пускать в дом, да и в баню тоже пускать отказывалась. При встрече она здоровалась с ним сквозь зубы. В общем, мама всячески демонстрировала ему свою нелюбовь, а он, что сильно бесило женщину, улыбался ей как-то то ли снисходительно, то ли по-отечески и при этом весело и беззлобно. Он всегда здоровался при встрече и был неизменно вежлив, никогда ни на что не жаловался и вёл себя безупречно.

Отец настаивал на более доброжелательном отношении к мужчине, но мама не сдавалась. Она замечала, как этот Андрей частенько уходил в лес ближе к ночи и возвращался оттуда повеселевший. Подозревала она, что он – наркоман и в лесу принимал очередную дозу.

Вообще, мама многое в его поведении находила странным и подозрительным. Настораживало её ещё и то, что их собака и коты на дух его не переносили. У котов при виде него шерсть дыбом вставала и хвост трубой, они шипели и убегали. Пёс же заливался бешеным лаем, но лишь при одном взгляде мужчины начинал скулить и прятался в будку.

«Домашние животные всё чувствуют! – восклицала мать. – Их не обманешь!».

Реакция домашних животных и вправду вызывала удивление. Отец был по этому поводу в смятении: Андрея он считал мужиком по натуре добрым, но с этим никак не вязалось поведение пса, которому он тоже безоговорочно доверял.

Насколько Валентина могла судить по телефонным разговорам, из-за нового работника между отцом и матерью возникло несогласие, что вообще-то случалось очень редко. Родители не ругались, конечно, но иногда спорили. Однако в середине августа отношение матери к Андрею стало меняться.

Получилось всё вот как: в один «прекрасный» день в раковине стала плохо уходить вода. Маму давно это беспокоило, но мужчины были так заняты, что она медлила попросить помощи, а тут проблема стала уж совсем явной, и игнорировать её больше возможности не было. Она решила обратиться к старшему сыну (у Вали с братом разница в 15 лет), что держал хозяйство неподалёку. Во дворе мама встретила Андрея и спросила: видел ли он её сына? Мужчина ответил, что видел, как он с отцом куда-то уехал. Мама, разумеется, расстроилась и хотела вернуться в дом, как вдруг новенький поинтересовался: не случилось ли чего? Это удивило женщину, потому что никто из работников мужа никогда бы не подумал помочь ей. Она была уверена: загорится дом – никто из них и пальцем не шевельнёт. А этот вдруг сам интересуется!..

Особой симпатии к мужчине мама по-прежнему не испытывала, но ответила, потому что, как говорится, инициатива наказуема.

Когда проблема была обозначена, Андрей начал строить предположения по поводу причин случившегося и даже пошёл с матерью домой, залез в подполье, изучил всю канализационную систему. После того, как они спустились в подполье, мама видела, что мужчина поморщился, словно от неприятного запаха, и позлорадствовала про себя: чувствительный какой! Думала, что он сбежит, но тот справился с собой и больше недовольства или отвращения не выказывал. В итоге, канализацию он прочистил, и вода стала уходить легко.

Мама его поблагодарила и потом уже не раз просила о помощи, а он, если не был занят, не отказывал. Мама решила к нему присмотреться. Она по-прежнему замечала в его поведении некоторые странности, но ничего криминального в них больше не усматривала. Наркоманом он ей не казался, да и злого в нём ничего не было, как выяснилось. Обыкновенный добрый, общительный и трудолюбивый мужчина.

К концу августа мама его во время разговоров с Валею уже всячески нахваливала. И ужинать его домой к ним с отцом приглашала, и в баню пускала, так как мужчина он оказался чисто плотный, и книги из домашней библиотеки почитать давала, и вещи его постирать предлагала, от чего он, правда, всегда категорически отказывался. Жилище своё и одежду Андрей этот сам поддерживал в чистоте и порядке, а работал по-прежнему лучше всех остальных. Ближе к концу лета он даже умудрился неплохо подзаработать: все привозили уголь и его нанимали кидать в угольники, потому что видели, как быстро он это сделал для своих хозяев. После мужчина смог прикупить себе нормальной одежды, да и много чего другого по мелочи.

В общем, мама привыкла к нему и даже опекать его по-матерински пыталась. Всё с ним вроде было нормально, но домашние животные всё равно не любили, и в лес он всё так же уходил частенько. Когда мама спрашивала его, что он там делает, он отвечал, что просто гуляет: нравится ему, видите ли.

Валя слушала все эти истории про нового работника с лёгким раздражением и без особого внимания. Когда пришла пора ехать учиться, девушка заскочила домой на несколько часов, а потом сразу же укатила в город вместе с другими девчонками.

Четвёртого сентября, в субботу, Валентина приехала домой. Как оказалось, по маме она всё-таки соскучилась, и они, наконец, наговорились вживую. А вечером выяснилось, что ужинать с ними будет ненаглядный Андрей. Валя этому, конечно, не обрадовалась, и тот факт, что мужчина от приглашения на ужин долго отказывался, её не утешало никоим образом.

И вот наступил вечер...

Каково же было удивление Вали, когда Андрей, подрабатывавший у отца 20 лет назад, оказался молодым мужчиной, которому только-только стукнуло 30 лет! Впрочем, словосочетание «молодой мужчина» совсем ничего не выражает. Андрей был не просто «молодым мужчиной» – он был невероятно красивым мужчиной. Высоким, широкоплечим, мускулистым. Глаза у него были ярко-карие, волосы – кудрявые, а голос – странно волнующий.

Андрей производил впечатление умного и уверенного в себе человека. Его речь было приятно слушать, он чётко формулировал мысли и говорил как-то очень правильно. Не менее приятно было на него смотреть.

На первый взгляд Андрей действительно мог показаться похожим на мошенника или наёмного убийцу, но когда он начинал говорить, в нём сразу ощущались доброта, честность и порядочность. Рядом с ним было спокойно и надёжно. И поначалу Валя не могла понять, какой такой дикий вид был у него, когда он только появился в Таёжной Дмитриевке, но потом она увидела, как он улыбается, и всё стало ясно. В его улыбке, да и во всём поведении, в принципе, было что-то от повадок дикого зверя. Объяснить это было невозможно – только увидеть и почувствовать.

В те выходные, как и в следующие, Валя вместе с другими деревенскими девчонками следила за Андреем. Он стал главным развлечением в деревне. В восторге от него были все женщины, молодые и старые: его внешность не могла оставить равнодушной ни одну, а уж манеры делали неотразимым.

За время наблюдения за мужчиной Валентина заметила, что не только их коты и собака не выносят его – все домашние животные не любили его. Даже кони и те начинали беспокоиться, если он находился поблизости. Это было странно и необъяснимо.

При всём этом девушка порой замечала, как Андрей наблюдает за птицами, переводит взгляд с одной на другую, словно понимает, какая из них и о чём поёт. А иногда он просто прислушивался к пению птиц и улыбался, как будто и вправду понимал их. Ещё он часто смотрел в небо или в сторону леса, и такая тоска отражалась в его глазах при этом!

По вечерам, ближе к ночи, мужчина действительно уходил в лес, хотя оттуда доносился волчий вой, да и предупреждали его об опасностях, таящихся там, но он на это всегда отвечал, что с ним ничего не случится. И, слава Богу, каждый раз благополучно возвращался. Однако однажды, в начале третьей недели сентября, мама Валентины видела, как он ушёл в лес ночью, а возвращения его не наблюдала. Она и отец волновались о нём, но предпринимать ничего не стали, решив, что он – взрослый мужчина и сам в состоянии о себе позаботиться. И к утру Андрей вернулся домой. Что он всю ночь делал в лесу, оставалось только догадываться.

Среди молодых девушек деревни у Вали было больше всех возможностей следить за красивым горожанином – как-никак, а работал он на её отца – и она этим пользовалась. Никогда раньше она не думала, что наблюдение за тем, как работает мужчина, может доставлять такое удовольствие. Но Андрей делал всё так быстро и при этом как будто без особых усилий, что не засмотреться было просто нельзя. Особенно Валентине нравилось любоваться тем, как он забивает гвозди. Руки у него были красивые и очень ловкие, умелые, опытные. Чувствовалось, что они могут всё.

Красивые у Андрея были не только руки и лицо, но и тело. Валя с девчонками как-то раз вечерком подглядывали за ним через окно его сараюшки и видели его без рубашки. Когда он её снял, они все разом охнули от восторга, а одна, по имени Люда, застонала и прошептала:

– Боже! Какой же он всё-таки лапочка!.. Потрогать бы его...

Пощупать все эти его скульптурные мышцы или хотя бы рассмотреть их поближе хотела каждая. Мужчин с таким шикарным телом им вживую видеть не доводилось, да после того случая больше и не довелось: Андрей ни разу не посмотрел в сторону окна тогда, но занавеску неожиданно задвинул, словно слышал их, и впредь таким образом поступал всегда. Девушек это огорчило, конечно.

Валентина не упускала возможности полюбоваться Андреем, он ей нравился, но, как чувствовала сама девушка, его не радовало внимание с её стороны, поэтому свой интерес она не проявляла: навязываться мужчине она никогда бы не стала. Он вёл себя по отношению к ней всегда вежливо и от непринуждённого разговора не уклонялся, но этим всё и ограничивалось. Вообще, на контакт с молодыми девушками Андрей шёл не слишком легко и охотно.

И всё-таки Валя ехала домой в надежде ещё немного за ним пошпионить и, возможно, привлечь его внимание. Именно поэтому в третьи выходные сентября она оказалась в деревне и ужинала с родителями и красивым работником.

Девушка по обыкновению разглядывала молодого мужчину, который был отчего-то задумчив сегодня, и вспоминала, как однажды он ни с того, ни с сего встал посреди ужина и ушёл, не сказав ни слова. По словам её матери, с ним такое периодически случалось. Потом он извинялся, разумеется, за своё поведение, но неожиданный уход никак не объяснял. Впрочем, уйти Андрей мог не только во время ужина, но и во время разговора. Да когда угодно, на самом деле! Это была ещё одна его странность, объяснение которой ни Валя, ни её мать и отец найти не могли.

Внезапно, словно услышав её мысли, мужчина то ли нахмурился, то ли поморщился и, прохрипев «простите», встал из-за стола и пошёл прочь. Семейство удивлённо переглянулось между собой, а работник покинул дом и, не сбавляя шага, достиг своего сарайчика. Войдя туда, он закрылся изнутри, прислонился спиной к двери и выдохнул с облегчением. Глаза его были черны, а изо рта торчали длинные и острые клыки...

Война между сущностями, развернувшаяся в его теле, отнимала много сил. Он был бы и рад прекратить эту войну, но вампир, поселившийся в нём, желал занять как можно больше места, чего мужчина допустить никак не мог. Он бы предпочёл вытравить вампира, но это было, увы, невозможно: процесс превращения состоялся, и он необратим.

Периодически вампирская сущность затихала на время, но потом внезапно о себе заявляла. Каждый раз бой с этой сущностью заставлял Андрея врасплох. Это случалось в самый неподходящий момент, и с этим приходилось мириться.

Каждый мускул вожака стаи был напряжён. Борьба сущностей не только отнимала силы, но и причиняла физическую боль. Он бы хотел вцепиться во что-нибудь сейчас, но сдерживал себя неимоверным усилием воли: вампир обладал огромной физической силой и мог сломать что-нибудь.

Туманов припоминал содержание той книги о магии, в которой говорилось о сущностях. Ведьм, написавший её, упоминал о том, что человеческая сущность – самая слабая из всех, и, похоже, не ошибся. Вампир, доставшийся мужчине от Рихтера, хотел вытеснить человеческую часть и прикладывал для достижения своей цели все силы. И что самое страшное: кажется, он мог добиться своего.

Андрей всегда считал, что человек в нём силён и развит, но вампирская сущность оказалась очень агрессивной, и теперь мужчина уже не был так уверен в том, что человек в нём не проиграет вампиру. Неужели инородная жажда убийства окажется сильнее человечности?!

Одна надежда оставалась у вожака стаи – волчья часть, которая вполне уживалась и дружила с человеческой и отнюдь не радовалась соседству с вампирской частью. В конце концов, волк и человек в нём были заодно...

На этот раз всё получилось так же, как и во множестве предыдущих случаев: волк внутри взбунтовался против господства вампира и начал его вытеснять. Один глаз загорелся жёлтым светом, а клык вернулся к нормальному размеру. После этого на несколько секунд наступило затишье, а затем волк совершил рывок и совсем задвинул вампира в угол. Оба глаза сияли жёлтым светом несколько мгновений, после чего приобрели карий цвет. Вновь человеческая сущность заняла своё законное место.

Волк сполз по двери на пол. Его немного трясло. Лицо его побледнело, а на лбу выступила испарина. Теперь его одолела слабость. Хотелось доползти до своей койки и уснуть, однако он этого не сделал и только ждал, когда вернутся силы. Расслабиться он не мог: вокруг были люди, а у этих людей и без того было к нему много вопросов.

Мужчине вспомнилось, как всё было в тот раз, когда человеку в нём впервые пришлось уживаться с другой сущностью. Тогда волк вовсе не пытался полностью переделать человека под себя, не претендовал на господство – волк и человек искали компромиссы. Да, волк немного скорректировал его личность, но не переиначил совсем, да и главенство человеческой сущности признавал. В тот раз именно человек подстраивал под себя волка, соблюдая при этом определённые границы, переходить которые было нельзя. Всё прошло тогда тихо-мирно – безболезненно. Именно поэтому Андрей никак не мог понять, почему так агрессивно ведёт себя вампирская сущность.

Почему вампир пытается перекроить его? Почему так навязывает своё мнение? Почему даже не пытается ужиться с другими сущностями? Зачем воюет? Как такое вообще возможно?! Андрей Туманов – это есть Андрей Туманов, и появление в нём ещё одной части не может изменить его суть. Но как раз-таки это и пытался сделать вампир!

Вожак стаи всё-таки считал, что его тело и душа, оставшиеся прежними, – это вовсе не поле брани и быть им не может. И эта война, всё же имевшая место быть, никак не укладывалась у него в голове.

По всем правилам вампирская сущность просто обязана была влиться в его личность, подстроиться под неё, но ни в коем случае не должна была затеять войну, словно она обладает каким-то отдельным разумом. Она вела себя как вирус. Туманов понимал, конечно, что у каждой сущности свои инстинкты, но черты характера... сомнительно. Она может внести коррективы, но вести себя как посторонний человек – нет. Это невозможно, немыслимо.

Андрей по-прежнему не верил, что оборотни и вампиры противопоставлены друг другу от природы, и не объяснял сложившуюся ситуацию подобным образом. Он не мог ничего сказать с уверенностью, но догадывался, в чём причина. И, по его мнению, причина заключалась в Яне Рихтере, от которого ему вампирская сущность досталась.

Насколько Волк помнил содержание книги о магии, мутантам жажда крови от вампира не передаётся, и это было правдой. Однако тем, кто до встречи с вампиром был человеком, передавалась жажда крови и именно такая, какая была у того, от кого они её получили. И логика подсказывала вожаку стаи, что совсем ничего не передаться от Рихтера ему не могло, раз уж таков закон превращения в вампира. Пожалуй, он знал, что ему досталось от Рихтера. В поведении же вампирской сущности мужчина тоже видел черты Яна. Он почти не знал Рихтера, но представлял его именно таким, каким демонстрировал себя вампир, появившийся в нём.

Туманов прикрыл глаза. Каждый раз, после очередной битвы между сущностями, его мысли возвращались к прошлому. День своей собственной смерти он помнил до мелочей, как будто это всё было вчера... Весь свой последний рабочий день, последний разговор с Федей,

их прощание, поездку до Тёмного леса и даже последнюю прогулку по нему. Он помнил бой с Никитой и его шестёрками, приход Лики и... прощание, смерть.

Вожак стаи никому бы не смог объяснить, что такое смерть. Он был не в силах описать её, потому что при воспоминании о ней на ум приходило только одно слово – «легко». Смерть – это было легко. Освобождение. Взлёт. И, безусловно, это было приятно. Но...

Волк остался рядом со своим телом и Ликой. И чувствовал её страдания, почти что слышал её плач. Как ни удивительно, но он знал, что она ему говорит, понимал её слова, чувствовал, как она его целует, как любит.

Мужчина ощущал не только её боль, но и боль всех тех, кто страдал по нему, кто думал о нём. Он знал, что воют волки. Он ощущал, как плачут одни его друзья и из последних сил сдерживаются другие. Он никому не хотел причинять этих страданий.

Туманов видел собственное тело, скрытое от глаз посторонних магией Тёмного леса, что тоже печалился из-за гибели своего доброго «управляющего». Он остался около своей физической оболочки и, к собственному изумлению, понимал, что имеет такой же вид, каким обладал всю эту жизнь. Он почему-то всегда верил, что душа не имеет вида, формы, но ошибся, хоть и не в корне: его внешность после смерти была лишь отпечатком его прежней внешности, внешности человека. И вожак стаи «стоял» рядом со своим телом тенью и не знал, что ему дальше делать. Давно уж ночь настала, и не было теперь никого поблизости: ни Лики, ни волков, а он оставался там, где был.

Андрей, разумеется, не верил ни в ад, ни в рай. Он представлял себе приблизительно, что должно произойти с ним после смерти, но при этом в его голове оказалось очень много лишнего мусора, чужих верований, и он ждал, как ни смешно, что за ним придут, ему скажут: «Эй, приятель, иди туда, делай то...», и он пойдёт выполнять как послушный раб. Действительно смешно.

Никто не пришёл и не отдал приказ, и Волк знал, что не придёт. Ему было ясно, что решать, что делать дальше, он будет сам. Это его дело, какой дальше получать опыт. И варианты, коих было множество, ему были известны. Однако он не убрался от своей физической оболочки, не отправился на поиски новой – он думал.

Когда-то Андрей сказал, что постарается остаться в живых, если те, кого он любит, будут в нём нуждаться. Он знал, что Лика в нём нуждается. И он знал, кто из друзей тоже в нём нуждается. Но после смерти это всё стало не таким уж важным. Дело было совсем в другом. Он не мог решать за них, какой опыт они желают получить. Он этого просто не знал и судить ныне был не в силах. Отвечать он мог только за себя.

Нуждается ли он в Лике и друзьях? Нуждается ли он в этом опыте? Вот эти вопросы он задавал себе теперь. Он ведь мог родиться заново, но оставался на месте и размышлял. Он оглядывался назад и признавал, что прожил хорошую жизнь, многое приобрёл – не о материальных ценностях речь, конечно – но ему было недостаточно. Волк чувствовал, что в этой жизни для него ещё есть полезное, он видел потенциал. Умереть и родиться вновь никогда не поздно, а вот продолжить... он может сейчас и только. И он уже представлял себе, зачем останется, он знал основную линию, но не догадывался, каким образом всё это воплотится. Он желал продолжить получение опыта в качестве Андрея Туманова, оборотня, вожака стаи Общества Дьявола. Таково было его решение, таким он видел свой путь. Над ним не было начальника, чтобы отказать ему или разрешить, – свобода выбора по-прежнему принадлежала ему. И он выбор сделал.

Если бы даже мужчине пришлось остаться духом, он бы не стал рождаться заново. Он бы предпочёл стать «ангелом-хранителем» Анжелики Нестеровой. Он бы остался рядом с ней, чтобы в случае чего защитить её, подсказать, предоставить ещё один шанс. Но он принял решение вернуться в тело, хотя его намерения и в этом варианте были схожими. И вертелись, в основном, вокруг самой сильной ведьмы Сибири.

Что было дальше? Сложно сказать... Кажется, он вернулся в своё прежнее тело. Но потерял счёт времени и с трудом себя осознавал. Он знал только, что его выбор задействовал вампирский яд, оставшийся в крови, и тот начал всасываться, перестраивать организм под себя. А потом началась регенерация. Вампиры обладали способностью к регенерации, хотя даже они не смогли бы восстановиться после таких ранений. Однако вожак стаи сделал выбор, а вернуться в разрушенную оболочку он не мог. Именно вампирский яд при умелом использовании мог предоставить возможность вернуться обратно.

Разумеется, Туманов ничего этого сам не придумывал – он сделал выбор, и его желание было исполнено. Ему было неизвестно, каким образом его решение будет реализовано, он понял всё по ходу. И он дал этому случиться, потому что понимал, что и другие делают выбор, и все эти решения должны быть приведены в соответствие. К тому же, он сам пока не до конца осознавал, какой опыт ему нужен.

Когда Волк открыл глаза, была ночь. С некоторым трудом его мозг вспомнил, как управлять телом, и мужчина сел. Кое-как он осознал, что находится в каком-то лесу, и встал. Однако он не помнил, кто он, и лишь чувствовал, что из леса надо уйти.

В голове было мутно, и Андрей оказался обескуражен тем, что не знает, кто он, где находится и почему. Ему ничего не оставалось, кроме как послушать собственные чувства, поэтому лес он покинул, но и в город не пошёл. Обогнув город, мужчина попал в другой лес, между Сибирском и Николаевкой. Некоторое время он бездумно брёл по нему до тех пор, пока не повстречался с диким волком. При виде зверя Туманов удивился, но не испугался, и с интересом к тому пригляделся. Дикая волк же замер сначала, увидев его, а потом шагнул навстречу. И мужчина, сам того не сознавая, превратился в волка.

Следующую неделю он прожил как волк. Дикая волки приглашали его к себе в стаю, но он хоть и общался с ними, и жил поблизости, к стае прибавиться не стал. Ему казалось, что тогда он займёт чужое место, а ему этого не хотелось. Он вообще не понимал, почему все волки так хорошо к нему относятся. И это при том, что он себя самого считал волком. Он забыл, что до встречи с диким волком ходил на двух ногах, был уверен в том, что он такой же волк как и они и был им всегда. И всю ту неделю он прожил по-волчьи: охотился, по ночам был и многое другое делал.

Воспоминания к нему не возвращались. В голове по-прежнему был туман. Закончилась волчья жизнь в один миг: он пришёл на водопой к маленькому озерцу, полакал там воду, а потом задержался почему-то и вдруг увидел в воде своё отражение. Волчья морда, видневшаяся в этом естественном зеркале, удивила Андрея. До той минуты он считал себя зверем, но тут осознал, что это не так, припомнил свою первую прогулку по другому лесу, попытался от воды и обернулся внезапно человеком.

То, как далеко оказалась земля, напугало мужчину, и он поспешил сесть на траву. С изумлением порассматривав свои руки, он вновь наклонился к воде и увидел своё новое отражение. Долго изучал себя, силясь вспомнить хоть что-нибудь, и, в итоге, так разволновался, что снова захотел пить.

Вожак стаи наклонил лицо к воде, но когда уже открыл рот, чтобы высунуть язык, вынужден был замереть. Потому что понял, что что-то делает не так. Выпрямившись, он задумался. В следующее мгновение Туманова отчего-то вновь заинтересовали собственные руки. Он рассекал ими воздух, размышляя, а потом сунул одну из них в воду, поводил там и вдруг вытащил на поверхность, зачерпнув немного жидкости. И тотчас несказанно обрадовался своей находке: он чувствовал, что это уже ближе к истине!

В конце концов, напившись более или менее по-человечески, мужчина опять погрузился в раздумья. Поверхность воды ещё колебалась после того, как он её потревожил, и взгляд его был направлен на неё, но воду он не видел. Он словно вошёл в транс. И внезапно тихо произнёс:

– Андрей...

Это было первое, что он сказал после возвращения с того света, – собственное имя. Имя, звук которого удивил его, смутил. Но он понял, что его так зовут, узнал как будто даже, словно имя было старым добрым другом.

Волк не пытался ничего вспомнить в тот момент, и имя вырвалось само по себе, против воли. Это привело его в замешательство, как и собственный голос, который он слышал почти что впервые.

Снова он задумался... И неожиданно для себя самого озвучил, не осознавая сути слов:

– Меня зовут Андрей Туманов. Мне двадцать девять лет. Я родился и живу в городе Сибирске.

Мужчина понял смысл того, что сказал, когда это было произнесено. И почему вдруг сказал это, объяснить себе не мог.

Больше его подсознание не выдало никакой информации, сколько он ни ждал. Плечи его опустились, он тяжело вздохнул, но вынужден был смириться с этим.

Андрей опять наклонился к воде и с тоской посмотрел на своё отражение, которое, как он знал, ни о чём ему не скажет. Рукой он провёл по поверхности воды и «стёр» себя оттуда. И тут заметил, какая грязная у него рука: вся в засохшей крови. Он внезапно почувствовал, насколько он весь грязный, и ему стало неприятно.

Руки жоака стаи только коснулись пуговиц на рубашке и сразу же вспомнили, как их расстёгивать. Скоро Волк избавился от одежды и обуви, которые мгновенно стали ему противны, и залез в водоём. С усердием он принялся отмывать и оттирать всего себя.

Если бы мужчина остановился хоть на минуту и осознал, что делает, то понял бы, что в этом стремлении к чистоте проявляется его личность. Однако он не задумывался – просто действовал, получая небывалое удовольствие от мытья.

Старательно Туманов отмыл себя и даже окунул в воду голову, после чего вышел из водоёма и встряхнулся всем телом – уже по-звериному. Теперь его вниманием целиком и полностью завладела грязная одежда. Она ему совершенно не понравилась, и он её постирал, как смог.

Вокруг озера росли деревья, и на ветвях одного из них жоак стаи развешал мокрую одежду, чтобы просушилась, а сам устроился на траве под деревом. Он сидел, смотрел на озерцо и пригревался на солнышке. Это был первый тёплый и солнечный денёк после двух прохладных и дождливых, отчего водоём для купания пока не годился. И люди сюда не стремились, хотя обычно, в тёплые дни, здесь бывало много народу. Ввиду этого Андрей чувствовал себя совершенно свободно и своего вида не стеснялся, однако ухо всё-таки держал остро, дабы не быть застигнутым в костюме Адама.

Посидев немного, мужчина откинулся назад и лёг на траву. Взгляд его устремился в небо, и тут в поле его зрения попали ветки деревьев, колышущиеся на ветру...

В левой части его груди что-то сдавило. Какое-то забытое воспоминание вызвало у него непонятное щемящее чувство, заставило сжиматься всё внутри. Это было очень странное чувство, потому что от него становилось радостно и тоскливо одновременно, но, несмотря на эти противоречия, чувство Волку нравилось. Он тихо улыбался, погрузившись в некое пограничное состояние, как вдруг сквозь пространство и время услышал смех. Смеялась девушка и, похоже, вместе с ним.

«Где ты? – спросил он мысленно. – Где ты?..».

Жоаку стаи безумно захотелось найти эту девушку. Он знал, что именно она является причиной того чувства, название которого ему не ведомо. И, что невероятно: одно воспоминание о её смехе, вызывало у него ощущение счастья. Но от того, что она сейчас далеко, а он лежит тут совсем один, не помня ничего ни о себе, ни о ней, ему неожиданно стало очень грустно. Он сел и снова принялся смотреть на водоём, однако мысли его теперь были далеко не безмятежны.

Когда одежда подсохла, Туманов в неё облачился. Тут его вниманием вновь завладел непонятный предмет, который он вытащил из джинсов при стирке, – плоский кусок металла, прикрепленный к железной окружности вместе с чем-то ещё более загадочным, сделанным из незнакомого материала. Мужчина и так, и сяк вертел это, но вспомнить название, увы, не смог, а потому просто положил назад в карман джинсов, где предмет до этого и лежал.

После того как все вещи были собраны, Андрей двинулся прочь от озера. Куда направиться, он не знал, поэтому шёл, куда ноги несли.

Вокруг царили мир и благоденствие. Лес, который Волк пересекал, жил своей жизнью и до одинокого путника, потерявшего память, ему не было никакого дела. А вожак стаи всё брёл и брёл.

Внезапно внутри мужчины что-то шелохнулось, он замер на миг, а затем полетел вперёд. Стремился туда не Андрей, а лишь одна его часть, однако противиться ей он не мог и бежал, не разбирая дороги. Что-то ужасное раздирало его изнутри, он хотел бы остановиться, но не получалось.

Целью его оказался молодой паренёк лет восемнадцати. Туманов изумился, увидев его, и тут же набросился. Это поразило мужчину, пусть он и не помнил о себе ничего. Потому что убийцей он себя самого не считал.

Собственная нереальная скорость вызвала у вожака стаи удивление, но и его молодой соперник оказался не промах. Он быстро рванулся, пробежал по стволу дерева и, перекувырнувшись в воздухе, приземлился за спиной нападавшего. Растерянность на его лице мгновенно сменилась агрессией. Глаза стали чёрными, а верхние клыки удлинлись, как выяснилось, когда он оскалил зубы.

Они оба медлили лишь секунду, после чего Волк опять напал на парня. Они дрались не на шутку. Скорость и сила были немеренные и у того, и у другого, поэтому дрались на равных. Почти.

Андрей по-прежнему ничего не помнил о себе, но его тело помнило все боевые приёмы, которые он когда-то выучил, и теперь умело их применяло.

В противовес отработанной технике мужчины у парня была молодость. Некоторое время её преимущества сдерживали нападавшего, но в какой-то момент Туманов понял, что молодой вампир проиграет, будет убит. Парнишке было не выстоять против него.

Душа вожака стаи противилась такому исходу драки, и он сделал над собой титаническое усилие: рванулся вперёд и, миновав парня, бросился бежать прочь оттуда. Он бежал так быстро, как только мог, лишь бы не дать возможности очнуться тому внутри него, что желало смерти незнакомому вампиру.

Волк оказался очень далеко от места встречи с парнем, когда позволил себе, наконец, остановиться и рухнул на землю обессиленный. Дышал он с надрывом, но, пожалуй, скорее не от быстрого бега, а от пережитого потрясения. Он не понимал, что заставило его напасть на парнишку.

До темноты мужчина просидел у дерева, пытаясь вспомнить о себе ещё что-нибудь, но тщетно. Потом к нему приблизился один из тех волков, с которыми он жил всё это время, и Андрей обернулся зверем, хотя и опасался, что тогда опять забудет о том, что он – двуногий.

Два дня вожак стаи провёл в зверином обличье, боясь, что снова нападёт на кого-нибудь, если превратится в человека. Однако желание вспомнить о себе ещё хоть чуть-чуть информации пересилило, и Туманов расстался с волчьей шкурой.

Он сидел у одного дерева длительное время, изо всех сил напрягая память. Он даже полежал на траве и посмотрел на колышущиеся ветки ближних деревьев, но ничего нового из глубин подсознания выудить не смог. От этого Волк попеременно приходил то в отчаяние, то в ярость. В конце концов, он встал с земли и пошёл, куда глаза глядят.

Поначалу мужчина был очень осторожен и всё время прислушивался, чтобы не наткнуться ни на кого ненароком. Повторения инцидента, так напугавшего его, не хотелось. Однако скоро он задумался и контролировать себя перестал. С полчаса примерно заместитель Дьявола спокойно размышлял, как вдруг внутри проснулось «это». Он только и успел пожалеть о своём легкомыслии, после чего его повлекло вперёд.

Ум Андрея работал, несмотря ни на что, поэтому теперь он мог догадаться, зачем бежит неведомо куда. Нападать на кого бы то ни было он не желал и пытался сопротивляться. Он делал над собой усилие и останавливался, взрывая ногами землю, но в итоге опять проигрывал «этому» и вновь бежал к какой-то цели. Это повторялось несколько раз, но одолеть нечто, раздиравшее его изнутри, мужчина не сумел.

На этот раз объектом нападения снова оказался молодой парень, хотя уже и другой – старше, да и менее сообразительный. Всё, что он успел сделать, – это обернуться и поглядеть на Туманова, прежде чем тот размахнулся и ударил его.

Сопротивляться мужчина не бросил, отчего рука его в последний момент дрогнула, и удар получился не смертельный, коим должен был стать. Злой на собственное бессилие Волк громко зарычал. Рык этот внезапно придал ему сил, чуть прояснил сознание, и вожак стаи бросился бежать. Бежал он так быстро, что ветер свистел в ушах.

В этот раз он чудом не стал убийцей и поэтому испугался сильнее прежнего. Ему хотелось убежать, как можно дальше, но тут на пути у него оказался дикий волк. Мужчина затормозил, опять взрыхлив ногами землю. Их взгляды встретились.

Несмотря на ужас, владевший им, Андрей всё же понял, что в присутствии волка «это» притихло. Следующей его мыслью стала мысль о парне, валявшемся без сознания посреди леса. Не успев даже поразмыслить больше ни о чём, мужчина попросил сородича присмотреть за парнем, пока тот не очнётся. К его удивлению, зверь со всех ног бросился исполнять просьбу, едва он её изложил, но здесь ему снова стало не до удивлений: чем дальше становился от него волк, тем сильнее становилась и жажда убийства. Туманов вновь побежал прочь. Эмоции захлёстывали его настолько, что он не расслышал шума воды, и со всего размаха вылетел аж на середину реки, после чего рухнул в воду с головой.

Когда Волк вынырнул на поверхность, оказалось, что он уже всё помнит о себе. Это произошло за одно короткое мгновение. Воспоминания не мелькали в его голове, как кадры кинофильма. Нет. Просто, погружаясь в воду, он ещё ничего не помнил о себе, а, выныривая из неё, уже знал всё. Он был прежним.

На середине реки было достаточно глубоко, поэтому мужчина проплыл несколько метров, прежде чем позволил себе остановиться и осознать произошедшее. Течение здесь оказалось сильным и давило на его высокую фигуру, но тщетно. Он его даже не замечал, оглядываясь по сторонам и пытаясь уложить в голове случившееся.

Конечно, теперь вожак стаи понял, что жажда убийства, мучившая его, принадлежала Яну Рихтеру. Как выяснилось, этот вампир ненавидел не только волков – Туманов уже осознал, что второй парень был новоиспечённым оборотнем – но и себе подобных. Сила этой ненависти заставляла Андрея внутренне содрогаться. Ему даже жаль Яна стало. Лично он предпочёл бы удавиться, чем так всех вокруг ненавидеть. Рихтер же жил с этой ненавистью и с ней же умер.

Логика подсказывала Волку, что на ведьм у него теперь будет та же реакция, что и была только что на оборотня. На сердце от этого стало тяжело. Вожак стаи понял, что не сможет больше приблизиться не только к своим друзьям из волков и вампиров, но и к Лике. Ведьм Рихтер ненавидел, а уж непосредственно Лику – особенно. Заместитель Дьявола помнил это слишком хорошо. Увы, надежды у него не было и малейшей. Пусть он ещё ни разу не столкнулся ни с одной ведьмой после мутации, он и так прекрасно знал, что тогда произойдёт.

Глубокое отчаяние охватило мужчину. В одно мгновение он оказался отрезан от своего мира. Ему даже плакать хотелось, от того что он никогда больше не встретится с теми, кого любил и ценил...

Не спеша, Андрей вышел на берег. Мокрая одежда липла к телу, а в обуви громко хлюпала вода. От всего этого пришлось избавиться. Когда он остался голым, смог сесть на землю и, греясь на солнышке, обдумать сложившуюся ситуацию.

Возвращаться ему было некуда. Звериная жизнь в лесу его пока тоже не привлекала. Лес он, конечно, любил, но сознательная человеческая жизнь ему всё же нравилась больше.

О чём в первую очередь думал Волк? Где есть? Где пить? Где спать? Нет: где работать?! Работа – вот что волновало его больше всего!

Туманов справедливо полагал, что к работе приложится и всё остальное. Он знал, где сейчас находится, и кое-какие мысли по поводу беспокоящего его вопроса у него поэтому были. Он решил попытать счастья у своего старого знакомого Василия Алексеевича, у которого подрабатывал когда-то в детстве. Конечно, если тот по-прежнему держит хозяйство.

Мужчина сидел на земле, понимал, что надо срочно подниматься и идти решать свои проблемы, но не мог заставить себя встать. Он не хотел верить, что надежды не осталось. Не мог поверить, что друзья и Лика теперь от него так далеки. Однако свою реакцию на волков и вампиров он уже видел. С ведьмами он не встречался, но прекрасно знал, что в угоду самому себе рисковать жизнью Лики не станет и проверять ничего не будет, тем более что всё и так ясно.

Вожак стаи было очень тоскливо. Невидящим взглядом он смотрел прямо перед собой, а перед внутренним взором стояла Лика. Улыбающаяся, счастливая, глядящая на него влюблёнными глазами. Как он мог забыть её? Как мог забыть, что такое любовь? Впрочем, само чувство он не забыл – лишь название.

От всех этих горьких мыслей Андрея оторвал дикий волк, которого он просил присмотреть за молодым оборотнем. Зверь доложил, что парень пришёл в себя и уже убрался из леса. Вожак стаи поблагодарил его за помощь.

Дождавшись, когда подсохнет одежда, Волк оделся. На этот раз ключи от джипа он узнал и внутренне посмеялся: после купания «сигналка» вряд ли будет работать. Ключи переместились в задний карман джинсов. Обувь была мокрой по-прежнему, но с этим пришлось смириться.

Повздыхав себе под нос и бросив прощальный взгляд на реку, вернувшую ему память, мужчина двинулся по направлению к Николаевке, от которой лежал путь к нужной ему Таёжной Дмитриевке. Добрался туда он скоро. Василий Алексеевич принял его легко, чего не скажешь о его жене. Туманов её очень хорошо понимал и даже не думал злиться или обижаться: ни денег, ни документов у него не было, да и внешний вид, несомненно, вызывал вопросы.

Василий Алексеевич одолжил вожаку стаи свою старую одежду, предоставил работу и жильё, пообещал по возможности прикрыть от милиции и не задавал лишних вопросов. В общем, всячески помог.

Поселили Волка в небольшую сараюшку, в которой ничего не было кроме кровати, пары тумбочек и умывальника. Туалет находился на улице. Мыться ему разрешили в бане, которой пользовались работники фермы. Всё неплохо, но работники те выглядели не слишком опрятными, да и по природе своей мужчина был не лишён доли брезгливости, которую пришлось преодолеть. Это было нелегко, но стремление к чистоте всё же оказалось сильнее. Правда, иногда он всё-таки обходился без бани – в реке купался.

Андрей поддерживал в чистоте себя самого, одежду и своё скромное жилище. К работе вскоре попривык, а продуктами его обеспечивали хозяева фермы. Готовить поначалу приходилось самому – для этого ему выделили старую плитку – но потом, когда Галина Тимофеевна к нему стала добрее, необходимость в этом отпала. Проще говоря, через некоторое время мужчина вполне адаптировался на новом месте.

Вроде бы всё утряслось, но душевное равновесие было потеряно, и дело тут было не только в войне с новой сущностью. Вынужденное расставание с друзьями и любимой девушкой выбило у Туманова почву из-под ног. Он был потерян. Он утратил своё обычное жизнелюбие, общительность и энергичность. Да, он по-прежнему хорошо и много работал, но это совсем не та энергичность. Им овладела апатия. Она не была такой уж всепоглощающей, но до определённой степени подавила его личность. От прежнего Андрея Туманова мало что осталось. Ко всему прочему, он потерял и ту крошечную надежду, что у него была: во время одной своей прогулки по лесу он повстречался с ведьмой из бывших и едва её не убил.

Вопреки этому Волк пытался решить, что делать дальше, для чего жить. Из всех сил сопротивлялся господству вампира внутри и боролся против начинающейся депрессии. Притворялся перед людьми, что у него всё хорошо, а сам сходил с ума от отчаяния.

Скучал ли он по друзьям и Лике? Очень. Невыносимо. Не проходило и дня, чтобы вожак стаи про них не вспомнил. Он забыл про собственный день рождения, но про них вспоминал каждый день.

Андрей скучал по всем друзьям, но по трём самым близким – больше всего. За столько лет он очень привык к ним, к тому, что они всегда рядом. Они были близки друг другу по духу. У каждого из волчьей четвёрки был свой характер, но это не мешало им быть единомышленниками, дружить и поддерживать друг друга во всём и всегда.

О Лёве и Мише Туманов беспокоился меньше, чем о Феде. Жуков был привязан к нему сильнее всех. В какой-то степени он даже зависел от своего друга, что всегда немного тревожило заместителя Дьявола. Как Федя переживёт его смерть?

Кроме того Волк просто скучал по Феде и всё! Ему не хватало его общества, не хватало его совета. Кто-то удивился бы, наверное, что вожак стаи нуждается в совете Жукова, но это было так. Посторонние могли думать, что только Андрей даёт советы Феде, что он опекает Жукова, но так было лишь поначалу. Когда они только познакомились, Волк действительно опекал какое-то время парня, но это давно уж было в прошлом.

А Лика?.. Он успел привыкнуть к тому, что хотя бы раз в неделю получает дозу любви и ласки от неё. Пока не знал, что это такое, вроде бы не нуждался, а теперь... Ему хотелось ещё хоть раз в жизни обнять её, посмотреть ей в глаза.

Она снилась ему каждую ночь. Но в снах Лика была не такая, как в жизни. Андрей-то мечтал, что хоть во сне она его обнимет и поцелует, но нет. Это были не сны, а кошмары скорее. Лика в них была холодна, не обнимала его в ответ – просто стояла, а порой и отталкивала. Мужчина каждый раз просыпался неудовлетворённым. Эти сны огорчали его.

Воспоминания о ней были единственным его спасением. От них становилось чуть легче. Он мусолил их «про себя», затирав до дыр. У него даже появились галлюцинации: ни с того, ни с сего мерещился её запах, слышался её голос. Помаленьку он сходил с ума от тоски по ней.

Волка беспокоило, как она там. Всё ли у неё хорошо? Смирилась ли с его смертью? Сообщать ей о том, что жив, он не собирался. Зачем? И что он ей скажет?! Что выжил, но они даже встретиться не могут – только по телефону поговорить? К чему мучить её ещё больше? Уж лучше остаться мёртвым. К тому же они все, наверное, уже успели немного привыкнуть к его смерти. Зачем причинять им новую боль? Да и стыдно ему было показаться им на глаза. Стыдно за то, что осталось от него. Мужчина не хотел, чтобы они узнали, что с ним стало. Он не знал, что им сказать.

Каждый вечер, ложась спать, вожак стаи представлял, что Лика рядом, обнимал её мысленно и только тогда засыпал. Он не понимал, как жить без неё. И не мог при этом причинить ей вред, а потому даже не думал о том, чтобы встретиться. Он слишком её для этого любил...

Голоса во дворе заставили Андрея вернуться в реальность. Ему надо было идти и как-то объяснять свой внезапный уход. Сделав титаническое усилие, Волк встал и, помедлив лишь пару секунд, вышел из сарайчика.

Глава 10

Людей в зале уже было предостаточно. Почти все они говорили друг другу что-то, и их голоса, сливаясь и накладываясь один на другой, образовывали в результате довольно устойчивый гул. Ангела, слыша этот гул со второго этажа, почему-то вспомнила про свою практику в педучилище: школьники, оставаясь без присмотра учителя, шумят так же. Мысль эта девушку позабавила, и, спускаясь по лестнице, она слегка улыбнулась сама себе.

Сегодня у Николая Нестерова был юбилей: 55 лет. По этому поводу, разумеется, была устроена вечеринка. Гостей на праздник пригласили немало, и никто не отказался. Все они съезжались, чтобы поздравить юбиляра. Слышать их, в основной своей массе, лицемерные поздравления Анжелике не очень-то хотелось, поэтому спускаться она не торопилась. Сама ведьма отца поздравила ещё утром. И подарок вручила, и расцеловала. Почему-то, чем старше она становилась, тем сильнее его любила, несмотря на все его недостатки.

Каблуки тихо стучали, соприкасаясь со ступенями. Одета на этот раз Лика была не в платье – в белые пиджак и юбку длиной до колена с коричневой лёгкой блузкой. Волосы девушка убрала наверх, отчего выглядела достаточно строго и неприступно, но не для своего отца: ему, встречавшему гостей вместе с супругой, она улыбнулась, проходя мимо.

На пороге зала Нестерова немного задержалась, однако присоединиться ей здесь было не к кому, поэтому она просто не спеша двинулась вперёд. С некоторыми она здоровалась, а по остальным всего лишь скользила равнодушным взглядом. Дойдя до противоположного конца зала, девушка остановилась и посмотрела в окно на растущую луну, что хорошо видна была на чистом небе. Ей помнился прошлый день рождения отца: тогда ещё был жив тот, кого она любила больше всех на свете. Смогла бы она что-то изменить, если бы вернулась в прошлое? Вряд ли.

От своих мыслей блондинке вскоре пришлось оторваться: всем существом она почувствовала появление одного своего друга. Анжелика обернулась и посмотрела на Максимилиана Ахмедова, ощутив при этом на себе взгляд Ильи. Старший сын Дьявола поздравил юбиляра и пожимал некоторым бизнесменам руки, когда, наконец, понял, кто за ним наблюдает. Он глянул в сторону подруги и кивнул, не скрываясь. Губы его при этом тронула лёгкая улыбка. Ведьма ему в ответ тоже улыбнулась и коротко кивнула, после чего вернулась к созерцанию луны, игнорируя любопытство, которым так разило от Ильи.

Когда в зале собрались все приглашённые, и слова поздравлений были произнесены, Ангела подошла к отцу и его компании. Улучив момент, пока на них никто не смотрит, она приобняла Николая и шепнула на ухо:

– Ну и как: ты всем доволен?

Дело было в том, что перед этой вечеринкой мужчина суетился и волновался, как не делал этого никогда.

– Да, всё хорошо, – улыбнулся Нестеров. – Не знаю, что это со мной сегодня такое. Возраст, наверное.

Девушку последняя реплика развеселила, и она негромко рассмеялась.

– Ну уж не надо теперь всё на возраст валить. Пятьдесят пять лет – это ещё не старость. Рано что-то ты начал себя стариком считать. Половина жизни ещё впереди.

Николай по-доброму засмеялся и чуть крепче приобнял дочь.

– Спасибо, Ангела. Твои слова внушают мне оптимизм.

Блондинка покачала головой и, поглядев на отца внимательно, вдруг спросила:

– Тебе всё нравится?

Он удивился.

– Ты же уже спрашивала! Да, меня всё устраивает.

– Я не совсем это у тебя спрашивала. И слово «устраивает» какое-то... безликое. Я хочу знать, по-настоящему ли тебе всё нравится. Радует ли тебя этот праздник?

– Почему тебя это интересует? – полюбопытствовал Нестеров.

– Потому что у тебя сегодня день рождения, и хотелось бы, чтобы тебя всё радовало, – пояснила собеседница.

Мужчина на мгновение задумался, а потом ответил тепло:

– Да, Анжела, меня всё радует. Спасибо, что беспокоишься о старике.

– О старике! – весело фыркнула Лика, засмеялась и, поднявшись на цыпочки, чмокнула отца в щёку.

Он довольно заулыбался. К этому времени уже многие наблюдали за ними и видели, как девушка поцеловала отца. Ту это немного смутило, хотя виду она не подала, а Нестеров, по всей видимости, был горд.

– До чего же рядом с тобой хорошо, Анжелика, – сказал он неожиданно. – От тебя исходит светлая энергетика.

Блондинка тихо улыбнулась и, покачав головой, возразила:

– Неправда. Тебе это только кажется.

– Правда! Правда, Анжела. Ты излучаешь свет. Рядом с тобой мне всегда становится лучше.

– Да? – удивилась Анжелика. – А я думала, что от меня теперь ничего хорошего не исходит...

– Почему? – растерялся Николай.

Девушка помотала головой, пожала плечами и не ответила. Она не могла ему сказать, что её переполняет ненависть, потому что пришлось бы объяснять, кого и за что она ненавидит, а это было невозможно, невысказано. На самом деле, всё было не так уж плохо: она была сама собой, пока не вспоминала о Дьяволе, Никите и его шестёрках, а вспоминала не слишком часто. Зато когда мысли Нестеровой всё же обращались к тем, кто погубил Волка, ненависть разъедала её душу. Такой дикой ненависти ей раньше знать не приходилось. Она буквально задыхалась, горела, словно в адском огне. Жажда мести сводила её с ума. Поэтому Ангела старалась думать о них пореже – больше о Волке, а любовь – это, к счастью, светлое чувство, пусть порой оно и бывает окрашено в печальные тона.

«Что ж, хорошо, что я пока ещё не уничтожаю всё вокруг своей энергетикой», – подумала ведьма. Потому что она боялась этого. Потому что чувствовала, что вполне способна на это...

Вокруг стояли шум и гам, доносились взрывы смеха – в общем, скоро вечеринка была в самом разгаре. Вовлечены в разговоры были практически все, кроме Хранительницы Сердца: она только наблюдала за окружающими. Её взгляд скользил по толпе, едва задерживаясь на лицах.

Прошло достаточно времени, прежде чем вместо отца рядом с девушкой оказался Станислав Сергеевич. Поначалу он переговаривался с кем-то из мужчин, но, в итоге, повернулся всё-таки к блондинке и заговорил, пока никто не обращал на них внимания:

– Я видел новый список... Не обнаружил там ни тебя, ни Туманова, которого ты так защищала. Наверное, я должен извиниться...

– За что? – вздёрнула брови Лика.

– Я подумал... – начал было говорить мужчина, но собеседница ему продолжить не дала:

– Что вы подумали? Что это из-за вас меня там больше нет? Вроде как вы меня пожурили, какая я плохая, и я пошла и исправилась? Нет, Станислав Сергеевич. Всё совсем не так. Вы к этому не имеете никакого отношения. Будь моя воля, я бы никогда из этого списка не исчезла. Меня исключили из него против моей воли, хоть я и дала согласие на это, но дала я его под давлением. Так что... можете и дальше быть обо мне наихудшего мнения, – с издевательской улыбкой закончила свою речь девушка и, развернувшись, пошла прочь.

Лгала она ему со злости, конечно. Даже не дави на неё Дьявол, она бы не смогла больше быть членом Общества. Она не смогла бы посещать балы Полнолуния, не вошла бы больше в резиденцию. Людей бы лечить не отказалась, но ей вряд ли позволили бы: в конце концов, неявка на бал – это нарушение Закона Общества.

Анжелика самой себе не смогла бы объяснить, отчего так разозлилась на Горлова. Наверное, она стала ещё более нетерпимой к тем, кто не любил Волка, а Станислав Сергеевич терпеть не мог Андрея по-прежнему – она это чувствовала. Бесило её и его самомнение: решил, что авторитет для неё, и она станет «исправляться», чтобы заслужить его одобрение? Не тот случай! Авторитетом для девушки всегда была мама и она сама, а потом стал им и вожак стаи, но не Горлов.

Ещё выводили из себя Нестерову мысли мужчины: он радовался тому, что она потеряла своё «высокое положение». Он думал, что неприкосновенной её делает наличие имени в списке, и даже не подозревал, что неприкосновенной и особенной её делают способности, коих она не лишилась. В общем, злорадствовал он зря. А злорадства, кстати, блондинка не выносила, и мнение её о Горлове упало ещё больше.

Ангела стояла вновь у окна, держа в руке бокал с виноградным соком, и смотрела на луну. Ей не хотелось разговаривать. Она и теперь не испытывала особой любви ко всем людям, что присутствовали в зале. Ничего не изменилось.

«Так зачем ты мучаешься? – спросила она себя. – Возвращайся в квартиру – кто тебе не даёт?».

Но в квартиру она возвращаться не собиралась. Эта квартира таила в себе опасность – ведьма это чувствовала. Она, конечно, и здесь часто запиралась в своей комнате, но вокруг всё-таки находились люди, и они возвращали её невольно к реальности, а в квартире... Лика боялась, что если переедет в квартиру, то бросит ходить на работу и останется медленно умирать одна. Или сойдёт с ума от ненависти, что ещё хуже, ведь безумная она очень опасна для окружающих. Опаснее, чем любой другой сумасшедший.

– Эти сборища бессмысленны и утомительны, не находишь? – раздался за спиной негромкий голос Максима.

Анжелика слегка вздрогнула от неожиданности и немного повернула голову в его сторону, не отрывая однако взгляда от луны.

– Не знаю, – пожала она плечами равнодушно.

– Я не люблю такие сборища, – продолжил парень, вставая рядом. – Не хочу, конечно, тебя обижать: у твоего отца всё-таки день рождения и всё такое, но, по-моему, большинство сюда пришло тупо обмениваться сплетнями. Просто все обсуждают всех. Осмотрят тебя так оценивающе и начинают... Противно даже.

Девушка молчала. Несомненно, он говорил то, что и у неё самой было на уме, но соглашаться с ним она не торопилась. Вот хоть убейте, а поддерживать его ей не хотелось!

– У тебя что-то случилось? – осведомился Громов. – Ты выглядишь грустной.

– Да нет. Всё нормально.

– Вот как? Значит, ты всегда себя так ведёшь?

– Как «так»? – любопытствовала блондинка.

– Ну... ходишь в одиночестве по залу и у окна стоишь, ни с кем не разговариваешь.

– Да, по большей части. Так что можешь не беспокоиться обо мне и идти развлекаться дальше.

Его настойчивый взгляд раздражал её. Она надеялась, что теперь он отстанет от неё, но ошиблась: Максим не сдвинулся с места.

– И каким же образом мне развлекаться? – поинтересовался он. – Сплетни слушать? Например, об Обществе Максимилиана, Ангеле и Волке? Чушь какая-то! Сплетен я не люблю, а побеседовать по-настоящему здесь не с кем, кроме тебя.

Брови Ангелы поползли вверх. Лесть это что ли?

– Думаю, ты не прав, – сказала она.

– Да нет же! – возразил парень. – Я серьёзно. Ты – умная девушка, Ангела. Я не встречал раньше таких, как ты.

– Таких, как я, и нет, как нет и таких, как ты. Если ты не в курсе, Максим, в этом мире нет двух одинаковых снежинок, листьев, камней. В этом мире ничто не повторяется. Каждый уникален.

– Я не об этом вовсе, Ангела! В другом смысле.

– Боюсь, я не в силах понять, о чём ты, – холодно произнесла ведьма, отбивая у него охоту делать ей комплименты.

Громов помолчал немного, но потом всё же упрямо заметил:

– Думаю, ты меня поняла.

Хранительница Сердца сделала вид, что не слышала его. Чем дальше, тем сильнее он её раздражал. Какой реакции он от неё ожидал?

– До чего же это утомительно, – вздохнул парень. – Я бы лучше дома посидел с книгой – больше пользы бы было, честное слово! Да и в толпе находиться я не люблю – в одиночестве я чувствую себя лучше.

Почему-то представить Максима, читающим в одиночестве книгу, Лика не могла. Абсурд прямо-таки. И, насколько она успела заметить, в центре внимания находиться он очень даже любил. Врёт. Ой, врёт!..

Девушка закусила губу, чтобы не засмеяться.

– Толпа – это ужасно, да? – сказал Громов.

Усилием воли блондинка подавила смех, рвущийся наружу, и повернулась к собеседнику лицом.

– Зависит от того, что это за толпа, – ответила она. – Я не могу согласиться с тобой в том, что подобные сборища бессмысленны и утомительны. Всё зависит от компании, на мой взгляд. Бывают такие сборища, которые я очень даже люблю и времени не пожалею. Сочувствую, что тебя всё это так утомляет, – с непонятной улыбкой добавила Ангела и, покинув раздосадованного парня, вернулась в компанию к отцу.

Момент, чтобы вернуться, она выбрала не самый удачный. Станислав Сергеевич как раз затеял разговор об Андрее Туманове. Что говорят именно о Волке, она, разумеется, поняла не сразу.

– Ты видел эти ворота? – докапывался до Филимонова-старшего Горлов. – Ну ты видел их или нет?

– Ну, видел.

– И?

– Стоят, наверное, очень недёшево.

– Вот именно! Откуда такой молодой парень взял деньги на дом – это уже большой вопрос, а уж эти ворота... Сколько бы у него ни было денег, он должен был их все потратить на дом, на ремонт – откуда на ворота такие шикарные у него взялись средства? Ну откуда?! Я даже представить не могу, сколько они стоят!

– Стас, – вступил в разговор Николай, – но он же работал на Чернова – ему, может, по блату сделали, по дешёвке.

– Чернов – не миллионер, – возразил зам. начальника ОВД города Сибирска. – Стал бы он терять такую прибыль. Да и кто такой этот Туманов, чтобы ему оказывали подобные привилегии? Кем он вообще работал, я никак не пойму?!

– Не знаю. Вот уж чего я не знаю. С его мозгами, предполагаю, он должен был занимать неплохую должность.

– Какую бы он ни занимал должность, – заговорил теперь Серов, – я не думаю, что получал он так много. И лично мне неясно, откуда у него взялись деньги на дом, а уж на ворота – тем более. Сколько ему было лет?

– Под тридцать, – ответил Станислав Сергеевич.

– Тридцать?! – воскликнул Серов. – И он купил себе такой дом? И поставил эти ворота?.. Я согласен с тем, что он занимался какими-нибудь грязными делишками и за них поплатился. Других вариантов просто быть не может.

– Полностью тебя поддерживаю, – кивнул Горлов.

– А ворота действительно шикарные, – мечтательно произнёс Петров. – Не ворота, а произведение искусства...

Разозлили ли Ангелу предположения мужчин? Да, разозлили, но она знала, что Волку было бы всё равно, что о нём думают те, кто сам в своё время занимался «грязными делишками». Каждый судит по мере своей испорченности, в конце концов. Разве можно было ожидать от этих людей чего-нибудь другого?

Ведьма с жалостью и презрением смотрела на Станислава Сергеевича, который не догадывался, что ворота, которые так его смущали, Андрей изготовил сам. Закупил материалы и выковал. Потратил на них множество своих вечеров и выходных дней. Но результат того стоил.

Анжелика опустила глаза. Она долго их не поднимала и не произносила ни слова. Даже когда мужчины принялись обсуждать сплетни о ней и Андрее, она никак не отреагировала, хотя в сплетнях оба были представлены трусами и злодеями. Её это не тронуло.

Из странного транса девушка вышла в один миг. Она ощутила, что рядом с ней что-то изменилось, и подняла глаза на своего соседа справа. Им оказался Мефистофель.

Ещё в начале вечера ей показалось, что в мужчине что-то не так, и теперь она присмотрелась к нему повнимательнее, чтобы убедиться в своей правоте. И убедилась.

Ахмедов влюбился – она это чувствовала. Нет, она это видела! Не как человек, но как ведьма она это ясно видела.

Опять опустив глаза, Ангела обдумала то, что открылось ей. Это было не простое увлечение, а искреннее сильное чувство. Уже и не надеялась ведьма, что друг когда-нибудь испытает нечто подобное. Она была рада за него.

Незаметно подвинувшись к Максимилиану поближе и улучив момент, пока в их сторону никто не смотрит, блондинка тихо сказала:

– Макс, ты влюбился.

Увы, она в этот момент не смотрела на мужчину и не увидела, что он пьёт что-то из своего бокала. А Макс подавился, услышав её слова, и закашлялся. Все взгляды тут же обратились на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.